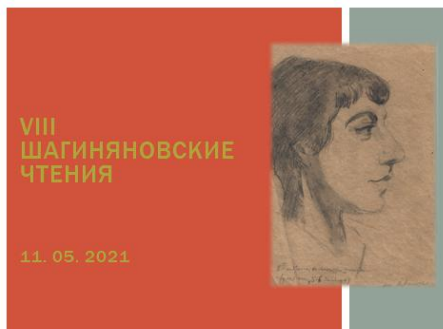


Министерство культуры Ростовской области
Южный федеральный университет
Ростовский областной музей краеведения
РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община»
Администрация Мясниковского района Ростовской области



«МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОНСКОЙ КРАЙ В
ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ М.С. ШАГИНЯН И ЕЁ
СОВРЕМЕННОКОВ»

МАТЕРИАЛЫ VIII ШАГИНЯНОВСКИХ ЧТЕНИЙ
РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
(май - июнь 2021г.)

Ростов-на-Дону.
2021 г.

Редактирование: Белов А.В., Матвеев Г.А., Соколова М.Ю.
Верстка: Белов А.В.

Сборник тезисов докладов, сообщений и рисунков подготовлен по результатам работы ежегодной региональной научно-практической конференции «VIII Шагиняновские чтения», которые состоялись 11 мая 2021 года в г. Ростов-на-Дону, в Музее русско-армянской дружбы (отдел ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения»).

Сборник адресован историкам, краеведам, работникам музеев, преподавателям, учащимся и студентам, а так же всем тем, кому интересна история Донского края.

ПАМЯТИ МИНАСА ГЕОРГИЕВИЧА БАГДЫКОВА (1936–2020)



Наше донское краеведческое сообщество, оргкомитет Шагиняновских чтений, медицинская общественность города Ростова-на-Дону понесли тяжелую утрату. 3 октября 2020 года скончался Минас Георгиевич Багдыков, автор многочисленных публикаций по истории и культуре г. Нахичевани-на-Дону, один из авторитетнейших членов оргкомитета Шагиняновских чтений, кандидат медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации.

Я познакомился с Миной Георгиевичем Багдыковым в далекие 1960-е годы, прежде всего, как с талантливым универсальным врачом, который успешно лечил различные недуги как взрослых, так и детей. Он обладал уникальными способностями расположить к себе больного, снять напряжение, стресс, неизбежные при возникновении серьезной болезни. Не случайно, к доктору М.Г. Багдыкову шла за врачебной помощью вся окрестная округа жителей в любое время дня и ночи. И он никому не отказывал.

В доме у Миная Георгиевича бывали замечательные люди – Герой Социалистического труда, генеральный директор «Ростсельмаша» Ю.А. Песков; профессор, руководитель струнного отделения Ростовской консерватории им. С.В. Рахманинова С.Б. Куцовский со своей супругой, мастером слова, Лилией Лилиной, выступавшей в Ростовской филармонии; блестящий хирург, литератор, остроумный человек, профессор А.В. Шапошников; организатор

«Шагиняновских чтений», профессор Н.С. Авдулов; философ, профессор Донского технического университета И.А. Негодаев и др. На этих встречах велись интеллектуальные беседы, обсуждались новости, события политической, социальной и культурной жизни страны и города. Как правило, сам Минас Георгиевич блистательно, эмоционально вел эти семейные торжества и дружеские встречи, вовлекая в беседу гостей. Встречи сопровождалась музыкальными импровизациями Минаса на скрипке или на пианино. Нередко играла, вызывая восторг слушателей, друг семьи, блестящий виртуоз, профессор Ростовской консерватории С.Б. Арабкерцева, выступали и талантливые скрипачи, ученики Галины Николаевны, супруги Минаса Георгиевича.

Минас в детстве и юности слышал воспоминания старожилов, живших в г. Нахичевани-на-Дону, ставшим в 1929 году составной частью г. Ростова-на-Дону, рассказы старших родственников, родителей, знакомых, у которых сквозили ностальгия по этому городу, гордость предками, крымскими армянами, переселившимися в Донской край по инициативе российской верховной власти и опиравшимися на значительные привилегии и льготы, благодаря трудолюбию и таланту сумели построить город, который по основным социально-экономическим и культурным показателям в 1840–1850 гг. опережал даже соседние города Ростов-на-Дону, Таганрог, Мариуполь. В Нахичевани-на-Дону и окрестных армянских селах родились люди, которые внесли существенный вклад в развитие не только региональной экономики и культуры, но и в культуры России и Армении: знаменитый художник М. Сарьян, известный российский революционер-демократ М. Налбандян, классик армянской литературы Р. Патканян, священник Г. Чорекчиянц, ставший в последствии католикосом всех армян и др.

Минас Георгиевич болезненно переживал, что в советский период история, культура и, главное, люди города Нахичевани-на-Дону были преданы забвению. А он, отнюдь не историк, не краевед, а профессиональный врач, хирург, решил в конце 1980 гг. написать и опубликовать книгу «Нахичеванские портреты» (1991), в которой поставил цель, опираясь на

дооктябрьские источники, воспоминания старожилов, собственное общение в молодости с ветеранами этого города, реанимировать память о его славной истории, культуре, нравах, образе жизни, воссоздать портреты значительных людей, живших в этом городе. В этой книге содержится значительный фактический материал об истории и культуре Нахичевани, она пронизана лиризмом, эмоциональным отношением к жившим в нем людям, в том числе к тем, кого Минас Георгиевич знал лично.

Эта работа М.Г. Багдыкова проложила путь публикациям таких известных ростовских краеведов, журналистов, историков, как В.В. Смирнов, В.С. Сидоров, С.С. Казаров, С.Е. Суций, Р.Г. Такиджян и других, сформировавших нахичеванское краеведение как неотъемлемую составную часть донского краеведения.

Минас Георгиевич, сочетая напряженную профессиональную врачебную деятельность с любовью к нахичеванскому краеведению, продолжал готовить и публиковать книги по истории и культуре г. Нахичевани: «Лики прошлого» (1995), «Нахичеванские находки» (1999). Две книги он посвятил жизнедеятельности архиепископа Иосифа Аргутинского, предводителя армян России, который принимал самое активное участие в основании и развитии г. Нахичевани-на-Дону. В соавторстве с сыновьями Георгием и Тиграном опубликовал работы, посвященные истории нахичеванской медицины (2007), жизни и деятельности известного нахичеванского градоначальника Аругюна Халибяна (2011). Минас Георгиевич и его сын Георгий опубликовали книги «Как строилась Нахичевань» (2017), «Наша вера» (2016) об истории взаимодействия Армянской апостольской и Русской православной церквей. Последней публикацией М.Г. Багдыкова стала замечательная книга его воспоминаний о пережитом, начиная с периода Великой Отечественной войны, написанная по просьбе сыновей (2019).

В период перестройки в СССР, на волне демократических перемен, по инициативе общественности города в 1988 году возникло культурно-просветительское общество «Нор-Нахичеван», которое ставило задачи возрождения и сохранения

самобытной многовековой культуры донских армян, в последствие переименованное в РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община». М.Г. Багдыков активно участвовал в создании и работе этих общественных организаций, входил в состав их правлений. Он в качестве делегата от донских армян участвовал в почетной миссии избрания католикоса всех армян Гарегина II в Армении. До последних дней своей жизни Минас был активным членом нахичеванской армянской общины.

Минас Георгиевич был одним из самых авторитетных членов оргкомитета Шагиняновских чтений, выступал с докладами о жизни и творчестве М.С. Шагинян и ее современников, выходцев из г. Нахичевани-на-Дону. Он был уникальным знатоком истории и культуры донских армян, г. Нахичевани-на-Дону, выступал экспертом в дискуссиях по спорным вопросам в этой области донского краеведения, неизменно участвовал в определении проблематики очередных Шагиняновских чтений.

Минас занимал и занимает большое место в моей жизни. Его трепетное отношение к родителям, семье, к своему дому, высокое отношение к своей профессии как к служению, трудолюбие, его действенная любовь к родному городу, его вклад в изучение истории и культуры Донского края являлись и являются примером для меня. Мне не хватает его душевной щедрости, приветливости, светлой доброй ауры, которая исходила от него. Я благодарен судьбе, что много десятилетий мог общаться, дружить с этим замечательным человеком, его семьей.

Г.А. Матвеев,
председатель оргкомитета
«Шагиняновских чтений»

ПРИВЕТСТВИЕ

Ростовская региональная общественная организация «Нахичеванская-на-Дону армянская община» по поручению правления РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община», его председателя А.А. Сурмаляна приветствует уважаемых участников VIII «Шагиняновских чтений»!

Сам факт проведения в восьмой раз ежегодных «Шагиняновских чтений» – свидетельство искреннего интереса к литературному наследию выдающегося российского, советского писателя Мариэтты Сергеевны Шагинян. Несомненным достоинством «Чтений» является то обстоятельство, что на этих научных конференциях выступают не только ученые, но и школьники г. Ростова-на-Дону и Ростовской области. В современных школьных программах изучение произведений М.С. Шагинян не предусмотрено. Между тем, литературное наследие М.С. Шагинян сохраняет большой интеллектуальный, нравственный потенциал, является важным источником изучения переломной эпохи в истории нашей страны, всего мира.

К великому сожалению, в 2019 году скончался организатор «Шагиняновских чтений» Николай Степанович Авдулов (1932–2019). Его сподвижники во главе с Германом Ароновичем Матвеевым достойно продолжают сложившиеся традиции изучения и пропаганды литературного наследия М.С. Шагинян и ее современников.

«Шагиняновские чтения» стали событием культурной жизни города Ростова-на-Дону и Ростовской области, вовлекают в свою орбиту исследователей из других городов нашей страны.

От имени РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община» желаю участникам VIII «Шагиняновских чтений» успешной плодотворной работы.

С.М. Саядов

кандидат исторических наук,
исполнительный директор РРОО
«Нахичеванская-на-Дону армянская община»

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ УЧАСТНИКОВ VIII « ШАГИНЯНОВСКИХ ЧТЕНИЙ »

А.В. Белов

М.С. ШАГИНЯН О СВОЕЙ РОДОСЛОВНОЙ

Родилась Мариэтта Сергеевна Шагинян 21 марта 1888 года в Москве в армянской семье врача. Корни ее отца Сергея (Саркиса) Давыдовича Шагинянца следует искать в армянской «колонии» города Григориополя на Днестре, а материнские корни – Пепронэ Яковлевны Хлытчиевой – в армянской «колонии» Нахичевани-на-Дону. Надо сказать, что семья жила интересами московско-русской интеллигенции. Русские начала пронизали все поры этой семьи: русскими были кормилицы, вскармливавшие своим молоком сестер Мариэтту и Лину, русской была няня – главное звено связи девочек с внешним миром, русским был научный руководитель отца, под началом которого он проводил свои эксперименты над собаками, готовясь к защите докторской диссертации, русскими были и пациенты Старо-Екатерининской больницы, в которой их лечил отец.

Московскую квартиру интеллигентной семьи Шагинянц переполняли книги по русской и мировой классической литературе. Они стояли на полках в дубовых шкафах со стеклянными дверцами в кабинете отца и в «будуаре» матери, в гостиной и даже в передней. Книги в золоченых переплетах вынимались после обеда для чтения вслух или вечерами перед сном. Обычно читала мама, отец же лежал, отдыхая, на диване и слушал. Особенно отец любил поэзию А.С. Пушкина; с большим чувством он обращался к его «Цыганам». Поэтому «образ Пушкина с самого раннего детства стал обрастать» для девочек «чем-то таинственным, словно тут он» [1, с. 54], а вовсе не погиб на дуэли. Вторым его любимцем был поэт И. Гёте. В день девятилетнего рождения Мариэтты отец подарил ей многотомное сочинение Гёте на немецком языке в берлинском издании.

Перед тем как, опираясь на свои дневниковые записи, которые Мариэтта Сергеевна вела в течение всей жизни, она стала писать свое последнее произведение «Человек и время. История человеческого становления», выпущенное ею в свет уже в конце жизни, она изучала архивные документы, прочла прекрасные книги Саломэ Арешяна «Армянская печать и царская цензура», Жореса Ананяна «Армянская колония Григориополь», до самых корней охватывающие армяно-русские отношения. На нее «нахлынули «гены» тысячевекового бродяжничества армян по лицу нашей земли, постоянного снятия с родной земли со всем скарбом, заселения новых земель, их любовного обихаживания, их покрытия садами и – снова снятия, передвиженья, борьбы». И она поняла, что «ответвилась от этого народа, поросла его веточкой», – и ей «стало жизненно важно разобраться в судьбах армянского народа, осевшего колониями на русской земле» [1, с. 9].

Но прежде чем очутиться в царстве «генов», М.С. Шагинян попыталась ответить на вопросы – что такое *колония* в самом теле большого государства, как вкрапленный в это тело инородный предмет? В чем состоят особенности русской колонизации? Чем она принципиально отличалась от колонизации европейской? Скажем, англичане, колонизуя далекие страны, использовали их *отсталость*: дешевые рабочие руки населения этих стран добывали для них природные богатства, выгодно вывозимые из колоний. Местным народам давались лишь малейшие зачатки цивилизации, т.е. создавалось политико-экономическое явление, именуемое «*колониализмом*». Иное дело в России. На свои пустынные территории могучее государство с поклоном приглашало иноплеменных чужеземцев коллективно селиться на его необъятных просторах, осваивать, застраивать и культивировать их, используя свои *культурные навыки и умения*. А, приглашая, еще и давало денежную помощь, иные различные привилегии – свободу от налогов, от набора в рекруты, сулило им собственное управление в построенных ими городах, свое судопроизводство и преподавание в школах на родном языке.

Милости просим – только заселяйтесь!

Так поступали древние славяне, обращаясь к варягам с призывом прийти «княжити» на нашу землю, которая «велика и обильна». Так действовал Петр Первый, нуждающийся в умелых руках немцев и заселяющий ими целые слободы. Присоединив Крым и придунайские земли к Российской империи, Екатерина Великая также остро нуждалась в заселении пустынных территорий в степях вдоль «тихого Дона», в новых поселениях на Кавказе, в городах Феодосии, Армавире, Кизляре, Астрахани, и даже в расширении пригородов столиц – Петербурга и Москвы. Императрица усиленно приглашала в Россию греков и болгар. Представители этих народов сотнями снимались с насиженных мест. Заселять Юг России двигались длинные караваны опытных купцов, разбирающихся в восточных и западных товарах, знающих толк в торговых путях и рынках, сметливых в разговорных языках десятков народов. Приглашенные в империю «умелые руки» строили себе дома и целые города, садили сады и виноградники, культивировали землю, насаждали ремесло, какому сами были обучены – топили сало, тянули кожу, отливали свечи, разводили шелкопрядов, производили шелк и т.д., т.е. на пустынных русских землях «ценные специалисты» строили, создавали, налаживали, торговали, становясь, так сказать, «цивилизаторами» этой земли. Таковую судьбу русское государство уготовило, в частности, и армянам, которые подобно строительной способности пчел, муравьев и бобров, стремясь «строить, лепить, цементировать, связывать», превращались в желанных колонистов на пустынных просторах Юга России.

Из архивных материалов «первой петиции» Екатерине Великой, датированной 1791 годом, армянами, которые приглашались из Измаила для строительства города Григориополь, в свою книгу М.С. Шагинян выписала «целых тринадцать пунктов» их желаний получить следующие «права»: *право постройки* «из собственного их иждивения купеческих мореходных судов, в разведении нужных и полезных *фабрик, заводов и фруктовых садов*, в делании виноградных вин и свободной продажи... Словом, распространения всякого звания *промыслов по собственной каждого воле и достатку их*» [1, с. 10] (*курсив* М.С. Шагинян). И уже в начале 1792 года на эти

«просьбы» армян Императрица Российская своим Указом екатеринославскому губернатору В.В. Коховскому поручала жизнь переселенцев-армян из Измаила: «Покойный князь Григорий Александрович Потемкин Таврический назначил быть городу армянскому под именем Григориополь у самого Днестра». Она распоряжалась:

«Мы, утверждая сие назначение, повелеваем:

– первое: отвести помянутую округу ...под город армянский, который и именовать Григориополь;

– второе: сделать план сему городу и, расположа оный сообразно роду жизни и упражнению трудолюбивого сего народа, представить его нам;

– третье: между тем преподавать армянам все зависящая от вас вспомошествования к водворению их тамо, производству ремесел и открытию фабрик, которыхя они завезть намерены» [цит. по: 1, с. 10-11].

Из Измаила в конце XVIII столетия в строящийся Григориополь направилась и семья врачавателя Макария Шагинянца. К концу XIX века в этом городе Российской империи из семьи измаильских переселенцев оставались жить лишь протоирей армянской соборной церкви Григориополя Давид Шагинянец со своей незамужней дочерью Нунэ. Имя бабушки Мариэтты Сергеевны Давида Шагинянца в истории Григориополя жители города связывают с открытием здесь в 1868 году первой в России женской приходской школы, в которой дочерей из бедных армянских семей обучали письму и речи на родном языке. Выражая надежду, что успехи выпускниц на экзаменах по армянскому языку «будут из года в год еще более разительными на благо и радость нации», протоирей Давид Шагинянец в своей статье журнала «Арагат» (4 марта 1871 г.) настаивал, что мы «постепенно смогли бы достигнуть той ступени просвещения, где уже сверкает славное знамя других народов», поэтому «единственным предметом и средством просвещения и силы нации может явиться лишь образование» [цит. по: 1, с. 68].

Дедушку по отцовской линии Мариэтта в своей жизни видела дважды. «Впервые мы с сестрой увидели его в Москве, когда были совсем маленькие. На голоса взрослых: «Дедушка

приехал, дедушка приехал!» – мы бросились в гостиную. Там, посреди комнаты, стоял большой, красивый человек в рясе, на груди у него висел крест, волосы были длинные с проседью и с проседью борода, лоб высокий, а глаза удивительной доброты и смущения и такая же добрая, виноватая улыбка. Он держал обеими руками круглый торт, но за верхнюю крышку. Когда шагнул нам навстречу, нижняя часть коробки вместе с тортом выскользнула из-под верхней крышки и с треском упала на пол, разбрызгивая во все стороны крем и цукаты. Так он мне и запомнился на всю жизнь, с его неизъяснимой, нежной притягательностью, с каким-то смиренным чувством вины и тонкими длинными пальцами, не умевшими крепко держать вещи» [1, с. 23].

Второй и последний раз со своим дедом двенадцатилетняя Мариэтта виделась на рубеже XIX и XX вв. В канун Нового года в Москву пришла телеграмма о тяжелой болезни дедушки Давида Шагинянца, который «зовет проститься отца». Он взял с собой и Мариэтту. После поспешных, но основательных сборов отправились на вокзал. Вскоре поезд тронулся. В натопленном вагоне было жарко, но все равно его окна замерзли; на улице стоял мороз. В первые сутки поездки спали, ели, пили чай. Во «вторую же ночь что-то случилось»: поезд остановился на маленькой станции Бирзула (кроме того скопилось и еще семнадцать составов), по коридору беспрестанно ходили пассажиры, открывая и закрывая входную дверь, через которую «влетал ледяной воздух». Раздавались голоса: «Сыплет и сыплет», «заносы»... «Несколько сот человек – чуть ли население уездного городишки – очутилось на виду друг у друга, разных людей, закутанных по-зимнему». В клеенчатой тетрадке осталась запись: «Бьют в ладоши, постукивают ногами, чтоб мороз не кусал». Возликовавший было в первые часы от выручки хозяин единственного на станции буфета впал в панику и «стал прятать запасы». Пассажиры поговаривали: «Неведомо сколько простоем». Начали экономить уголь и пищу, в вагоне было уже не так жарко, пассажиры закутывались в платки и шарфы. А надо было «согреть, накормить, удержать от безобразий и беспорядка все поездное население». Снежные

заносы по обе стороны пути, а снег все идет и идет, уже намело снежных сугробов в человеческий рост.

Требовалась самоорганизация случайно свидетелем огромной массы людей. И пассажиры стали самоорганизовываться: составили группы людей для расчистки железнодорожных путей от снега, для учета угля и провизии. Дамы и молодежь дежурили на кухне, приструнили купчину-буфетчика, «он плут, но понимает – иначе голод, вспыхнет эпидемия или разграбят без лишних слов его лавочку». Мужская часть застрявших пассажиров беспрестанно днем и ночью двое суток очищали рельсы. Группы поочередно менялись, передавая лопаты, коих было мало, чтобы *шансовый инструмент* постоянно был в работе. Отец Мариэтты несколько раз брал свою врачебную сумку и куда-то уходил. «Наверное, были больные». «Такова *ситуация*», – старательно вывела в своей клеенчатой тетрадке Мариэтта, подчеркнув слово «*ситуация*».

Так в трудах прошло двое с лишним суток. Но вот 31 декабря 1900 года и наступил долгожданный новогодний вечер. Мужчины к темноте уже доканчивали расчищать железнодорожные пути. Дамы усердствовали у костров, где готовилась еда. Стол был в складчину, дешевый, продуктов оставалось совсем мало. Все находились «в ожидание редкого события». «Мадемуазель, – услышала Мариэтта у себя над ухом голос незнакомого человека, – не каждому в жизни доводится встречать новый век. Ты запомни, как с ним встретишься, – на ходу, в снегу, на дороге». И она запомнила до самого конца своей жизни. Ни за что не желала в тот вечер ложиться спать. Ей хотелось слушать, что будут говорить взрослые, хотелось дожидаться, когда «старые станционные часы прохрипят двенадцать ударов», хотелось вместе с ними выпить за новый век стаканчик сладкого морса, приготовленный для «несовершеннолетних».

Речей и тостов было много, но особенно запомнились Мариэтте Сергеевне слова «невысокого человека с каштановой бородкой и добрыми впалыми глазами». Это был «учитель» и был он «болен сердцем». Именно к нему в его вагон ходил отец со своей врачебной сумкой.

«Как понимать престиж? – тихо начал он свою речь. – Вот наша великая русская литература подняла престиж русского человека за границей. Чем? Идеалами, отсутствием зависти, умением понимать и любить все хорошее у других, как свое, широким чувством человека и человечности вообще. Благородством. Вот и мы тут подняли престиж русского человека, хотя об этом никто в барабан бить не будет. У нас могла бы тут свалка получиться, худшие стороны показали бы люди – требовали б, искали б для себя привилегий, начальство подкупали, отлынивали от работы – черт-те что произошло бы на станции Бирзула, о чем потом стыдно было бы вспоминать... А сейчас у каждого на душе светло, встречаем новый век организованно, по-человечески. Значит – можно так жить.

Желаю новому веку, чтоб пришел к нам в обличии человеческом и научил, как *правильно жить!*» – особенно вывела своим бисерным девичьим почерком Мариэтта Шагинян в клеенчатой тетрадке, предназначенной «для записи впечатлений», слова «*правильно жить*», поставив после них жирный восклицательный знак [1, с. 25-29].

Так она встретила новый, бурный XX век на станции Бирзула. В Тирасполь поезд прибыл, когда старый XIX век был уже позади, но армянское рождество еще не наступило. В Григориополь отец с дочерью приехали поздно ночью, когда Мариэтта крепко спала. Дедушку она увидела только утром. Давид Шагинянц сидел в кресле, большой и тучный, с грузными, отекающими ногами, изжелта-бледным обвисшим лицом и тяжело дышал. Он болел «водянкой»... Все зимние школьные каникулы московские родственники провели с больным дедом... Через несколько недель после их отъезда в Москву пришла телеграмма о том, что дедушка умер. Но горе пришло в семью и вторично. Через полтора года, осенью 1902 года от цирроза печени совсем еще молодым скончался отец, Сергей Давыдович.

Если по отцу, измаильцу-григориопольцу, Мариэтта Сергеевна Шагинян принадлежала к этой странствующей ветви армянского народа, то корни материнской линии уходили в Крым, в котором осталось немало следов от крымских армян. Это и развалины старых церквей, и старинные армянские

поселения, где земля была ухожена и взлелеяна армянским народом под сады и виноградники. Уже к началу XIX века потомки крымских армян, начиная с царствования Екатерины II, построили рядом с Ростовом город Нахичевань-на-Дону, сохранив при этом свой, пропитанный татаризмами стол и самобытный диалект, где армянский язык обрел немало татарских словечек.

«Город Нахичевань управляется армянским магистратом, руководствующимся древним римским судебником, и, не имея русской полиции, составляет как бы особое государство в государстве, ...ссылаясь на высочайше дарованные грамоты и превратно толкуя изложенные в оных привилегии», – выписала из архивных документов М.С. Шагинян, выделив при этом восклицательными знаками: «Самостоятельное управление! Древний римский судебник! Отсутствие русской полиции! Государство в государстве!» [1, с. 22]. Обособленный от крупного портового города Ростова-на-Дону, маленький Нор-Нахичевань был отделен кусочком «голой степи и мелкорослой искусственной рощей», которую именовали «Балабановской». В этот уютный армянский городок сестер – Мариэтту и Лину – практически каждое лето после смерти отца «возили на побывку к бабушке» и к многочисленным тетюшкам, его дочерям. Благообразный в старости Яков Матвеевич Хлытчиев был купцом первой гильдии и *пользовался огромным влиянием в обществе* (курсив М.С. Шагинян). С молодости дед обожал свою жену, а та одарила его почти двумя десятками детишек, в основном, девочками. Каждой из них отец приготовил приданое в 25 тысяч рублей и выдал «замуж за местных богатеев». Так что, если называть фамилии именитых «первогильдийных» армян Нор-Нахичевани начала XX столетия, то наверняка это были «дяди» Мариэтты и Лины, т.е. «мужьями маминых сестер: Джамгаров, Хатранов, Чикнаверов, Сагиров, Когбетлиев, Шилтов – банкирский дом, нефтяные промыслы, рыбные промыслы, нотариальная контора... Тети, ...красивые, крепкие, хозяйственные, одаренные здравым смыслом и коренным упорством в поведении... верили в незыблемый распорядок жизни, в женские функции жен и матерей, в соблюдение обычаев, ...правил и привычек» [1, с. 17].

«Купец Яков Хлытчиев стоит у меня перед глазами очень цельным в его глубокой старости – круглая голова с выпуклыми глазами из-под густо нависших кустиками белых бровей, с одутловатыми мешками под ними, с бульдожьими щеками и пышными седыми, с желтизной усами над бисмарковым подбородком». Безмолвное повиновение своих многочисленных дочерей вошло у него в привычку, московские же внуки – Мариэтта и Лина – вели себя «за столом вольно, вмешивались в беседу». А дед любил с ними «беседовать о политике», хотя и плохо говорил по-русски. Последний раз она обедала с дедом в свои девятнадцать лет, когда уже публиковалась в газете «Приазовский край». «Дедушке это нравилось. Он скрывал, что гордится мной, называл меня «он» и всегда говорил обо мне как «о нем» – мужчине, мальчике, а я тоже очень этим гордилась» [1, с. 22-23]. Под конец жизни Яков Матвеевич «дотла разорился». В его нахичеванский каменный двухэтажный дом после смерти мужа из Москвы перебралась «хозяйкой моя мать», Пепронэ Яковлевна, которая пережила Сергея Давыдовича без малого на тридцать лет.

В частые приезды ее дочерей родные тетушки их «потчевали армянскими блюдами», хранившими вкус крымско-татарской кухни, например, *мусаха́-самса́-хатламá* или иначе бараньи язычки, приготавливаемые в маринованном и в копченном виде. О вкусе копченых бараньих язычков бурого цвета, с которых аккуратно срезали кожу и делили на тоненькие ломтики («*таких язычков мне больше никогда не случалось есть!*»), М.С. Шагинян писала уже в пожилом возрасте, но как об этом она аппетитно вспоминает и вкусно описывает, что даже слюнки текут! Угощали их и плоской колбаской из копченого бараньего мяса с чесноком, – лакомством, называемым *эрши́кíком*. Приготовление эрши́кíка претерпело изменение во вкусе и ныне называется «суджуком». А вот татарские блюда из мучных ушков, начиненных ароматным, с травками, бараньим мясом, – *хаши́к-берéк* (суп с ушками на кислом молоке) и *татáр-берéк* (блюдо с ушками в мацуне со сливочным маслом), посыпанные сверху толченым сухим чебрецом, М.С. Шагинян оценивала так: «*никогда и нигде не ела ничего вкуснее*».

И вкус армянских блюд, и их приготовление, и процесс приема пищи в уютном Нор-Нахичевани носили «характер праздничный, почти эстетический». Маризтта Сергеевна вспоминала, что для приготовления «берёков» привлекалась вся женская половина дома и даже дети. Сначала им щеткой с мылом мыли руки (и особенно ногти) и только после этой тщательной процедуры, повязав огромными полотенцами под самый подбородок, допускали к кухонному столу. Потом начиналось священнодействие: на доске аккуратно резалось тесто на части, эти части раскатывали на длинные столбики, их делили на кусочки, приминаемые пальцами, и острыми краями опрокинутой рюмки руки взрослых женщин нарезали из них ровные кружочки, а уже в эти кружочки накладывали щепотку приготовленного фарша, и лишь потом дело передавалось в руки детей. Те «с огромной осторожностью, благоговей, закрывали и защипывали эти начиненные кружки сверху, в особого типа круглую маленькую розетку-ушко». В это таинство приготовления армянского блюда общим трудом взрослых и детей закрадывался определенный секрет: «бывало, мать достает из многочисленных жестянок со всякими сухими ароматами – шафраном, корицей, лавровым листом – несколько черных гвоздичек и поручает нам, детям, воткнуть их в ушки, да так, чтобы снаружи не видно» было (это делалось для того, чтобы «принести счастье» тому, кому выпадет за столом это ушко. «Число таких гвоздичек всегда бралось вдвое меньше приглашенных к столу»).

Столь подробно описываемая процедура приготовления армянской пищи с привлечением детей припоминалась автору книги «Человек и время», когда она «раздумывала над лучшими методами педагогики». Ребенку труд, когда его *заставляют* трудиться, мог казаться *скучным*; но если взрослые перед детьми делают свой труд *обаятельным*, то он становится для них *заразительным*. Дети начинают хотеть трудиться: «и я! и я! Дайте попробовать! И пробуют со стиснутым ртом, с затаенным дыханьем, с наслажденьем в глазах и пальцах, – писала М.С. Шагинян, ссылаясь на хитрость Тома Сойера, которого тетушка в воскресный день *в виде наказания* заставила красить забор. Сначала бедняга Том «пал было духом», но заметив

подходивших к нему мальчишек, тут же превратился в художника или даже творца («поджав губы, мазнет кистью – отступит на шаг, поглядит на творение рук своих, слегка наклонив голову, окунет кисть в краску и опять мазок – ровный, густой, сочный»). Известен и конец этого приема мальчишкитреца: охваченные завистью, «зараженные трудом мальчишки один за другим стали выпрашивать у Тома разрешение тоже поучаствовать в творческом обаянии труда. И Том не сразу, и не безвозмездно, стал разрешать каждому из них поучаствовать в покраске забора. «Он применил прием заразительности труда – показал его обаяние», – констатировала М.С. Шагинян, восклицая: «Так надо учить!» [1, с. 15-16].

С особым трепетом Мариэтта Сергеевна отнеслась к описанию процедуру чаепития у нахичеванцев, глубокими корнями уходящую в древние традиции крымских татар. Либо мать приглашала своих сестер, либо, наоборот, «они – нас», на вечерний «калмыцкий чай». Тетушки являлись чинно в платьях для «выхода», в гостиной на столе оставляли снятые шляпки, приколотые к прическе длинной булавкой, а аромат калмыцкого чая, доносившийся из кухни, уже пропитывал все комнаты. Кирпичный чай, продававшийся плоскими плитками, кипятился в большом котле, потом процеживался и смешивался с молоком (половина наполовину), а потом уже подавался к столу. На нем перед каждой тетужкой стояла небольшая чашка без ручки, солонка с солью и свежее сливочное масло, а на тарелке – горка особых несочных сухариков без сахара. Похрустывая рассыпчатыми сухариками, родственницы пили чай, слегка подсолив его и опустив в чашку немного масла. Почему этот чай называли «калмыцким» уже никто и не помнил (в долине Арарата, да и в самом Ереване, такой чай и вовсе не пьют), но нахичеванские врачи настоятельно рекомендовали этот напиток, который якобы «продлевает человеческую жизнь». «Тетки наши, разгораясь от питья, гортанно сыпали бесконечными рассказами и восклицаниями на армянско-нахичеванском диалекте» [1, с. 16-17].

Так вот, два потока «генов» по отцовской и по материнской линиям, – мирное национальное культуртрегерство и неукротимый дух предпринимательства, – в двух маленьких

«колониальных» городках России слились в единое целое. И в этом слиянии двух семей как в капле воды отразилась большая история общественной жизни огромного Российского государства, которое соединило миллионы судеб в единый поток времени и свершений на благо Родины.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Человек и время. История человеческого становления. М., 1982.

Г.А. Матвеев

МИР МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ М. С. ШАГИНЯН «ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СТАНОВЛЕНИЯ»

Важнейшей стратегической проблемой развития современной России, от успешного разрешения которой зависит будущее страны, является становление и развитие российской гражданской нации. Необходимая предпосылка движения к этой цели – формирование отношений доверия, уважения, взаимопонимания, сотрудничества, в идеале – дружбы народов в нашей стране. На всем протяжении истории России значительную роль в утверждении в ней атмосферы сотрудничества народов, в преодолении эксцессов их недоверия, вражды друг к другу играли и играют лучшие представители отечественной художественной интеллигенции.

Весомый вклад в разрешение этой сложнейшей проблемы внесла выдающаяся российско-советская писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян. Различные аспекты воплощения мира межнациональных отношений в литературном наследии писательницы рассматривались в научных работах, посвященных изучению ее жизни и творчества [см. 1]. Вместе с тем, в качестве предмета изучения эта задача еще ждет своих исследователей. Проанализируем актуальные аспекты этой проблематики творчества М.С. Шагинян, опираясь, в основном,

на ее воспоминания «Человек и время. История человеческого становления», опубликованные в 1982 году.

Характерная особенность, интеллектуальная и информационная ценность, современная актуальность этой книги воспоминаний Мариэтты Сергеевны Шагинян объясняется, на мой взгляд, двумя обстоятельствами. Прежде всего, уникальностью творческой личности М.С. Шагинян, в которой органически, талантливо сочетались, взаимодействовали художественный и научный, исследовательский способы освоения действительности. Эта двойная тяга, фундаментальная образованность, неустанный идейно-нравственный поиск, литературный талант обеспечили ее воспоминаниям глубину, объемность, творческую убедительность в познании противоречий переломной эпохи в истории России, всего мира.

Свои воспоминания М.С. Шагинян писала в конце жизни: начала в возрасте 82-х лет, а завершила, когда ей исполнилось 90 лет, опираясь на дневники, которые она вела на протяжении большей части своего жизненного пути, осмысливая его опыты, прибегая, как она сама писала, к помощи «всего пережитого, всей панорамы жизни», извлекая уроки [2, с. 351].

Второе обстоятельство, которое обеспечило объемность, творческую зоркость воспоминаниям М.С. Шагинян, глубину проникновения в сложнейший мир межнациональных отношений, заключалось в том, что ее жизнь, творчество представляются типичным массовым проявлением культурной сложности, двойственной этнокультурной идентичности людей, исторически сложившихся в нашей стране. Дело в том, что М.С. Шагинян одновременно принадлежала и к русской, и к армянской культурам. Писала она свои произведения на русском языке, но всегда помнила о своих армянских корнях, понимала армянскую речь, умела читать и переводить армянские тексты, в том числе и на древнеармянском грабаре. Значительная часть ее творческого наследия посвящена истории, культуре, судьбам армянского народа, в том числе армян Юга России.

Истоки этой двойственной этнокультурной идентичности М.С. Шагинян коренились в ее происхождении, воспитании и

образовании, ее окружении. Вот как она писала о своем происхождении: «И по матери, крымской армянке, и по отцу, измаильцу-григориопольцу, я принадлежу к этой странствующей анийской ветви моего народа» [2, с. 14]. «Я ответвилась от этого народа, поросла его веточкой – и мне стало жизненно важно разобраться в судьбах армянского народа, осевшего колониями на русской земле» [2, с. 9]. Вместе с тем М.С. Шагинян отмечала: «Наша семья была частью московской армянской колонии, но практически жила интересами и жизнью московско-русской интеллигенции. Русское начало проникало во все поры нашего дома...» [2, с. 53].

М.С. Шагинян с большой любовью и уважением отмечала мудрость своего отца, образованного талантливое человека, доктора медицины, преподавшего ей важные нравственные уроки своими поступками [2, с. 54-55]; о «золотых руках» своей матери, о ее необыкновенной музыкальности, о необременительности добра, которое она делала нередко незнакомым людям [2, с. 92-96, 135]. С большим уважением М.С. Шагинян воссоздала образ Якова Матвеевича Хлыгчиева, своего дедушки по материнской линии, именитого нахичеванского купца, который по отзывам полиции был организатором торжественного погребения на родине, в г. Нахичевани-на-Дону опального политического ссыльного, революционера-демократа Микаэла Налбандяна [2, с. 18-19, 21-23].

М.С. Шагинян с большим чувством и симпатией писала и о своем дедушке по отцовской линии, священнике Давиде Шагиньянце, который был инициатором открытия в 1868 г. в Григориополе одной из первых в России женских приходских школ [2, с. 65-68]. Писательница талантливо, художественно выразительно на страницах своих воспоминаний воссоздала обычаи и традиции жителей г. Нахичевани-на-Дону, родине ее матери, в котором она неоднократно гостила в детском и юношеском возрасте, а затем жила и работала в 1915-1920 гг. [2, с. 14-19, 469].

Вместе с тем М.С. Шагинян было чуждо апологетическое восприятие жизни в г. Нахичевани-на-Дону, она объективно оценивала ее. «Жизнь казалась там узкообособленной,

монотонной, мелконациональной и, как масло с водой, совсем не сливавшейся с жизнью большого русского мира в Ростове по соседству, а тем более не похожей на нашу московскую русскую жизнь» [2, с. 18]. Выделяясь широтой кругозора, М.С. Шагинян убежденно заявляла: «Ненавижу восхвалять «свое» только потому, что оно «свое», и ругать «чужое» только потому, что оно «чужое»» [2, с. 50].

М.С. Шагинян, посвятив много теплых благодарных слов своим армянским родственникам, друзьям, знакомым, известным современникам [см., например, 3, с. 176-178, 480-492, 492-496, 496-500, 500-504, 507-517, 547-550, 557-559], предельно резко высказалась о деятельности армянского архиепископа в Кишиневе Григория Захарьяна, который, став предводителем григориопольского духовенства, по документальным данным обложил прихожан такими непомерными церковными поборами, которые собирались с помощью полиции, что некоторые представители армянской бедноты были вынуждены даже поменять веру. Комментируя это явление, Мариэтта Сергеевна восклицала: «Их ни турки, ни персы, ни монголы, ни римляне не смогли заставить переменить веру», но это умудрился сделать собственный пастырь, армянский архиепископ [2, с. 65].

Воспитанная в духе демократических традиций лучшей части старой русской интеллигенции и обладающая феноменальной широтой интересов, обширным общекультурным кругозором, М.С. Шагинян испытывала отвращение к любым проявлениям национализма, антисемитизма. Так, например, она оценила как *оскорбительный* для нее «*позорный антисемитизм*», который допустил в своем письме к ней известный писатель Дмитрий Мережковский. Мариэтта Сергеевна отмечала, что Д. Мережковский «не постыдился написать это мне, хотя не сказал бы вслух в обществе» [2, с. 323-324]. Писательница неоднократно самым решительным образом осуждала «дурные общественные события», связанные с известным «делом Бейлиса» [2, с. 432], «порочную позицию» Ф.И. Булгакова, занятую им – редактором журнала – в связи с «делом Дрейфуса» [2, с. 138].

Интернационализм был стержневой установкой мировоззрения М.С. Шагинян. В статье о И. Гёте, которого писательница считала своим «главным учителем», отмечается: «Гёте близок к нашему времени своим постоянным напоминанием о необходимости народам земной планеты знать друг друга, жить в мире и взаимном понимании, решать возникающие вопросы и конфликты применением разума, а не оружия» [2, с. 174-175].

Среди ее многолетних друзей были люди разных национальностей. О своей дружбе с великим русским композитором С.В. Рахманиновым М.С. Шагинян вспоминала как о «бескорыстной и человеческой дружбе» [2, с. 393], отмечала, что «нет у меня сил передать то светлое, может быть, самое светлое в моей жизни, что было в нашем общении» [2, с. 416].

Еще гимназисткой Мариэтта подружилась с соученицей Лидой Лепинь, латышкой по национальности, которая, по ее словам, «сделалась моей подругой на всю долгую жизнь». На каникулах Мариэтта бывала в гостях у ее родителей, где «пелись чудные народные песни с грустно-задумчивой мелодией, готовились латышские блюда к столу, поэтесса читала стихи на незнакомом для уха языке, а старики-родители, слушая, вытирали на щеках слезы» [2, с. 130]. В своих воспоминаниях М.С. Шагинян писала о том, что в 1914-1916 гг. «сменила студенческую наемную комнату на «пансион» у ставших мне дорогими друзьями Метнеров – композитора Николая Карловича, его старшего брата философа Эмилия Карловича и Анны Михайловны, жены композитора» [2, с. 424].

В 45-летнем возрасте, в 1933 г., М.С. Шагинян поступила на учебу в Плановую академию. «Обучение было бригадное, – вспоминала Мариэтта Сергеевна, – мы сидели в классе по четверке – в моей четверке были русский, узбек, туркмен и я, – дорогие сердцу товарищи моей второй молодости, унесенные потоком жизни!» [2, с. 71].

Интернационализм как важнейшая установка мировоззрения М.С. Шагинян очень ярко и творчески продуктивно реализовался не только в ее художественных произведениях, но и в литературно-критических статьях, посвященных творчеству

писателей разных национальностей нашей страны и зарубежья, в монографиях о жизни и творческом пути И. Гёте, Т. Шевченко, Низами и Й. Мысливечка [см.: 4].

М.С. Шагинян в своих воспоминаниях много внимания уделила важности изучения иностранных языков с учителями, для которых эти языки были родными, опираясь на свой опыт такого освоения языков в гимназии Л.Ф. Ржевской. В этом случае, – отмечала она, – «вместе с языком мы бессознательно откладывали в памяти национальный образ, национальные черты характера, страну, город, любовь к ним, своему языку и своей литературе, стремление рассказать и поделиться этим» [2, с. 126]. Далее она конкретизировала преимущество такого способа изучения иностранного языка, заключающееся в том, что «он учит нас бóльшему, чем язык, – учит своей истории, экономике, быту, психологии, типологии... Что именно растет в учениках от такой учебы? Растет широта узнавания, *интеллигентность* ученика. Растет его вдумчивость». Не случайно, М.С. Шагинян в конце своей книги воспоминаний «Человек и время» отмечала: «Вообще меня частенько били и прорабатывали за свежие мысли, высказывавшие из нашей системы обучения классике марксизма *от – до*» [2, с. 536].

По складу своего характера и темпераменту М.С. Шагинян была человеком действенной мысли, постоянно стремилась к реализации гётевской идеи «делания жизни», к активному участию в общественной деятельности [5, с. 22, 74-75, 79]. Она с воодушевлением восприняла как свою личную задачу цель, поставленную советской властью: преодолеть любые проявления вражды, недоверия народов друг к другу, сформировать отношения доверия, взаимного уважения, сотрудничества и дружбы между ними.

Писатель последовательно и целеустремленно стремилась активно участвовать в становлении этих новых отношений между народами нашей страны, опираясь на все жанры своего творчества – художественные произведения, публицистику, литературно-критические работы, монографии, мемуары. М.С. Шагинян побывала практически во всех республиках СССР, изучая жизнь и культуру населявших их народов, неустанно пропагандируя их достижения во всех сферах

общественной жизни, знакомя читателей с их традициями, культурой и литературой.

М.С. Шагинян мудро и последовательно в своих произведениях стремилась сформировать у читателя чувства уважения, доверия, симпатии к народам, проживающим в нашей стране. Она проявила особый талант и изобретательность, стремясь внести свой вклад в разрешение особенно сложной проблемы – преодоления враждебных чувств между двумя соседними народами – армянским и азербайджанским, история взаимоотношений которых не раз приводила к кровавым конфликтам.

Особенно ярко, целеустремленно и последовательно эту сложнейшую сверхзадачу М.С. Шагинян реализовала в своей замечательной книге «Путешествие по Советской Армении» (1951 г.). Писатель аргументировано, убедительно стремилась показать, что эти два соседних народа имеют многовековые традиции мирного, продуктивного взаимодействия, некоторые общие истоки и многочисленные взаимосвязи своих национальных культур. К великому сожалению, эти традиции, сформировавшиеся в советский период у лучшей части интеллигенции этих двух народов, в последние три десятилетия были утрачены, что недавно привело к новому кровавому конфликту.

Таким образом, интернационализм как стержневая установка мировоззрения замечательного российского и советского писателя М.С. Шагинян последовательно и целеустремленно реализовывался в ее жизнедеятельности и творчестве. Она утверждала отношения доверия, взаимопонимания, уважения, сотрудничества, дружбы между народами. Этот важный аспект жизни литературного наследия М.С. Шагинян представляется очень актуальным в современных условиях.

Литература

1. Творчество Мариэтты Шагинян: Сборник статей / Отв. ред. и сост. В.А. Ковалев. / Л., 1980; Скорино Л.И. Мариэтта Шагинян – художник: жизнь и творчество. 2-е изд., доп. М., 1981; Лайне С.В. Мариэтта Шагинян (100 лет со дня рождения). М., 1988; Культура в жизни и творчестве М.С. Шагинян: Материалы I Шагиняновских

чтений. Ростов-на-Дону, 2014; Литературное наследие М.С. Шагинян и современность: Материалы II Шагиняновских чтений. Ростов-на-Дону, 2015; Проблемы дружбы и сотрудничества народов в творчестве М.С. Шагинян: Материалы всероссийской научной конференции – III Шагиняновских чтений. Ростов-на-Дону, 2016; Армяне в истории и культуре России XVIII–XX вв.: материалы международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2016.

2. *Шагинян М.С.* Человек и время. История человеческого становления. М., 1982.

3. *Шагинян М.С.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. Статьи 1917–1973. М., 1974. С. 176–178, 480–492, 492–496, 496–500, 500–504, 507–517, 547–550, 557–559 и др.

4. См.: *Шагинян М.С.* Собр. соч.: в 9 т.; Т. 7. Статьи 1917–1973. М., 1974; Т. 8. Монографии 1941–1973; М., 1975; Т. 9. Работы о музыке. М., 1975.

5. Творчество Мариэтты Шагинян. Сборник статей. Л., 1980.

В.В. Артеменко

НАХИЧЕВАНСКИЙ ЛОКУС И ОБРАЗЫ ДОНСКИХ АРМЯН В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ

Поскольку программа «Шагиняновских чтений» в немалой мере направлена на выявление и всестороннее исследование многообразных связей М.С. Шагинян с писателями-современниками, мы сочли возможным и даже вполне правомерным привлечь внимание филологов и краеведов к личности и малоизученным граням творческого наследия всемирно известной писательницы Нины Николаевны Берберовой (1901–1993).

На первый взгляд, сближение этих имен может показаться неожиданным и даже странным. Однако пристальное рассмотрение биографических и творческих материалов убеждает нас в обратном, а именно, в неоспоримости наличия параллельных и пересекающихся линий в судьбах, миропонимании, эстетических установках и художественной манере М.С. Шагинян и Н.Н. Берберовой.

В биографических словарях и справочных изданиях за обеими закрепилось сложное наименование русских писательниц армянского происхождения. Обе родились в столичных центрах Российской империи (Берберова – петербурженка), в высококультурных семьях: отец М.С. Шагинян и дед Н.Н. Берберовой получили первоклассное медицинское образование, первый – в Москве, второй – в Париже. Обе в разное время обучались в Ростове-на-Дону: М.С. Шагинян – в Екатерининской гимназии, Н.Н. Берберова – в Донском университете. В годы Гражданской войны обе снова оказались в Нахичевани и даже познакомились. М.С. Шагинян служила инструктором в Доннарообразе, Н.Н. Берберова устроилась на службу в контору Владикавказской железной дороги. В 1920 году обе уехали из Ростова в Петроград, чтобы встретиться в знаменитом ДИСКе (Доме Искусств на Невском, 15) и на панихиде и похоронах А. Блока. Наконец, обе прожили большую часть жизни в отрыве от исторической и малой родины, отличались исключительным жизнелюбием и армянским долголетием.

К фактам, которые мы квалифицируем как параллельные, также и, прежде всего, следует отнести доминантные черты литературного творчества, художественную манеру писательниц, характеризующуюся тяготением к мировой культуре и музыкальному искусству. Любовь к музыке и глубокое, профессиональное ее понимание обусловили появление статей, психологических этюдов и воспоминаний М.С. Шагинян о С.В. Рахманинове и Д. Шостаковиче и романизированных биографий Н.Н. Берберовой «Бородин» и «Чайковский». Творчество писательниц также характеризуется усвоением опыта как русского, так и европейского модернизма и, в особенности, предпочтением, оказываемым в собственной практике сложным, синтетическим жанрам, в которых органично переплетаются биографическая монография, литературная критика, теория искусства, мемуарный очерк, философское эссе, историческая хроника. Этот жанровый и стилевой синтез обеспечивает, прежде всего, развитие философской мысли автора, его открытость читателю-современнику, анализ своей человеческой и писательской

миссии в контексте эпохальных потрясений и сдвигов XX века. Таковы, например, «Человек и время» М.С. Шагинян и «Курсив мой» Н.Н. Берберовой.

Несмотря на указанные нами сближения в области эстетических предпочтений и художественной манеры писательниц, их творческая деятельность развивалась все же параллельно, большей частью – по обе стороны «железного занавеса», и исключала взаимные влияния. А вот в жизни судьба не раз их сводила, причем – именно в узловых эпизодах истории русской государственности и культуры. Мы имеем в виду Гражданскую войну и установление Советской власти на Дону, похороны А. Блока, ставшие общественным событием, и жестокий расцвет русской культуры в Доме Искусств, легендарном писательском общежитии, голодной петроградской зимой 1921 года.

В доступных нам текстах Н.Н. Берберовой мы обнаружили всего четыре немногословные записи о М.С. Шагинян. Мемуаристка писала скупно, как бы походя, но это отнюдь не небрежность, а вполне осознанный прием, поскольку в ее задачи не входило создание самоценного литературного портрета М.С. Шагинян – скорее, это «портрет на фоне». Впрочем, эта особенность изображения знаменитой соотечественницы может лишь увеличить исследовательский интерес к записям мемуаристки.

В годы Гражданской войны Н.Н. Берберова жила в доме деда на Софийской улице, или на 18 линии (дом Берберовых сохранился). Соседями юной, еще никому не известной поэтессы были люди, уже снискавшие широкое признание: художник М. Сарьян, уроженец Нахичевани, и М. Шагинян: «Все служили. И я бросила университет и тоже служила. И радовалась тому, когда на базаре появлялась рыба, которую художник Сарьян, поддев двумя пальцами под жабры, нес к себе домой и, прежде чем сварить, писал с нее маслом натюрморт, обложив ее луком и морковью. А Мариэтта Шагинян, в самодельных шлепанцах и какой-то кацавейке, выдавшей лучшие времена, задумчиво проходила под нашими окнами, прижав к груди огромную кость, имевшую такой вид, будто ее

уже кто-то обглодал. Они напоминали мне, что есть другая жизнь» [1, с. 76].

Казалось бы, все ясно. Рыбьи жабры и натюрморт, обглоданная кость и задумчивость – эти оппозиции символизируют быт и бытие, а «другая жизнь» означает победу второго над первым: торжество духовного начала, преобразование материи. Так, например, осмыслили пережитое современники мемуаристки, оказавшиеся, как и она, в эмиграции: М. Цветаева, Г. Иванов, Г. Адамович, И. Одоевцева и даже В. Ходасевич, с которым Н. Берберова уехала из России.

Однако не так проста Н.Н. Берберова, и мы попадаем в сложное поле намеков и недомолвок, когда за непредвзятым наблюдением следует очень субъективный авторский комментарий, из которого следует, что «другая жизнь» – это «богема», а поэт и художник – ее представители: «В зале...собирались поэты и художники, ...ничего не падало в меня, ничего не расцветало во мне, и меня не соблазняло жить, как жили они: было во мне уже тогда что-то, что заставляло предпочитать простую линию – излому» [1, с. 79].

7 августа 1921 года скончался А. Блок, 10 августа поэта похоронили на Смоленском кладбище Петербурга. Вот что написала об этих скорбных для всей русской интеллигенции днях Н.Н. Берберова в биографии «Александр Блок и его время»: «У всех было ощущение, что вместе с его смертью уходит в прошлое этот город и целый мир... Приближалась новая эра» [2, с. 254-255].

Эпизоды прощания с А. Блоком также есть в юбилейной статье Н.Н. Берберовой «25 лет смерти А.А. Блока» и ее главной книге – «Курсив мой». На первой панихиде, которая проходила в квартире поэта, присутствовала М.С. Шагинян. Несмотря на незначительные разночтения в указанных источниках, мемуаристка неизменно указывала, что «народу было не более двенадцати-пятнадцати», и вспоминала бывшую соотечественницу с теплым чувством: «Мариэтта Шагинян много лет спустя написала где-то об этих минутах: «Какая-то девушка принесла первые цветы». Замятин тоже упомянул об этом. Других цветов не было, и мои, вероятно, пролежали одни всю первую ночь у него в ногах» [5, с. 448]. Однако согласно

воспоминаниям, записанным Н.Н. Берберовой прежде, «цветы принесла еще Шагинян – букет фиалок» [3, с. 140].

Как бы то ни было, Н.Н. Берберова вспоминала М.С. Шагинян с чувством благодарности. Добавим, что советская писательница, лауреат Сталинской премии, конечно, не могла назвать свою знакомую, а ныне – белую эмигрантку Н.Н. Берберову по имени, почему и использовала эвфемизм «какая-то девушка».

Подводя предварительные итоги, скажем, что высказывания Н.Н. Берберовой о М.С. Шагинян, как правило, абсолютно нейтральны и не содержат прямой оценки, и это выгодно отличает ее мемуары от, скажем, воспоминаний В. Ходасевича или «Литературных заметок» Г. Адамовича, которые содержат откровенно неприязненные и предвзятые суждения. По словам Д. Быкова, «Курсив мой» свободен от «большинства эмигрантских комплексов, от сведения счетов, посмертных отмщений» [4, с. 7]. Бесспорно, в книгах Н.Н. Берберовой есть тенденция: слишком ощутимо желание автора представить себя имморалистом и космополитом, разорвавшим все связи с «отеческими гробами» и «родным пепелищем». Однако, как писал тот же Д. Быков, «от любви к родителям и языку не так-то легко избавиться» [4, с. 8].

Уже в самом начале своего главного автобиографического повествования Н.Н. Берберова заявила: «Я несу, как дар судьбы, то обстоятельство, что две крови: русская, северная, и армянская, южная, слились во мне и во многом с детства обусловили меня» [1, с. 27]. Если армянская художественная интеллигенция (М. Сарьян и М. Шагинян) вызывала у писательницы представление об «изломе», т.е. нездоровье, декадансе, дисгармонии, то «простая линия», на которую она сознательно и даже демонстративно ориентировалась, воплощается Н.Н. Берберовой в образах донских армян – ее родственников: деда, отца, племянников, двоюродных братьев.

Сразу скажем, что донская тема в творчестве Н.Н. Берберовой еще не становилась предметом отдельного изучения. Как исключение, назовем статью ереванского автора Роберта Багдасаряна «Долгая жизнь». Это публикация скорее не

научного, а просветительского характера: она знакомит читателя с донскими страницами книги «Курсив мой».

Таких страниц в этой книге наберется много. Достаточно сказать, что первая ее глава, «Гнездо и муравьиная куча», посвящена истории рода Берберовых и содержит развернутые жизнеописания деда и отца писательницы. Вторая глава «Бедный Лазарь» повествует о жизни писательницы в Ростове-на-Дону в 1919-1920 гг.

Пребывание в Ростове, растянувшееся на два года, было, конечно, вынужденным: «Да, там, в Нахичевани, «благодарные армяне» все еще ели белый хлеб, и, когда моего отца сократили, нам ничего другого не оставалось, как двинуться через Оршу и Киев к Ростову» [1, с. 79]. Кстати сказать, будущая писательница посещала родину отца и прежде и подолгу жила в родовом нахичеванском гнезде.

В Ростове-на-Дону Н.Н. Берберова пережила падение Юга России, «ту ночь, когда грохотали орудия и рвались снаряды», а «мимо дедовского дома проехал отряд буденовцев. Шли обыски» [1, с. 93]. Огромный бронзовый памятник Екатерине II в 1920 году «местные власти своротили и выбросили на помойку, где он долго лежал вверх тормашками, а затем его нашли и перелили не то на пушку, не то на плуг. Теперь там, по слухам, стоит Карл Маркс» [1, с. 27].

Современный читатель, которого, казалось бы, ничем не удивишь, все же не может не удивляться тому, как воспринимала события эта хрупкая петербурженка, почти девочка, воспитанная в обеспеченной культурной среде: «С первого дня я смотрела на революцию не как на перемену, а как на данность, с которой мне предстоит жить мою жизнь. Я беру революцию как ту почву, на которой я буду вырастать. Другой не знаю. Запад? Где он? Прошлое? Не нужно оно мне. Ломка? Чего? Не хочу я помнить, что именно сломалось, дайте мне со всеми строить новое, а с черепками я не знакома» [1, с. 95].

Мы использовали такое пространное цитирование, чтобы указать на еще одну неожиданную параллель: так смотрела на революцию старшая современница Н.Н. Берберовой, в те годы – тоже жительница Нахичевани – Мариэтта Сергеевна Шагинян.

Таким образом, едва ли не более важными становятся для Н.Н. Берберовой события внутренней жизни, которые она переживала в Ростове. Это и первая страстная любовь, и связанное с ней писание стихов, уже вполне профессиональных (И буду долго я искать / Следы неведомых объятий / Твоих, на этом черном платье, / Что помогал ты надевать), и ничуть не менее страстная, чем любовь и стихи, поглощенность музыкой (Метнер, Скрябин, Прокофьев), которая останется в ней навсегда. Приобщение к музыке осуществляется через самого дорогого ей в те годы человека – подругу Виржинчик, рядом с которой Н.Н. Берберова «чувствовала драгоценное и необходимое» [1, с. 99]. В 1967 году писательница вспоминала: «Она по-прежнему часто сидела за роялем, читая с листа, иногда это были рукописные ноты, которые у нашей общей приятельницы оставил перед падением Ростова снимавший у них комнату композитор, ушедший с Добровольческой армией. Она говорила, что он оставил ей кипу нот и просил сохранить их. Мы ничего не знали о нем. Его звали Сергей Прокофьев. Виржинчик разбирала его целыми днями. Я слушала» [1, с. 101].

Все это происходило в родном городе деда, отца и «тех безыменных армян, которые в силу сложного исторического процесса... в непосредственной близости от казацких станиц и города Ростова... могли построиться и начать новую жизнь, занимаясь торговлей и ремеслами» [1, с. 28]. В городе, так и не ставшем для юной Н.Н. Берберовой родным и близким. Может быть, поэтому ее ростовский локус не очень велик. Он ограничивается узким пространством от железнодорожного вокзала до Нахичеванского базара (площади Карла Маркса). Впрочем, Проспект (так Н.Н. Берберова называла Большую Садовую улицу по аналогии с Невским проспектом) и 1-ая Соборная улица (1-ая Советская) ей нравились. Она с удовольствием вспоминала и запах акаций, и толчею гимназистов, и знаменитые кленовые скамейки. Н.Н. Берберова училась на историко-филологическом факультете Донского университета (Б. Садовая, 33), где «слушала греческий, археологию, историю искусств, языковедение, но во всеобщем распаде того года (1920-го) редко умела сосредоточиться» [1, с. 103]. Там же, на Садовой, в одном из купеческих домов,

находилась городская нахичеванская библиотека, где «можно было получить и роман Германа Банга, и «Петербург» Белого...» [1, с. 104]. В начале 1-ой Соборной (Советской) находилось управление Владикавказской железной дороги, в конторе которого Н.Н. Берберова служила и получала паек: крупу и селедку. В теплые дни она любила гулять далеко, к Дону, но мало что замечала, так как на ходу читала книги и наталкивалась на прохожих. Будучи уже известной писательницей, Н.Н. Берберова не раз признавалась, что ее интересуют не места, а книги и люди.

Люди, которых она чрезвычайно высоко оценила, по-видимому, только в старости, в «возрасте мемуаров» – это народ ее отца и деда, донские армяне. Страницы «Курсива», им посвященные, – редкие даже в русской литературе по выраженным в них чувствам любви и благодарности.

Дед писательницы, Иван Минаевич Берберов, учился медицине в Париже и был образованнейшим человеком своего времени. Он прославился в округе как доктор-бессеребренник: «...каждое утро из донских станиц и из нижнего города... продолжали приезжать больные: станичники, казаки, мещане... это все были русские, то есть люди сравнительно бедные и простые...» [1, с. 29]. Дом деда в Нахичевани славился армянским гостеприимством: здесь кормили обедами сорок человек зараз, родственники заполняли все жилые помещения и «изживали здесь свои бурные жизни» [1, с. 28]. Приезжали гости из Закавказья: писатели и поэты, публицисты и общественные деятели, члены демократической партии Дашнакцутюн и масонских лож. Сам же Иван Минаевич «в черном с иголки сюртуке и белом атласном галстуке, надушенный, расчесанный, появлялся к утреннему чаю и окидывал быстрым, до самой смерти острым взглядом стол...» [1, с. 29]. По словам его внучки, это был первый европеец, с которым она столкнулась в жизни.

В том же европейском духе он воспитывал и сыновей. Все они посылались в Москву учиться в Лазаревском институте восточных языков, после выходили в университет, затем – в люди, «стройным рядом всевозможных профессий»: врач, адвокат, математик, журналист, банкир [1, с. 28].

Отец писательницы, Николай Иванович Берберов, окончил физико-математический факультет Московского университета, уехал в Петербург и поступил в министерство финансов, а к 1917 году «оказался в чине статского советника чиновником особых поручений при последнем министре финансов Барке и одним из незаметных специалистов по подоходному налогу, который царская Россия собиралась вводить в стране» [1, с. 31]. Дочь «никак не могла понять, каким образом этот горячий, быстрый, живой человек мог иметь хоть что-либо общее... с пифагоровыми штанами, или с биномом Ньютона...» [1, с. 31]. Он «говорил глазами», был нежен и мягок, но сдержанность сочеталась в нем с энергией, и он казался дочери воплощением вечно-мужественного начала.

В 1920 году в Ростове-на-Дону мужчин посылали чистить отхожие места в казармах, и Николай Иванович, надев чистый крахмальный воротничок, тоже пошел. Унаследованный от его отца аристократизм настолько поразил великого режиссера Г. Козинцева, что он предложил Николаю Ивановичу сняться в картине: «Нам нужен ваш типаж». «Почему же мой? – спросил отец. – У меня нет ни опыта, ни таланта». «Но у вас есть типаж, – был ответ, – с такой бородкой, и в крахмальном воротничке, и с такой походкой осталось два-три человека на весь Ленинград...» [1, с. 33]. В 1937 году в Париже Н.Н. Берберовой удалось увидеть фильм с участием отца, и их глаза снова встретились – перед тем, как расстаться уже навеки.

Николай Иванович Берберов умер зимой 1942 года в блокадном Ленинграде.

Жизнеописания отца и деда нередко прерываются в повествовании Н.Н. Берберовой философским дискурсом на самые разнообразные темы. Немалое место занимают в нем размышления автора о проблемах воспитания и формирования личности ребенка, причем армянские родственники, взятые в этом отношении, противопоставлены русским, отец – матери, мужское воспитание – женскому: «Женщины в моем детстве гораздо больше проявляли надо мной власть, указывали, что делать и что не делать, и часто – с лучшими намерениями – пытались взять меня под крылышко, а я боялась этого пуще всего, а с годами бежала и этого «крылышка», и тепла, и заботы

их – всего того, что обычно считается таким необходимым в начале всякой жизни» [1, с. 32]. Отец же, напротив, никогда не был для нее олицетворением власти, силы, авторитета, и потому она так любила его: «В нем я не замечала попыток охранять меня, защищать меня, вести меня, направлять меня, и это-то делало его для меня таким драгоценным» [1, с. 31-32].

Различие взглядов на сущность и методы воспитания определяется разницей двух пород, «двух различных, хотя и не враждебных, миров». В соответствии с логикой авторского рассуждения, русские не только все делали, как все, но и старались быть, как все, в то время как армяне, «выломившись» из косной среды, сумели создать «целый мир характеров своеобразных и жизней и судеб оригинальнейших» [1, с. 28]. В отличие от русских, чьи предки «спали на боку под портретами царей при зажженной лампаде», армяне «бушевали в жизни», так как «продвигались веками от Персидской границы к Месопотамской границе, по берегам Черного моря, чтобы возродиться у устья Дона и стать через сто лет аристократией города денежной и интеллектуальной» [1, с. 28].

Конечно, с такими пристрастными суждениями согласится далеко не каждый, но писательница опиралась на личный опыт (историю двух родов – Карауловых и Берберовых), вследствие чего она, пожалуй, впервые в своей творческой практике обнаружила в целом не свойственный ей крайний субъективизм и даже придиричность. С другой стороны, во мнениях и оценках Н.Н. Берберовой прослеживается и прямо противоположная тенденция – ранжированию и унификации сложнейших явлений жизни.

Однако значение первых глав «Курсива» в литературе о донских армянах невозможно переоценить. Это вдохновенный и страстный гимн любви к своему народу. Для писательницы, обладавшей сдержанным, «северным» темпераментом, такие страницы – редкость, если не исключение. Всегда чуждавшаяся всякой риторике, пафоса, поэтики «чересчурностей», Н.Н. Берберова как будто изменила себе, своей акмеистической петербургской манере. Она безмерно восхищалась физической красотой армянских сородичей («рослые, прямые, красивые... с черными бородами и огненными глазами»), их «горячей

кровью», «сильными страстями», интеллектуальным потенциалом, щедростью и гостеприимством, «необщностью» и жизнелюбием, наконец, их «постоянным сознанием, что ничего не дается само, ничто не делается само и что каждый день есть особый день» [1, с. 28]. Добавим только, что с таким сознанием прожила свою долгую жизнь и сама писательница – преданная и любящая дочь армянского народа.

Литература

1. *Берберова Н.Н.* Курсив мой. М., 1989.
2. *Берберова Н.Н.* Александр Блок и его время. М., 1999.
3. Неизвестная Берберова. СПб, 1998.
4. *Берберова Н.Н.* «Немного не в фокусе...». Стихи 1921-1983». М., 2015.
5. Серебряный век. Мемуары. М., 1990.

Р.Г. Тикиджьян, Е.Р. Иванова

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ДОНУ И В ПРИАЗОВЬЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.С. ШАГИНЯН И Ф.Д. КРЮКОВА

Постановка научной проблемы и выбор темы исследования стал особо актуален в контексте подготовки юбилеев (130-летия М.С. Шагинян и 150-летия Ф.Д. Крюкова) – этих уникальных художников слова и исследователей народной жизни Юга России, Дона и Приазовья в нашей литературе и истории конца XIX и XX столетия.

Чтобы перейти к анализу произведений данных авторов, как источнику изучения этнонациональных и бытовых оценок населения Дона и Приазовья, Кубани и Кавказа в их литературно-художественном и публицистическом творчестве, необходимо уточнить дискурс о перекрестке их гражданских и творческих судеб.

Федор Дмитриевич Крюков (2 (14) февраля 1870 – февраль 1920 гг.) – уроженец станицы Глазуновской, Усть-

Медведицкого округа Области Войска Донского – родовой казак. Получил отличное образование: в 1888 г. закончив Усть-Медведицкую гимназию, поступил и успешно закончил Императорский Санкт-Петербургский институт истории и филологии. Будучи студентом, он стал писать рассказы и очерки. Много лет работал учителем истории и географии, русского языка в учебных учреждениях Орловской и Нижегородской губернии; публиковался с 1893 г. в сборниках и журналах Дона и России. С 1905 г. активно включился в политическую деятельность и был избран в 1-ю Государственную Думу, примыкал к демократическому крылу народных социалистов. С 1906 г. Ф.Д. Крюков связал свое творчество с журналом В.Г. Короленко «Русское богатство» и стал профессиональным литератором. В 1913 г. В.Г. Короленко так оценил творчество казачьего литератора: «Крюков – писатель настоящий без вывертов, без громкого поведения, со своей собственной нотой *и первый дал настоящий колорит Дона*» [1, с. 228]. С 1914 по 1917 гг. Ф.Д. Крюков – военный журналист и писатель на фронтах Первой мировой войны. С 1917 по 1920 гг. – участник революции и Гражданской войны, событий которые пережил с особой болью и душевным надрывом. Не приняв большевистскую революцию, определяя ее как «обрыв», видя трагедию раскола казачества, он активно работал в Донском правительстве. Ф.Д. Крюков собирал материалы своего большого архива, тем самым готовясь писать «большую книгу» о роли и месте казаков в Великой войне и революции. Однако жизнь и творчество мастера и бытописателя «тихого Дона» трагически завершилась в период отступления казачьих войск на Кубань от сыпного тифа в феврале 1920 года.

В советский период наступило своеобразное «забвение» творчества и личности писателя и публициста, общественного деятеля, о произведениях и уникальном архиве которого, вспоминали не надолго лишь в период «оттепели» конца 1950-1960 гг. Новое возрождение интереса к творчеству и личности Ф.Д. Крюкова возникло лишь в период перестройки и гласности, нарастания общественного движения за возрождение казачества и народных культурных корней Донского населения в 1989-1991 гг. Значимым этапом здесь стал 1990 год.

Издательство «Советская Россия» издало книгу рассказов и публицистики Ф.Д. Крюкова [2]. В Ростове-на-Дону усилиями работников Донской публичной библиотеки, стараниями краеведов и ученых филологов и историков подготовлены и проведены Первые «Крюковские чтения» 28 февраля 1990 года. «Крюковские чтения» стали традиционными. Особую роль здесь играет краеведческий журнал «Донской временник», и объединение краеведов Ростовской области. 13 марта 2020 г. на базе «Донского временника» успешно проведены очередные «Крюковские чтения». На «малой родине» писателя, теперь это в Волгоградской области, в бывшей станице Глазуновской, в 2005 году создан Культурный центр Ф.Д. Крюкова. «Фонд Ф.Д. Крюкова» в 2017 году к 150-летию писателя подготовил пока не полное, но качественное собрание сочинений в шести томах [3, с. 106-130].

Мариятта Сергеевна Шагинян (1888–1982 гг.) – наша выдающаяся землячка армянского происхождения, прожив долгую и сложную жизнь, была молодым современником Ф.Д. Крюкова, участницей глобальных исторических событий и судьбоносных социальных перемен в Российском государстве.

Осознание и восприятие мировых войн и революций, крушения старого и строительство нового общества, оба писателя принимали по-разному. При этом М.С. Шагинян была (так же как и Ф.Д. Крюков) не просто сторонним наблюдателем, а реальным участником событий, стремилась познать изнутри эти непростые процессы, сопереживая их, стремясь эмоционально увидеть главное – универсальное через глубокий анализ личного и локального опыта, зафиксировать пережитое в характерных образах культуры уникальной переходной эпохи конца XIX – начала XX вв.

Родовые «корни» М.С. Шагинян так же непосредственно и тесно связаны с южно-российскими городами Нахичеванью и Ростовом-на-Дону, Северным Кавказом и Закавказьем, куда она в течение своей долгой жизни часто возвращалась. Это позволяло ей глубоко (как и Ф.Д. Крюкову) на ментально-бытовом уровне осмысливать специфику ситуации и ход исторических событий на Юге России в крупных городах, в их особо значимые переломные периоды в 1905-1920 гг.,

сопоставлять их течение и взаимодействие с общими революционными процессами в России.

В отличие от Ф.Д. Крюкова, прожив долгую гражданскую и творческую жизнь, для М.С. Шагинян открывалась возможность изучать и описывать новое – строительство социалистического государства и общества (с 1917 г. по 1980 г.), написать уникальные мемуары о прожитой эпохе, и это серьезное отличие в их возможностях и оценках развития России и ее народов, включая казаков и армян.

Однако в 1990-2010 гг. творческому наследию М.С. Шагинян пришлось пережить забвение и безвременье, как якобы «востребованной Советской властью» и подконтрольной КПСС писательнице, с ее знаменитой «Ленинианой», изучавшийся по школьной программе в 1970-1980 гг. Однако все же о реальном значении творчества писательницы говорит изданное собрание сочинений в девяти томах, ее интереснейшие мемуары – философский трактат и повествование о данной исторической эпохе «Человек и время» [4-5].

Анализируя проблемы этно-социального бытописания и межэтнических отношений народов и сословий Дона и Приазовья, Кавказа и Закавказья, крупных столичных городов Юга России (Ростова-на-Дону, Нахичевани, Новочеркаска, Баку), в период 1895-1920 гг., мы, бесспорно, найдем много общего и особенного в оценках этих двух талантливых литераторов и публицистов, увидим настоящее состояние общества, этно-корпоративных групп и политической элиты на перепутье «больших перемен», войн, реформ и революций в имперской России.

Первый важный аспект творчества этих писателей – это их несомненное глубокое знание этнической специфики Южного региона России, проблем межнациональных отношений на национальной и экономической почве на рубеже XIX–XX вв. Оба автора дают четкие картины бытописания и колорита местного населения низовых и верховых казаков, донских армян и греков. Описывают проблемные отношения с еврейским населением городов и станиц Донского края, сложных армяно-азербайджанских конфликтов в Закавказье.

Здесь видно глубоко личностное понимание специфики населения региона, внимательное отношение к быту, национальным и религиозным традициям, одежде и питанию, особенностям характера.

Вторым важным аспектом, где явно пересекаются авторские оценки Ф.Д. Крюкова и М.С. Шагинян – это реакция на события Первой мировой войны, российской революции и Гражданской войны (1914–1920 гг.). Здесь межэтнические и межнациональные, межсословные проблемы явно выражены в их произведениях и определены как реальные факторы остроты и жестокости конфликтов на Юге России и на Дону.

Все же необходимо выделить наиболее значимые произведения для полного понимания авторов, как бытописателей и публицистов этой переломной эпохи. На наш взгляд, наиболее полно Ф.Д. Крюков раскрывается как глубокий бытописатель донских народных, в первую очередь, казачьих и крестьянских традиций в лучших своих произведениях: «На Тихом Дону», «Картины школьной жизни», в повестях о судьбах донских женщин-казачек: «Казачка», «Офицерша» [6]. Эти проблемы так же серьезно освещены им в наиболее сложный период личного участия в событиях революции и Гражданской войны. Не приняв Советской власти, переживая за судьбы России и родного казачества, он собирал материалы для своей «большой вещи», которую так и не успеет написать, скончавшись от сыпного тифа в феврале 1920 года. Однако остались очерки и оценочные зарисовки о событиях в России и на казачьем Дону, которые еще предстоит изучать филологам, литературоведам и историкам [6, с. 17-133].

Большинство исследователей литературного творчества М.С. Шагинян считают ее так же известным бытописателем Нахичевани и Ростова-на-Дону, села Чалтырь, отлично разбиравшейся в культурных традициях донских казаков и армян, еврейского населения [8, с. 16-128, 230-288].

Но здесь мы так же увидим разное восприятие и оценки ситуации революции и Гражданской войны и участие в ней различных этносоциальных групп.

Особую роль в творчестве писательницы играют повесть «Перемена», рассказ «Агитвагон» и «маленький роман»

«Приключение дамы из общества», связанные концептуально трилогией о революции и Гражданской войне, где идет разговор не только о теме жертвенности и ответственности различных слоев населения, но и о теме созидания и восприятия нового. Наконец, представляют большой интерес и непосредственные личные наблюдения автора писателя и публициста, имеющего классическое качественное историко-философское образование, глубоко знающего социально-экономическую ситуацию, особенности культурно-бытовой и общественно-политической жизни различных слоев и этнических групп казачьего и не казачьего населения Области Войска Донского, Нахичевани и Ростова-на-Дону, а так же Кавказских минеральных вод, Тифлиса и Баку [8, с. 63].

Важно, что и сама М.С. Шагинян сочла необходимым снабдить отдельное издание повести «Перемена» (1932 г.) характеристикой – «Бль» и соответствующим специальным подробным «Предисловием». «Я провела в Донской области около трех с половиной лет революции, с поездками в Петербург и Закавказье. За это время мне пришлось пережить несколько переворотов, немецкую оккупацию, приезд «союзников» в гости (англичане и французы в Новороссийске и на Кубани), полосы междувластия, ...атаманщину, деникинщину, врангелевщину. Обыватель, как растение, сопротивлялся этому ветру событий. Он стоял на месте и волны шли через него, оставляя отмыты. Отсюда не «историческое» (с перспективой), а чисто локальное, местное значение всего пережитого. Но чтобы яснее представить себе эту «локальность», читатель должен видеть кусок степной России, о которой я поведу речь». Уже здесь в предисловии, определена четкая привязка к месту действия, с глубоким знанием истории и географии региона, этнографических и культурных традиций дается описание казачьей Области Войска Донского начала XX века, интересные социально-экономические и бытовые зарисовки-характеристики городов-спутников Нахичевани и Ростова-на-Дону, соседнего Новочеркасска. Писательница в заключении к Предисловию подчеркивала, что «в этих записках нет ни одного выдуманного слова, ни одной не пережитой

сцены. Кое-где я только изменила имена и «сдвинула» пространство» [9, с. 3-8].

Таким образом, мы лишь обозначили возможности изучения этой интересной и значимой проблематики. Современным исследователям творчества М.С. Шагинян и Ф.Д. Крюкова – филологам-литературоведам, историкам, философам, – бесспорно, следует и далее продолжать изучение данной темы на новом качественном уровне. Можно предложить так же включить изучение данных произведений в школьных курсах факультативных занятий по истории и литературе Донского края и Юга России.

Литература

1. *Короленко В.* Избранные письма. Т. 3. М., 1936.
2. *Крюков Ф.Д.* Рассказы. Публицистика. М., 1990.
3. Крюковские чтения (к 150-летию писателя) // Донской временник. Краеведческий альманах. Вып. 29. Ростов-на-Дону, 2021.
4. *Шагинян М.С.* Собр. соч.: в 9 т. М., 1986–1989.
5. *Шагинян М.С.* Человек и время. История человеческого становления. М., 1982.
6. *Крюков Ф.Д.* На Дону. В родных местах. М., 2020.
7. *Крюков Ф.Д.* Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. 1917-1919 гг. М., 2020.
8. *Шагинян М.С.* Дневники. 1917-1931. Л., 1932.
9. *Шагинян М.С.* Перемена. Роман-быль. Л., 1932.

Е.А. Паламарчук

**ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ – ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ
ПРИНЦИП МИРОВОЗЗРЕНИЯ М.С. ШАГИНЯН
(по материалам книги
«Путешествие по Советской Армении»)**

С какой отрадой неустанной,
Молясь, припоминаю я
Твоих церквей напев гортанный,
Отчизна дальняя моя!
Припоминаю в боли жгучей,
Как очерк милого лица,
Твои поля, ручьи и кручи
И сладкий запах чебреца.

М.С. Шагинян «К Армении». 1912 г.

Мариэтта Сергеевна Шагинян, приняв Советскую власть, раз и навсегда стала советским человеком, на протяжении всей своей долгой жизни, демонстрируя это в литературном творчестве и в повседневном поведении. Помимо прочего, это проявлялось в том энтузиазме, с которым она воспринимала лозунги партии, принимая активное участие в пропаганде и реализации текущей политической линии и не позволяя себе покидать пределы официально установленных идеологических рамок. При этом многое из того, что принято относить к базовым социалистическим ценностям, пустило глубокие корни в ее мировоззрении. Последнее в полной мере относится к принципу *социалистического интернационализма*.

Выступая на состоявшемся в 1934 году I съезде советских писателей, говоря о характеризующем единстве содержания творимой многонациональной творческой интеллигенцией советской культуре, М.С. Шагинян подчеркивала, что эта культура питалась культурами «народностей, вырванных Октябрьской революцией из «небытия», заговоривших, запевших после порабощения и угнетения и на своем языке, создающих свою национальную культуру». Касаясь разрабатываемых писателями тем, которые должны «социально воспитывать читателя на влечении его к типам новых людей»,

М.С. Шагинян обращалась к теме любви, рассматривая ее с интернациональных позиций. Обосновывая тезис о том, что «любовь чрезвычайно зависит от форм общественного развития» и настаивая на необходимости отказаться от узкого понимания феномена любви как «личного дела», поскольку, по ее мнению, «именно в личной любви... с наибольшей ясностью вскрываются в литературе класс и его идеология», она за подтверждением сказанного обращалась к опыту Германии, в которой «в течение нескольких десятков лет (явное преувеличение, характерное для митинговой риторики тех лет – *Е.П.*)... фашизируют культуру», воспитывая немецких литераторов на идеале любви чистых в расовом отношении соотечественников. Культивирование такого «замкнутого эроса», продолжала М.С. Шагинян, привело к тому, что «внутри нации началось с темой любви в литературе то самое вырождение, какое случается с самой любовью в жизни, когда ее замыкаешь внутри касты, племени и рода». Для того чтобы попытаться снизить степень деградации, вызванной отсутствием «притока свежей социальной новизны», представителям немецкого литературного цеха, разрабатывавшим указанную тему, пришлось, используя имевшиеся в их распоряжении «расовые возможности,... вводить в литературу гомосексуализм и прочие формы извращений» [1, с. 211, 215-216].

Справедливости ради, следует обратить внимание на то, что последний упрек с большим основанием мог бы быть адресован некоторым современным адептам специфически понимаемых либеральных ценностей, но никоим образом не нацистам, известным своей нетерпимостью к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации. Впрочем, и в последующие годы Мариэтте Сергеевне Шагинян случалось подвергаться критике за то, что при освещении тех или иных проблем, в суть которых она не особенно углублялась, ею допускались неточности, а иной раз и откровенные ошибки, хотя приписывание ей готовности «рассуждать на любую тему, совершенно не зная ее», и обвинение в том, что ее «энергия превратилась в скоропалительность, живой интерес к действительности – в пустую риторику, разносторонность – в литературное

щегольство» [2, с. 167] выглядит излишне суровым и несправедливым.

Далее, противопоставляя «любви у фашистов», которая «нарастила яростную ненависть ко всему биологически чужому», «общественные основы нашей любви», М.С. Шагинян вспоминала о том, как пять лет назад ей довелось побывать в пионерском лагере, где она «была поражена той нежностью, с которой наши маленькие ребята относились к детям *чужой* расы». В общем контексте данного выступления слово «чужой», будучи употреблено сразу же вслед за использованием его в связи с проблемой расовой нетерпимости, характерной для Третьего рейха, выглядит явным диссонансом и, конечно же, вырвалось по неосторожности [1, с. 216]. Проявление же упомянутой нежности, пусть и инстинктивное в столь юном возрасте, М.С. Шагинян ставила в заслугу осуществлявшемуся в советской многонациональной стране интернациональному воспитанию подрастающего поколения. «Мы воспитали эту нежность, – писала она. – Мы воспитали ее всей атмосферой нашей культуры, связью наших пионеров с пионерами других стран и народов, первыми уроками пролетарского мировоззрения».

В последующем принцип социалистического интернационализма становится стержневым для всего творчества Мариэтты Сергеевны Шагинян, о чем бы она ни писала. Так, обращаясь в публикации 1940 года к литературной деятельности выдающегося осетинского поэта и общественного деятеля, создателя литературного осетинского языка Коста Хетагурова, который «живя и работая в среде, где имелись буржуазные националисты», сотрудничал с их «явно выраженными представителями», некоторые из них после Октября 1917 года оказались в лагере белых, и, беря его под защиту, М.С. Шагинян прибегла к следующим аргументам: сотрудничая с буржуазными националистами, К. Хетагуров «не только нигде в своей публицистике ни на секунду не проявил и атома националистической тенденции, но всегда и везде выступал как *интернационалист*, защищая интересы всех народностей Кавказа...» [3, с. 244].

Однако с особенной силой интернационалистический подход М.С. Шагинян к действительности проявился в ее знаменитой книге очерков «Путешествие по Советской Армении», опубликованной в 1951 году и удостоенной Сталинской премии третьей степени. Это гимн Советской Армении. Слово «советская» в этой книге является ключевым, и, как подсчитано в исследовании Е.В. Богачевой, используется автором 207 раз [4, с. 134].

В предисловии к книге, подчеркивая древность Армении («культуре ее свыше двух тысяч лет»), основной акцент М.С. Шагинян сделала на ее молодости в качестве социалистической республики союзного государства. «...Ее социалистической культуре сейчас, когда я начинаю рассказ о ней, – весной 1950 года, – всего тридцать с лишним лет, – писала автор. – Однако за это тридцатилетие для народного счастья сделано больше, чем за прошедшие две с лишним тысячи лет» [5, с. 115].

На протяжении всего повествования, одним из лейтмотивов которого является воспевание величественных армянских природных пейзажей, М.С. Шагинян касалась темы взаимоотношений закавказских и иных народов между собой, ни слова не говоря о характерных для прошлого этих народов (в первую очередь, армян и азербайджанцев) проблемных аспектах указанных отношений, поскольку при социализме антагонизм последних стал достоянием истории. Так, во время посещения Литературного музея Армении она обратила внимание на то, что в основу концепции выставочной экспозиции положена «отличная идея... дружбы литератур Закавказья. Все писатели поданы под углом зрения этой дружбы, и экспонатов оказалось множество, – армянских, грузинских, азербайджанских», свидетельствующих «об исконном интересе трех братских народов друг к другу, исконных культурных связях и взаимоотношениях» [5, с. 366]. В качестве одного из доказательств подобного взаимовлияния М.С. Шагинян обратилась к истокам музыкальной культуры армянского и азербайджанского народов. «От глубокой древности, – отмечала она, – дошли до нас инструментальные сложные произведения –

«мухгамы», несомненно связанные с музыкой Азербайджана» [5, с. 381].

При этом «многонациональная дружба людей искусства», основанная «на совместном труде, посвященном великим представителям литературы, музыки, эпоса», дополняется «тесной многонациональной дружбой строителей и производственников на совместном труде для преобразования природы» (пример – строители Южно-Украинского канала и рабочие-арматурщики Ереванского электромашиностроительного завода) [5, с. 374].

Говоря о курдах как об «одной из национальностей, населяющих Армянскую республику», М.С. Шагинян подчеркивала, что в новых социальных условиях у них впервые за всю историю их существования появилась возможность проявить себя в научной сфере. В качестве наиболее яркого примера, служащего доказательством сказанного, М.С. Шагинян сослалась на курдского исследователя Аджие Джинди, который «еще в 1940 году составил сводный текст курдского эпоса «Кар и Кулуке», а позднее собрал интереснейший героический эпос «Дым-дым» [5, с. 364]. В то же время традиционным занятием курдов, как и части армян, оставалось кочевое скотоводство, ставшее в советском государстве, отметила М.С. Шагинян, объектом заботы властей. При этом у представителей обоих народов искони сохранялись свои места кочевков, «яйлаков», которые они ежегодно занимали, не мешая друг другу. Готовясь к восхождению на Арагац, М.С. Шагинян и ее спутники были приглашены на ночлег в курдскую пастушью палатку, где сразу же увидели «армянскую пастушью овчарку» [5, с. 416, 427-428].

По мере продолжения путешествия тема интернационализма обретает еще более сильное звучание, достигая крещендо в тот момент, когда М.С. Шагинян брала в союзники природу. «Сама природа, климат, внешний облик... трех районов – Иджеванского, Шамшадинского, Красносельского, граничащих с Азербайджаном, и всего северного нагорья Лори, граничащего своими районами с Грузией, резко отличаются от юга Армении...

Здесь много русских сел; здесь вкраплены в территорию республики два крохотных кружка, обведенных на карте

пограничной линией, – это кусочки Азербайджанской республики в Армянской республике, так же как Башкенд – кусочек Армении в Азербайджане. Здесь, по дорогам к Таузу и Акстафе, много развалин, связанных с именем героя азербайджанского эпоса Кёр-оглы. Здесь на севанские пастбища гонят скот из соседней республики, по освященному веками обычаю, на старые кочевые места. Здесь армянский картофель «лорх» вывозится вниз, в Грузию» [5, с. 460].

В заключение М.С. Шагинян подчеркнула, что хотя датой начала наступления новой эпохи развития армянского народа стал 1828 год – год вхождения части Армении в состав Российской империи, лишь «после Великой Октябрьской революции, со дня провозглашения Армении Советской Социалистической Республикой, армянский народ познал свободу и счастье» [5, с. 504], заняв достойное место в семье многочисленных народов, населявших Советский Союз.

Подводя итог, считаем необходимым подчеркнуть, что, будучи в полной мере человеком своего времени, Мариэтта Сергеевна Шагинян относилась к числу наиболее ярких представителей интернациональной по своему составу плеяды творческой интеллигенции советской эпохи. Посвятив свой огромный литературный талант реализации социалистической идеи, она в своем отличавшемся широчайшим диапазоном творчестве неуклонно придерживалась избранной линии, демонстрируя приверженность официальной идеологии. В то же время жизнь и деятельность Мариэтты Сергеевны Шагинян, по нашему мнению, дают все основания для вывода о том, что принцип социалистического интернационализма воспринимался ею не как правило хорошего тона, следование которому соответствовало историческим условиям существования, но стал для нее важнейшим жизненным кредо.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Речь на первом съезде писателей. (Стенограмма) // М.С. Шагинян. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1958.

2. *Лифшиц М.А., Рейнгардт Л.Я., Михайлов А.В.* Дневник Мариэтты Шагинян // Контекст: Литературно-теоретическое исследование. 1989. М., 1989.

3. *Шагинян М.С.* Публицистика Коста Хетагурова // М.С. Шагинян. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1958.

4. *Богачева Е.В.* Жанр литературного путешествия в творчестве М. Шагинян // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2010. № 3.

5. *Шагинян М.С.* Путешествие по Советской Армении // М.С. Шагинян. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. М., 1957.

Т.О. Осипова

УРОКИ ВЕЛИКОГО МАСТЕРА: ДОНСКИЕ ПИСАТЕЛИ О МИХАИЛЕ ШОЛОХОВЕ

Проблема творческой преемственности, наследования традиций всегда имела принципиальное значение для развития литературы. В.Г. Белинский писал: «Влияние большого поэта заметно на других поэтов не в том, что его поэзия отражается в них, а в том, что она возбуждает в них собственные их силы: так солнечный луч, озарив землю, не сообщает ей свои силы, а только возбуждает заключенную в ней силу» [1, с. 562].

Среди русских классиков XX века, оказавших воздействие на развитие отечественной литературы, безусловно, одно из главных мест принадлежит Михаилу Александровичу Шолохову. При этом особое влияние его личность и творчество оказали на развитие донской словесности. Широкий круг тех авторов, наших земляков, в душах которых М.А. Шолохов, по словам В.А. Закруткина, «поддержал искру творчества».

Тема «Шолохов и донская литература» широка. Остановимся лишь на двух, на наш взгляд, весьма важных ее аспектах: донские писатели как летописцы жизни М.А. Шолохова, исследователи его творчества в донской прозе.

Среди литераторов многонационального Дона, постоянно заявлявших о своей принадлежности «шолоховской» школе, безусловно, выделяется В.А. Закруткин, которого с автором «Тихого Дона» связывали многолетние дружеские отношения. Интересна в связи с этим надпись, которую в 1960 г.

М.А. Шолохов сделал на экземпляре «Поднятой целины», подаренном В.А. Закруткину и хранящемся в Кочетовском государственном доме-музее писателя: «Одному из самых родных моему сердцу друзей по войне и писательскому творчеству – Виталию Закруткину, которого крепко, по-мужски люблю, и в которого столь же крепко верю...» [см.: 14].

Впервые В.А. Закруткин встретился с М.А. Шолоховым летом 1935 года. Этому знаменательному событию в его жизни предшествовала встреча, не менее важная для будущего писателя. Будучи аспирантом ЛГПИ им. А.И. Герцена, он приехал навестить родителей в г. Серафимович (бывшую станицу Усть-Медведицкую), где и познакомился с автором «Железного потока». В свою очередь А.С. Серафимович попросил В.А. Закруткина отправиться в Вешенскую, чтобы передать М.А. Шолохову письмо. Три с половиной часа, проведенные в доме М.А. Шолохова, показались будущему писателю «коротким мгновением».

В 1947 г. В.А. Закруткин, уже будучи автором не только ряда научных трудов, но и двух романов, четырех сборников рассказов и очерков, оставил педагогическую деятельность и по примеру М.А. Шолохова поселился в станице Кочетовской Ростовской области. С этого времени начались его регулярные встречи с М.А. Шолоховым. В.А. Закруткин много раз бывал в Вешенской, общался с М.А. Шолоховым на съездах писателей, на писательских конференциях в Москве и Ростове-на-Дону, был его доверенным лицом при выдвижении кандидатуры М.А. Шолохова в депутаты Верховного Совета СССР. В свою очередь, автор «Тихого Дона» несколько раз приезжал в станицу Кочетовскую.

В.А. Закруткин – автор ряда статей о жизни и творчестве М.А. Шолохова, а в 1965 году увидела свет его книга «Цвет лазоревый: страницы о Михаиле Шолохове», представляющая собой сплав мемуаристики, литературно-биографического исследования и лирико-публицистического очерка. Автор повествовал о своих встречах с великим писателем, о роли М.А. Шолохова в его писательской судьбе, приводил высказывания читателей – маститых литераторов и простых казаков – о «Тихом Доне», «Поднятой целине», «Судьбе

человека». И в то же время в книге ощущается стремление автора оценить творчество М.А. Шолохова с позиций литературоведа. Отсюда достаточно часто встречающиеся в «Цвете лазоревом» высказывания об образном строе шолоховской прозы, ее лексическом богатстве.

Являясь главным героем книги В.А. Закруткина, М.А. Шолохов окружен в ней писателями-современниками. Это и А.С. Серафимович, одним из первых угадавший в молодом донском литераторе «художника Божьей милости» [4, с. 11], и С.Н. Сергеев-Ценский, отметивший, что М.А. Шолохов «владеет всеми сокровищами русского языка, как полновластный хозяин» [4, с. 59] и др.

В 1977 году в автобиографическом очерке «От земли к земле» писатель вновь обратился к М.А. Шолохову, выделив «наиболее дорогие для себя черты его творческого гения: твердость и постоянную последовательность мировоззрения, глубокую народность, любовь ко всему живому» [3, с. 34].

Не менее значительную роль сыграл М.А. Шолохов и в судьбе талантливого русского писателя А.В. Калинина. Как вспоминал сам А.В. Калинин, его первое знакомство с произведениями М.А. Шолохова пришлось на конец 1920-х гг.: тринадцатилетний подросток прочитал первую книгу «Тихого Дона» и на арбе, запряженной быками, отправился из Миллерово, где тогда жила семья Калининых, в Вешенскую посмотреть на «живого Шолохова». Но встретиться с автором «Тихого Дона» он смог лишь в 1938 году, когда по заданию редакции «Комсомольской правды» был командирован в Вешенскую с целью создания очерка «В гостях у Шолохова». Именно тогда и услышал он от М.А. Шолохова слова, которые станут творческим кредо А.В. Калинина: писатель должен хорошо знать среду, в которой живут его герои. Этот взгляд на место и роль писателя в обществе позднее коренным образом изменит судьбу самого А.В. Калинина: пройдя войну, в 1946 году он решит поселиться в донской глубинке, рядом с теми, о ком будет писать свои книги.

Среди большого количества работ, посвященных М.А. Шолохову, сам А.В. Калинин выделял книгу, которую считал главной в своей шолоховиане: «Время "Тихого Дона"».

Безусловное достоинство этой работы критика видит в ее полемической направленности, в стремлении подойти к творчеству М.А. Шолохова не только с позиций классовости и партийности, но и «с учетом контекста мировой литературы» [13, с. 328].

«Время "Тихого Дона"» имеет подзаголовок: «Книга о жизни и творчестве М. Шолохова», поэтому в поле зрения автора оказываются все основные произведения писателя. Например, безусловной удачей А.В. Калинина известный американский шолоховед Г. Ермолаев считал проведенные в работе «обоснованные параллели между «Тихим Доном» и ранними рассказами» [2, с. 363]. Последнее особенно важно, так как названная по контрасту с работой И. Медведевой-Томашевской «Стремя "Тихого Дона"», книга А.В. Калинина внесла существенный вклад в отстаивании имени М.А. Шолохова как автора «Тихого Дона» На протяжении всей своей работы А.В. Калинин убедительно доказал, что «при обращении к ранним истокам и ко всей родословной «Тихого Дона» в связи с родословной его автора и со всеми другими произведениями нельзя сразу же не почувствовать цельность его жизни и творчества...» [6, с. 215].

В своих размышлениях о роли и месте М.А. Шолохова в мировой культуре А.В. Калинин отмечал то, что наиболее близко его представлениям о назначении писателя: знание народной жизни, умение передать движение истории через ее «многоцветье», способность художественно воссоздать судьбу народа через судьбу человека.

Книга А.В. Калинина увидела свет в период, когда в отечественном литературоведении не затихали споры о причинах трагической судьбы героя «Тихого Дона». Много было высказано полярных мнений, взаимоисключающих точек зрения. Полностью отрицая столь популярную в то время теорию «отщепенства» Мелехова, автор утверждал, что истоки этой трагедии – в суровом времени: «... жернова классовой борьбы не знают пощады» [6, с. 33]. Не будем забывать, что сказано это в начале 1970 гг. о герое, жаждущем мира, братства, любви, но оказавшемся в эпицентре борьбы, которая «вычерпывает душу», вынужденном то и дело наткнуться на

«ощетиненное острие» враждебных лагерей. И нет выхода из этого «междурядья-коридора» [6, с. 34].

Велика роль М.А. Шолохова и в творческом становлении писателей послевоенного поколения. Примечательна в этой связи судьба Б.Н. Куликова. В 2004 году, через одиннадцать лет после смерти автора, увидела свет его статья: «При пике и на коне: воспоминания о Шолохове», над которой он трудился с июня 1987 по март 1988 г. Б.Н. Куликов подробно рассказал о своей единственной встрече с великим писателем в январе 1964 г., о той роли, которую сыграл М.А. Шолохов в его судьбе. Автор привел высказывания М.А. Шолохова о В.А. Закруткине, А.В. Калининe, В. Фирсове, что проливает свет на литературные вкусы писателя.

Размышляя о месте М.А. Шолохова в национальной культуре, Б.Н. Куликов писал: «Шолохов был для меня гением, примером беззаветного служения родному Народу, Правде, Искусству. Его реализм, его необъяснимое умение рисовать вымышленных героев так, что ни на йоту не сомневаешься в их реальном существовании, его поэтические картины донской природы – ставят его выше живших до него величайших художников» [10, с. 229].

Однако проблема литературных традиций не может быть ограничена лишь высказываниями писателей о своих предшественниках. При всей значимости книг о М.А. Шолохове, более важным остается вопрос о влиянии художественного мира автора «Тихого Дона» на творчество их авторов.

Литературоведы не раз писали о шолоховских традициях в произведениях В.А. Закруткина. Так, например, В.В. Петелин отметил их присутствие в художественной реализации В.А. Закруткиным основного творческого замысла романа «Сотворение мира»: «...на судьбах различных представителей семьи Ставровых проследить коренные изменения, происходящие в стране» [12, с. 107]. О влиянии «Судьбы человека» на повесть В.А. Закруткина «Матерь Человеческая» писал А. Метченко [11, с. 475].

Велика роль М.А. Шолохова и в творческом становлении А.В. Калинина. Уже в первом его романе «Курганы» (1938-

1939), посвященном коллективизации в казачьем крае, ощущается заметное влияние «Поднятой целины». Не случайно, А.С. Серафимович, прочитав книгу, пригласил А.В. Калинина в гости и встретил его словами: «Ну, здравствуй, молодой Шолохов!».

Однако наиболее плодотворными оказались для А.В. Калинина шолоховские гуманистические традиции, весьма ощутимые в его романе «Суровое поле».

Литература о Великой Отечественной войне (а именно этой теме посвящен роман А.В. Калинина) всегда тяготела к характерам героическим, исследовала нравственные истоки подвига. Но наряду с этой тенденцией уже во второй половине 1950-х годов в ней четко оформилась и другая – стремление показать героя в условиях трагического перепутья, передать незащищенность человека перед лицом сурового и беспощадного времени. Именно этот трагический мотив, столь близкий нам по эпопее М.А. Шолохова, пронизывает и роман А.В. Калинина.

Творчески используя традиции «Тихого Дона», автор проследил сложную судьбу русского солдата Андрея Сошникова. При этом наряду с естественным для военной прозы конфликтом «наши и фашисты», в романе ощущается и иное противостояние – человек и беспощадное время.

Андрей Сошников, без вести пропавший для близких, много раз совершавший побеги из фашистского лагеря, в конце концов решает надеть ненавистную форму власовца, чтобы с оружием в руках перейти к своим. Во время боев в Венгрии ему удается поднять власовский эскадрон и вместе с ним поддержать советские войска, ударив фашистам в тыл.

Соединение различных временных планов – войны и мирных послевоенных лет – позволило А.В. Калинину вписать трагическую судьбу героя в широкую картину жизни. Люди живут, работают, любят, рожают детей, а Андрей отторгнут от этих простых радостей теми, кто судит о человеке лишь по внешним проявлениям, в данном случае – по чужой форме.

На рубеже 1950-1960-х гг. многие увидели в романе А.В. Калинина измену фронтовым идеалам, стремление обелить предателя. Именно поэтому образ Андрея Сошникова вызвал

полемику в критике, хотя и не такую острую и многолетнюю, как образ Григория Мелехова. Писателя обвиняли в абстрактном гуманизме, «вегетарианском всепрощении» и др.

Самым суровым и беспощадным обвинителем выступил писатель С.П. Злобин. В образе Андрея он увидел попытку оправдать власовское движение. Поступок героя расценивался им как чистой воды предательство, ибо самым лучшим выходом в данной ситуации ему представлялась «физическая смерть». Сегодня трудно спорить со С.П. Злобиным, трудно не только потому, что прошло уже много лет после его смерти, но и потому, что сам С.П. Злобин мужественно перенес все ужасы фашистского плена, куда попал в 1941 году в окружении под Вязьмой. И все же приходится констатировать: от статьи, опубликованной в начале хрущевской «оттепели» в «Новом мире» [5, с. 211-215], так и веет безнравственной теорией человека-винтика, призванного лишь жертвовать собой во имя общего дела. Не заметил С.П. Злобин ни чистоты души и помыслов калининского героя, ни его честности и мужества. А разве не этим грешили многочисленные работы об «отщепенстве» Григория Мелехова?

В этой связи хотелось бы остановиться еще на одном моменте, имеющем, на наш взгляд, большое значение в наши дни. В современном литературоведении заметно стремление к переосмыслению того, что было создано советскими писателями на протяжении десятилетий. Сам по себе этот факт не вызывает принципиальных возражений, но лишь при одном условии: здесь очень важно не впадать в крайность, не приписывать произведению того, чего в нем нет и быть не может. В 2000 году вышел в свет биографический словарь «Русские писатели XX века», содержащий обстоятельную и глубокую статью, посвященную творчеству А.В. Калинина. Лишь с одним суждением автора статьи С. Шульца трудно согласиться: «Калинин одним из первых заговорил о необходимости человеческого отношения к нашим военнопленным, в том числе к «власовцам» [13, с. 327]. Писатель, безусловно, стремясь нравственно реабилитировать тех, кто пережил все ужасы фашистского плена и остался человеком, шел по пути, проложенному М.А. Шолоховым, его «Судьбой человека».

Тогда, во второй половине 1950-х годов, это была задача первостепенная. Но все же мог ли солдат Великой Отечественной войны, горячий патриот, непримиримый к любому проявлению предательства (вспомним суровый приговор, вынесенный А.В. Калининым Варваре Табунщиковой, героине повести «Эхо войны»), ратовать за «человеческое отношение» к власовцам? Думается, А.В. Калинин в своем романе выразил народный взгляд на войну: можно простить поверженного врага, предателя же – никогда. Как и Григорий Мелехов, Андрей Сошников предстал перед нами «без вины виноватым», несущим на себе гнет мнимой вины.

В романе много перекличек с «Тихим Доном»: две женщины, любящие и ждущие Андрея; сын – как продолжение жизни, как залог ее смысла и целесообразности. А в лирико-публицистическом отступлении А.В. Калинин сам указал на источник, определяющий его взгляд на человека: «Тебе о чем-нибудь говорят эти слова: Мелехов Григорий? Это жил лет сорок назад на далекой от тебе земле Донщине один такой же черный и кудрявый, как твой сын, казак. Чем только может наделить природа человека, тем она и наделила его: трудолюбием, удалью, любящим сердцем. Никто не умел так, как он, пахать землю, петь песни и так воевать верхом на коне с пикой и казачьей шашкой. И все искал он правду, как нужно на земле жить, и не знал, где ее найти» [7, I, с. 277].

Не менее значительна роль шолоховских традиций и в произведениях Б.Н. Куликова, как поэтических, так и прозаических. Как отмечали критики, будучи «современным писателем», он в своих книгах «Мои дорогие люди», «Быстрина», «Облава» и др. выразил «горячую сыновнюю любовь к Дону, к его былинной истории, к старинным песням и обычаям донских казаков... В этом плане все сходились во мнении, что Борис Куликов – «писатель шолоховской школы» [9, с. 140].

Интересно в этой связи и поэтическое творчество Б.Н. Куликова. Причем, как отмечали исследователи, в стихах Б.Н. Куликова, в отличие от произведений других донских поэтов, почти нет развернутых характеристик великого писателя, но «присутствует как нравственная и художественная

атмосфера частица художественного шолоховского мира» [8, с. 26]. Это ощущается и в стихотворении «Земля донская», эпиграфом к которому стала строчка из старинной казачьей песне «Чем, земля донская, ты украшена?», хорошо известной по эпиграфу к роману «Тихий Дон», и в стихотворении «Донские песни», посвященном М.А. Шолохову.

Безусловно, тема «Михаил Шолохов и писатели Дона» широка и многоаспектна, ее дальнейшая разработка явится важным этапом дальнейшего исследования вопроса о специфике преломления шолоховских традиций в русской литературе XX века.

Литература

1. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1954.
2. *Ермолаев Г.* Михаил Шолохов и его творчество. СПб, 2000.
3. *Закруткин В.А.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. Ростов-на-Дону, 2008.
4. *Закруткин В.А.* Цвет лазоревый: страницы о Михаиле Шолохове. М., 1975.
5. *Злобин С.П.* О романе А. Калинина «Суровое поле» // Новый мир. 1959.
6. *Калинин А.В.* Время «Тихого Дона». Ростов-на-Дону, 2008.
7. *Калинин А.В.* Собр. соч.: в 4 т. М., 1982-1983.
8. *Ковалева А., Радецкая М.* Образ М. Шолохова в советской поэзии // Вопросы русской литературы: Республиканский межвузовский сборник. Вып. 2 (46). Львов, 1985.
9. *Котовсков В.* Стремя в стремя. Ростов-на-Дону, 2004.
10. *Куликов Б.Н.* «При пике и на коне...»: воспоминание о Шолохове // Дон. 2004. № 1.
11. *Метченко А.* Кровное и завоеванное: Из истории советской литературы. М., 1975.
12. *Петелин В.В.* Виталий Закруткин: литературный портрет. М., 1969.
13. Русские писатели XX века: Биографический словарь. М., 2000.
14. Шолохов М. Надпись на книге «Поднятая целина» // Фонды Кочетовского государственного дома-музея В.А. Закруткина. Ед. хр. 4636.

**ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ
ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО
(по Всероссийской переписи 1897 года)**

Информативные возможности первой общероссийской переписи населения, проведенной в январе 1897 года, в историко-краеведческой литературе в полной мере не осмыслены и по сей день. В первую очередь это относится к характеристике этнического состава населения казачьей области на рубеже XIX–XX веков. В литературе по традиции повторяют, не обращаясь к самим итоговым таблицам переписи, что дореволюционная статистика учитывала лишь конфессиональный состав жителей. Между тем, в опросных анкетах 1897 г., в отличие от всех статистических обследований, проведенных до переписи и после нее, присутствовал вопрос о родном языке – важнейшем критерии этнической идентичности. Более того, все три восточнославянских языка учтены в них по отдельности, а не только в агрегированном виде под общим наименованием «русский». Последнее характерно, например, для сводов данных о российских городах 1900-1910-х годов [См.: 1].

В итогах переписи по Донской области распределение донских жителей по этому признаку изложено в трех объемистых таблицах. Данные о родном языке представлены в сопряжении со сведениями о территориальном размещении той или иной группы, конфессиональной принадлежности, грамотности и даже образовании [См.: 3]. Это позволяет оценить материалы переписи как уникальный и довольно информативный источник для характеристики этнического состава населения области в конце XIX в. Вместе с тем надо отметить, что все распределения населения по группам, которые можно сделать на основании итогов переписи, носят приблизительный характер. По целому ряду параметров они расходятся с данными местных статистиков, поскольку счетчиками учитывалось все наличное население на территории в момент переписи. Были учтены в том числе сезонные рабочие,

временные жители городов и окружных станиц. Поэтому данные о числе ростовцев, например, на 15 тыс. чел больше сведений донского статистического комитета, относящихся к тому же 1897 г. и учитывавших только постоянное население. Есть основания полагать, что данные о носителях великорусского языка по Ростову завышены. Примерно то же можно предположить в отношении населения Нахичевани и Таганрога.

Для Нижнего Дона и Приазовья соседство различных народов, мирное сосуществование представителей разных культур и цивилизаций – историческая традиция, измеряемая не веками, а тысячелетиями. Этническое взаимодействие сопровождало процесс формирования донского казачества, зарождение и развитие таких городов как Таганрог или Ростов. Однако достаточно пестрый этнический состав жителей края, зафиксированный первой переписью, сложился в результате этносоциальных процессов пореформенного периода. Два события краевой истории поспособствовали их запуску и развитию: ликвидация обособленности казачьей области в 1868 году и присоединение в ней территории Ростовского уезда Екатеринославской губернии в 1888 году.

В результате этих событий в области появилось большое количество как добровольных переселенцев, так и административно присоединенных обывателей, что привело к заметным изменениям в сословной, социальной и этнической структурах ее жителей. Казаки по итогам переписи составили лишь 40% населения области Войска Донского, что было весьма болезненно воспринято войсковым начальством. А статистики войскового статистического комитета и оспаривали методику проведения переписи, и публиковали альтернативные подсчеты динамики казачьего и невойскового населения, согласно которым казаки составляли не менее 44–45% населения области и в 1897 г., и в 1900-х гг.

Крестьянство (48% жителей по данным переписи) стало самой большой сословной группой населения области. В некоторых войсковых округах – это доминирующая часть жителей: 82% – в Таганрогском, 62% – в Ростовском, 51% – в Донецком. Среди населения городов и окружных станиц

крестьяне составили 39%, оттеснив на второе место мещан. В крупных городах доля их была еще больше: в Ростове – более 43%, в Нахичевани – более 46%. Впрочем, из-за особенностей учета данные о количестве крестьян в области можно так же считать завышенными, как и число носителей великорусского языка.

В *Таблице 1* представлена этническая структура жителей Донской области и областных городов, а также доля горожан в каждой из этнических групп. Основной массив населения составляли две этнические группы: *русские* (великорусский язык назван родным) – почти 67% населения и *украинцы* (носители малороссийского языка, по терминологии переписи 1897 года) – чуть более 28% жителей. Прочие заметные этносы в донском населении – в десятки раз меньше. Более одного процента населения области достигали немцы (1,36%), калмыки (1,26%) и армяне (1,06%). Остальные этнические группы не набирали и 1%.

Таблица 1. Состав жителей Донской области по родному языку. 1897 г. [2, с. 2-3. Подсчет]

Жители по родному языку	В области	Доля в %	В городах	Доля горожан в этносе	Горожане по языку %
Русский	1712898	66,80	260272	15,2	81,7
Украинский	719655	28,06	20952	2,9	6,6
Белорусский	9158	0,36	1755	19,2	0,6
Польский	3316	0,13	2492	75,2	0,8
Немецкий	34855	1,36	2142	6,1	0,7
Еврейский	15121	0,59	14339	94,8	4,5
Греческий	2265	0,09	1802	79,6	0,6
Армянский	27234	1,06	11425	42,0	3,6
Калмыцкий	32283	1,26	228	0,7	0,1
Татарский	2978	0,12	1544	51,8	0,5
Цыганский	1267	0,05	174	13,7	0,1
Прочие	3218	0,13	1527	47,5	0,5
Итого	2564248	100,0	318652	12,4	100,0

Украинцы, в основном, были сельскими обывателями, в городах проживало менее 3% этноса. В Ростовском округе они составляли 33,5% жителей, Донецком 39%, а в Таганрогском – почти 62% всего населения [2, с. 78. Подсчет]. Для объяснения этого феномена достаточно вспомнить, что коренные донские крестьяне, некогда крепостные казачьего дворянства, в массе своей были этническими украинцами. Присоединение Ростовского уезда к войсковой территории этот этнос пополнило: и бывшие крепостные помещиков уезда, и весьма многочисленная группа государственных крестьян, поселившихся в его восточной части в XVIII – первой половине XIX вв., были малороссами. Статистики Екатеринославского земства по итогам переписи уездного сельского хозяйства (1882 г.) отметили, что «теперешние жители сел и деревень представляют смесь из малороссов и великороссов, причем, однако, первые составляют более значительную часть населения; исключительно великороссов мы встретили только в х. Вечность Мыс-Добронадешинской волости». Авторы отчета подчеркнули, что сглаживание этнических различий имело место и в организации крестьянского быта, и в языке, и даже, по их наблюдениям, в характерологических особенностях людей «двух отраслей русской нации» [4, с. 84].

В сельской местности проживало почти 94% донских немцев, причем больше половины всех поселян (54%) было сосредоточено в колониях Таганрогского округа. Почти поголовно сельскими жителями были и донские калмыки – бузавы, компактно проживавшие (87%) в Сальском округе.

Компактно размещались в области и донские армяне, почти 98% их – это жители Ростовского округа. Но в отличие от названных выше этносов 42% армян в 1897 г. – горожане. Такое почти паритетное распределение этноса между городом и селом вполне отражает его основные занятия: обработка земли конкурировала с торговлей, а наличие в Ростовском уезде (округе) трех больших торговых городов поддерживало, видимо, компактность проживания [2, с. 79. Подсчет].

Донские евреи, в отличие от немцев или украинцев, были горожанами (почти 95%). Но жили они далеко не во всех городах. В области Войска Донского в 1880 году запретили

проживание лицам иудейского вероисповедания, поэтому их нет среди жителей Новочеркасска, Александровск-Грушевского и окружных станиц. В Ростове и Нахичевани в 1897 году проживало 77%, а в Таганроге 18% общего числа иудеев. В селах Ростовского округа были немногочисленные евреи – сельские хозяева и ремесленники, поселившиеся до 1887 г., поскольку уезд входил в черту еврейской оседлости. Добиться их выселения в связи с присоединением территории к казачьей области военному министерству не удалось.

В городах области этническая картина 1897 года была несколько иной, чем по области в целом. Преобладание русского этноса здесь оказалось более представительным – почти 82% всех жителей городов и окружных станиц. Украинцы составляли 6,6% горожан, евреи – 4,5%, армяне – 3,6%. Каждый из прочих этносов – поляков, немцев, греков и др., в общем числе донских горожан не достигал и 1%. Эти данные агрегированного характера весьма приблизительно отражали ситуацию в том или ином донском городе. Города собственно войсковые – Новочеркасск и Александровск-Грушевский были этнически однородны: русские составляли подавляющее большинство их жителей. Города присоединенные, за исключением посада Азов, отличались этническим многообразием, но друг на друга не были похожи. Об этом свидетельствуют данные Таблицы 2.

Этнические структуры жителей Ростова и Таганрога выглядят типологически близкими друг другу. Носители великорусского языка – около 80% населения в каждом из центров. Однако в Таганроге переписчики зафиксировали почти вдвое большую группу украинцев, чем в Ростове (9,2% и 4,7% горожан соответственно). С группой иудеев ситуация почти зеркальная: их оказалось 9,4% ростовцев и 5,3% жителей Таганрога. Греков в Таганроге проживало больше, чем в Ростове, и в абсолютных, и в относительных показателях. Группа армян среди жителей Ростова численно вдесятеро больше, чем в Таганроге (в структуре – 1,6% и 0,5%). Наконец, в этнической структуре населения Ростова заметна группа носителей тюрко-татарского языков: их примерно столько же, сколько немцев, чуть меньше, чем поляков и больше, чем

греков. Скорей всего, в нее вошли представители разных народностей и данные имеют агрегированный характер, как и наименование «татары» в статистике и дискурсе дореволюционной России. Тем не менее, следует отметить, что Ростов – своеобразный центр притяжения для этой группы населения. Почти 40% всех «татар» области перепись зафиксировала именно в нем.

Таблица 2. Этности в присоединенных к ОВД городах. 1897 г.
[2, с. 131, 135. Группировка и подсчет автора¹]

Этнические группы	Ростов		Нахичеван		Таганрог	
	всего	%	всего	%	всего	%
Русские	94673	79,7	16105	57,1	40899	80,2
Украинцы	5612	4,7	2486	8,8	4676	9,2
Белорусы	584	0,5	633	2,2	296	0,6
Поляки	1444	1,2	144	0,5	636	1,2
Немцы	1182	1,0	16	0,1	430	0,8
Евреи	11183	9,4	455	1,6	2685	5,3
Греки	702	0,6	36	0,1	1006	2,0
Армяне	2216	1,9	8277	29,3	254	0,5
Татары	1172	1,0	69	0,2	84	0,2

Наконец, и внимания, и комментариев заслуживают данные по Нахичевани, прежде всего потому, что итоги переписи по городу в историко-краеведческой литературе как бы не существуют. В публикациях последних 10-15 лет встречается показатель – примерно 41,5% армян в городе в начале XX века.

¹ В отличие от *Таблицы 1* для удобства представления результатов исключены группы «цыгане» и «прочие», в совокупности составлявшие по несколько сотен человек в каждом из городов. На структурное распределение это исключение принципиально не повлияло.

Взят он из публикации «Города России в 1910 году» и не сопоставляется даже с более ранним срезом данных, проведенным в 1904 году, когда составители итоговых таблиц отметили 63,8% армян среди нахичеванцев [1, с. 246-247]. Различия между сведениями, предоставленными для столичного издания Донским областным статистическим комитетом, и итогами переписи, которая фиксирует лишь 29,3% армян в Нахичевани в январе 1897 года, зримы и существенны. Ошибка учета по родному языку вряд ли была возможной, так как данные о числе носителей армянского языка и лицах армяно-грегорианского вероисповедания различаются лишь на несколько десятков человек – армян католиков [2, с. 84-85].

Приходится признать, что этническая картина по Нахичевани в конце XIX – начале XX века статистикой обрисована весьма сомнительно. Подсчеты, сделанные по *Таблицам* переписи 1897 года, основаны на абсолютных показателях численности той или иной языковой группы и проверяются таковыми же сведениями о конфессиональной принадлежности жителей. Показатели из *Таблиц* изданий «Города России» – относительные, подсчеты сделаны публикаторами и проверить их невозможно. Абсолютных показателей численности той или иной этнической группы по городам нет ни в издании за 1904, ни в сборнике 1910 года, приведены только доли групп в процентах.

Возможно, вопрос об этническом облике нахичеванцев рубежа XIX–XX веков дождется рано или поздно своего исследователя. Пока же можно сделать только некоторые предположения. Можно предположить, что мигранты, приходившие на заработки в большие города российского юга, размещались на общем для Ростова и Нахичевани пространстве экономической деятельности весьма своеобразно и переселялись, в зависимости от обстоятельств, из одного города в другой. Как иначе, например, можно объяснить, что в 1897 году в Нахичевани одних великороссов насчитали 57% жителей, а в 1904 году там же всех «русских» – только 33%. И это при положительной динамике городского населения в целом. Мы можем констатировать волнообразный характер динамики численности русского и армянского населения Нахичевани, но желательно еще и объяснить ее.

Можно предположить также, и даже без особой боязни ошибиться, что рост числа и доли армян среди нахичеванцев на рубеже столетий происходил не только из-за перемещения некоторой части донских армян из сел в город. Армянские погромы на территории Османской империи приняли острый характер в последние годы XIX в. и обеспечивали, видимо, все последующие годы стабильный приток беженцев на территорию России. Какая-то часть их стремилась уйти подальше от границ Турции и территорий проживания российских мусульман. Донская армянская колония с центром в Нахичевани вполне удовлетворяла подобным соображениям безопасности.

Рамки небольшой статьи позволяют сделать только несколько замечаний о соотношении показателей *родной язык* и *конфессия* в итогах переписи. Почти полностью совпадают названный родным язык и вероисповедание у донских армян, евреев и калмыков, что позволяет говорить о вере как втором значимом показателе идентичности для этих этнических групп на рубеже столетий. В объединенной группе носителей тюрко-татарских языков мусульман было 94,5% мужчин и 93,2% женщин. Среди этнических поляков примерно таково же преобладание католиков – 94,6% мужчин и 92,7% женщин [2, с. VI].

Греки почти поголовно православные, как и украинцы с белорусами. Русские в подавляющем большинстве были православными никонианами. Самой большой группой диссидентов среди них являлись старообрядцы – 7,3% мужчин и 7,8% женщин, проживавших в области. Преобладающую часть жителей немецких поселений составляли лютеране – 78,2% мужчин и 78,6% женщин. Католицизм исповедовало 16,6% мужчин и 16,2% женщин. Среди колонистов были сектанты: баптисты, реформаты, меннониты. Каждая из этих конфессиональных групп насчитывала примерно 3-4 сотни человек [2, с. 82-85. Подсчет].

Теперь о грамотности народов области. В предисловии к публикации итогов переписи по области Войска Донского его авторы, комментируя общий показатель грамотности – 22,4% у всего наличного населения и 49,2% у горожан, – оценили его как «довольно значительный» [2, с. VIII]. С этой оценкой,

видимо, следует согласиться, так как авторы итогов обладали обширной информацией для сравнения. Вместе с тем, было бы уместным привести впечатления одного из участников переписи в Ростове, опубликованные спустя пару недель после события: «...по большей части там, где приходилось давать показания о вероисповедании, родном языке и грамотности того или другого лица, – вслед за словами «православный» и «русский» неминуемо почти приходилось писать и слово «нет». Слова «православный, русский и нет» в течение целого дня 28 января неотступно стояли перед нашими глазами и так врезались нам в память, что и теперь еще досадуешь на это роковое сочетание слов...» [См.: 5].

Таблица 3. Доля грамотных и лиц с образованием у донских этносов. 1897 г. [2, с. 107. Подсчет]:

Этнические группы	Всего		% грамотных		% с образованием выше начального	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Русские	858601	854297	37,1	9,7	1,6	1,0
Украинцы	366482	353173	24,1	3,6	0,1	0,1
Белорусы	5033	4125	34,8	10,2	0,5	0,6
Поляки	1971	1345	46,8	49,2	22,6	15,5
Немцы	17775	17080	56,1	52,4	2,2	1,6
Евреи	7448	7673	64,6	44,3	6,2	9,5
Греки	1486	769	62,4	49,8	14,8	10,7
Армяне	13971	13263	38,8	16,1	6,9	6,1
Калмыки	16689	15594	9,8	0,4	0,1	0,0
Татары	2122	856	20,5	7,7	0,1	0,4

Данные *Таблицы 3* демонстрируют существенные различия как в уровне распространения грамотности, так и в образовании выше начального у разных этнических групп донского населения. Наиболее благополучной была ситуация с

грамотностью в еврейской и греческой диаспорах. Более низкий процент грамотных мужчин у греков (62,4% против 64,6%) компенсировался большей долей грамотных женщин (почти 50% против 44,3%), а также большей долей лиц со средним и высшим образованием. В немецких колониях грамотны были более половины жителей, что повлияло и на показатели общего уровня грамотности сельского населения области в целом. Любопытно, что среди колонистов почти поголовно грамотными оказались сектанты обоего пола, у лютеран – 61,5% мужчин и 58,3% женщин, у немцев-католиков – 44% и 36% соответственно [2, с. 85. Подсчет].

Польская диаспора несколько уступала немцам по показателю грамотности, но отличалась самой высокой долей лиц со средним и высшим образованием. Это не вызывает особого удивления, если учесть, что три четверти этнических поляков являлись жителями донских городов. И, если судить, например, по Ростову начала XX века, многие из живших в нем поляков работали управляющими в сфере бизнеса, инженерами и техниками, занимались прочими видами интеллектуального труда. Вторую позицию в этом своеобразном рейтинге занимали представители этнических греков, у которых образование выше начального имели почти 15% мужчин и более 10% женщин. Третье место по доле лиц со средним и высшим образованием можно разделить между донскими армянами и евреями, хотя первые зримо проигрывали вторым по доле грамотных в диаспоре.

Среди носителей трех восточнославянских языков большей долей грамотных отличались великороссы (37,1% мужчин и 9,7% женщин), заметно проигрывая всем упомянутым выше этническим группам донского населения. По доле лиц со средним и высшим образованием, если продолжать ранжировать этносы по этому признаку, они открывали группу аутсайдеров, к которой относились также белорусы, украинцы, татары и калмыки. Поскольку русские и украинцы составляли основную массу населения области, то именно их уровень образования определил показатель по области в целом: чуть более 2% лиц со средним образованием и 0,15% – с высшим. Столичные

статистики справедливо посчитали такую «интенсивность образованности» незначительной [2, с. X].

Литература

1. Города России в 1904 году. СПб. 1906; Города России в 1910 году. СПб. 1914.

2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Т. XII.

3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Т. XII. Область Войска Донского. СПб., 1905. Табл. XIII–XV.

4. Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Том I. Ростовский-на-Дону уезд и Таганрогское градоначальство. Екатеринослав, 1884.

5. В.К. По поводу 28 января // Приазовский край. 1897. 13 февраля.

С.С. Попова

ОБРАЗ ДОНСКИХ АРМЯН В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ПОЭТА И ПЕРЕВОДЧИКА КНАРИК САРКИСОВНЫ ХАРТАВАКЯН

Погружаясь в изучение творчества Мариэтты Сергеевны Шагинян, поражаешься широте интересов писательницы, многообразию тем, исследуемых ею в ее трудах. Будучи прозаиком, поэтом, публицистом, искусствоведом, ученым, общественным деятелем, она (как и другие писатели, ее современники) стояла у истоков формирования уникального явления – советской литературы. Продолжая традиции великой русской литературы, советская литература стала литературой воспитания. Она сформировала особое мировоззрение – мировоззрение советского человека – человека труда, интернационалиста, уверенного в завтрашнем дне, любящего свою Родину и гордящегося своей страной. Русская классическая и советская литература стали благодатной почвой, на которой выросло новое поколение писателей, чье творчество можно отнести к постсоветскому времени истории нашей

страны. Нет, речь не идет о «широком разливе» литературного безвкусыя, о засилье стилистического «ширпотреба», об авторах-однодневках, набивающих свои бумажники высокими гонорарами. Нет...

Мы будем говорить о *высокой* литературе, об авторе *достойном!*..., о продолжателе традиций, заложенных великими русскими и советскими писателями, а значит, и Мариэттой Сергеевной Шагинян, «армянке, виртуозно владевшей русским языком, на котором писала вначале стихи и газетные фельетоны, а потом романы и мемуары» [3, с. 3].

Мы будем говорить о Кнарик Саркисовне Хартавакян (1953–2019), другой армянке, писавшей на русском языке, поэте, переводчице, члене Союза писателей России. «Предки ее, как и прадед М.С. Шагинян, стали жителями донской земли в екатерининские времена, когда по воле Императрицы совершилось полное драматических коллизий переселение армян с Крымского полуострова в низовья Дона» [Там же].

Творчество К.С. Хартавакян – бесценный клад. Ее поэзия – это поэзия невероятной духовной чистоты и силы, поэзия, уходящая корнями в родную культуру. Но что же такое родная культура для нее? Наверное, это большое счастье, когда ты с самого рождения взращен великой русской литературой и живешь под небом России, что дала землю, на которой трудишься, обеспечила мир и процветание. Счастье еще и в том, что с самого рождения ты сохраняешь язык, традиции и обычаи народа, которому принадлежишь по праву родства, а в какой-то момент начинаешь понимать: ты един и с этой землей, и с теми, кто живет на ней. Находишь общее и удивляешься отличиям. А если ты поэт, то все это находит отражение в твоём творчестве. И за строками стихов возникнет образ твоего народа, который вот уже два с лишним века живет на донской земле.

Обратимся к образам донских армян в творческом наследии поэта и переводчика Кнарик Саркисовны Хартавакян.

Первый сборник стихов К.С. Хартавакян «Мы из древнего града Ани» [1] вышел в свет в издательстве «Приазовский край» в 1999 году, в год 220-летия основания Нор-Нахичеванской армянской общины.

Мы из древнего града Ани,
Прародитель и предок наш – пламя!..
Мы из древнего стольного града,
Величавой столицы армянской...,

– с гордостью заявляет автор [1, с. 9]. Вот в какую глубокую древность уходят корни донских армян. А значит, за плечами этого народа богатейшая история и культура, огромный опыт выживания.

Страница за страницей льются поэтические строки талантливой поэтессы, а за ними возникают яркие картины родной земли, встают прекрасные образы ее земляков, родных и близких ей людей: отца, матери, сестры, брата. Все они (как и сама Кнарик Саркисовна) родились и выросли здесь, на донской земле. Все они жители Мясниковского района.

Образы земляков... это и «Седой Учитель», отдающий каждому из учеников частичку сердца своего («Учитель», «Уходят старые учителя») [1, с. 78, 107], и сельские библиотекари, «наделенные щедро талантами», свершающие скромный подвиг, несущие «свет и добро для людей» («Посвящение библиотекарям») [1, с. 80]. А вот тот, на ком изначально, с момента сотворения мира, держится наша жизнь, – землелашец. Как рад он успеху землячки-поэта, как умеет ценить труд другого, уважать творческий талант и понимать его («Землякам, растящим хлеб») [1, с. 71]. Предстают перед нами и образы-портреты тех, кто стал для жителей района нравственным ориентиром, например, журналист и фольклорист Шаген Шагинян²:

Все описать ты мог своим пером, Шаген
Поющий гимн святой и многотрудной жизни,

– говорит Кнарик Саркисовна о человеке, преданном своему народу, сумевшем собрать и сохранить фольклор донских армян, неутомимом труженике.

² Уроженец села Чалтырь Шаген Месропович Шагинян (16.03.1922–16.03.1988).

А вот образ поэта, друга, учителя, наставника, человека, преданного поэтическому ремеслу, – образ Хевонда Наирьяна. Он складывается не только из стихов, посвященных донскому армянскому поэту, но и из переводов его стихов, так бережно и талантливо сделанных К.С. Хартавакян. Без музыки, без зурны немислима жизнь донских армян. Поэтому мы и читаем о зурначи Аведике Хатламаджияне, который «жил среди нас»:

...звуками нас очаровывал,
Зурны его тихий зачин
Тревогою душу нам сковывал.
Затем окрылялась она,
Стремилась в просторы безбрежные,
Светло ликовала зурна,
Вместив его сердце безгрешное [9, с. 113].

Сложить образ талантливого музыканта лучше, чем это сделала поэтесса, трудно.

О ком бы ни говорила Кнарик Хартавакян, всех их объединяет любовь к своей малой родине, донской земле, где они родились и выросли. «Люблю свой край любовью неизбывной» [1, с. 6], «Что Родина – понятие святое...» [1, с. 25]. А образ Родины в их сознании тесно связан с образом матери:

«...Что – родина? Пожалуй, пядь землицы,
Где родила в мучениях нас мать,
Чьей святости должны мы поклониться,
Чьи горести – душою понимать...» [1, с. 25].

В один ряд ставит армянин такие понятия, как «родина», «мать», «язык». И родной язык он называет «материнским». Кто может быть ближе и дороже матери? Чей язык нам понятнее всего? На чьем языке мы слышим мудрые наставления и советы?

Материнский язык, ты услышан был предком в младенчестве,
Среди тягот скитальческой жизни и чуждых племен.
Отрекаться не стану вовек от тебя, мой отеческий,
Пронесу сквозь столетия... [2, с. 36].

Действительно, на протяжении веков донские армяне сберегли и сохранили родной язык и этим могут гордиться. Но здесь, на донской земле, родным им стал и другой язык:

«Мной зримое родство родимых языков
Я чту, о Русский, и великий, и могучий!
Мне с детства близок, дорог звон твоих созвучий,
Как и язык армян, что древен, свят и нов,

– восклицает поэтесса К. Хартавакян [2, с. 25]. И это очевидно:

Неразделимы наши языки.
В них сходство зримо, а различья – зыбки.
Взрастил в родимом лоне, сблизил их санскрит» [2, с. 24].

Понимание своей идентичности приходит к каждому народу с появлением письменности. Именно тогда народ становится нацией. Созданный великим Месропом Маштоцем алфавит стал символом единства разбросанного по всему миру армянского народа³. Алфавит имеет 1600-летнюю историю. Удивительно, что донские армяне сумели на протяжении своего долгого пути из разрушенного Анийского царства через Поволжье и Крым на Дон сохранить «армянские святыя письмена», «богоданный алфавит» [2, с. 15]. Но для армянина святы и славянские письмена. Кнарик Хартавакян находит в двух алфавитах родство и восславляет их создателей [2, с. 23]. Однако более всего поражает, вызывает глубокое уважение и восхищение преданность вере христианской. На донскую землю армянские переселенцы принесли хачкары⁴, здесь, на донской земле, воздвигли они христианские храмы, как бы перенесли их из древнего Ани, города тысячи и одного храма. И за строками стихов К.С. Хартавакян встают образы современников, для

³ Святой Месроп Маштоц (361–440) – ученый, просветитель, создатель армянского алфавита (405) и письменности, Первоучитель, переводчик Святого писания.

⁴ Хачкары (крест-камни) – армянские средневековые памятники, каменные плиты с резным изображением креста в сложной орнаментальной композиции.

которых христианские святыни на родной земле – это твердыни и хранители «памяти былого», а потому так болит душа за разрушенные храмы. Но свеча, зажженная перед ликом Богоматери, будет гореть «наперекор напастям и ветрам» [1, с. 15], вселяя надежду отчаявшемуся и просящему. Вот те нравственные начала, которые сформировали донских армян как народ, как нацию. Именно духовность определила черты характера, присущие донским армянам: доброжелательность, открытость, уважительное отношение как к интеллектуальному, так и к физическому труду, гостеприимство, щедрость, интернационализм, готовность творить добро. Говоря о замечательных качествах своего народа, воспевая его, Кнарик Хартавакян не боится с болью и горечью признаться:

Изъянов и пороков нам не счесть.
Глубин падений наших не измерить.

Но истина в другом: [1, с. 15, 69]

Армянами пребудем на просторах
Российской необъятнейшей земли,
Сроднились мы с державою великой,
На кровью политой земле трудясь.
Зурны армянской звуками взлелеем
Родимый край, где нам, красуясь, жить.
Армяне мы!.. Забыть о том не смеем,
Нам честью нашей надо дорожить!».

В сборнике К.С. Хартавакян «На рубеже стремительных столетий» [см.: 3] эта тема находит свое продолжение. Здесь появляется цикл стихов о тех, кто дорожит честью армянина. Автор повествует о героях, которые в годы Великой Отечественной войны не щадили своей жизни ради Родины. И снова за строками стихов встают образы земляков, равные былинным героям: [3, с. 223]

Здесь, на кровавых рубежах Миусских,
Здесь, у Самбекских вздыбленных высот,
Сражалась рать парней – армян и русских,
Устлавши твердь земли за взводом взвод.

Один за другим возникают образы тех, кто не вернулся с полей сражений, юных, но смело шагнувших в бессмертие, сохранивших достоинство, не посрамивших свой народ и родную землю.

От строки к строке создает поэтесса словесное полотно, изображающее и раскрывающее сущность ее народа, целостный его образ. Но, пожалуй, самый яркий и правдивый образ, символизирующий донских армян, – это сама Кнарлик Хартавакян. И было бы неправильно не сказать о ней. Каждая строка ее поэзии – объяснение в любви своему народу, родной донской земле, далекой и одновременно близкой Армении. Каждая строка ее стихов – объяснение в любви России, русскому языку: [2, с. 25]

... о, Русский, и великий, и могучий!
Мне с детства близок, дорог звон твоих созвучий,
Ты властвуешь в Державе Света, во Вселенной!
Творю твоими письменами, клад в них зря.
Навек ты вверен мне, Язык Великорусский!

Взращенная двумя великими культурами, русской и армянской, Кнарлик Саркисовна стала достойным наследником их нравственных ценностей, продолжателем их традиций. Среди тех, у кого училась К.С. Хартавакян, чье творчество стало для нее источником вдохновения, образцом жизненной правды, была и М.С. Шагинян. Невероятное по силе воздействия на читателя стихотворение «Да, мой предок, земля отвечает...» – тому свидетельство. Оно возникло как отклик на следующие слова: «Видишь ли, земля отвечает...» (Мариэтта Шагинян, роман-эссе «Человек и Время», из эпизода беседы автора с крестьянином из села Чалтырь) [6]. Лирический герой стихотворения чувствует свою прямую связь с теми, кто сохранил, сберег для его поколения землю, на которой он живет и трудится. Он мысленно обращается к далекому предку, соглашаясь с ним: земля – живой организм, чувствующий отношение к себе. Она отвечает «на усердие, ласку, труды», прощает небрежное к себе отношение. Не любит нерадивых, ленивых. «Мать-Сыра-Земля», – читаем мы в произведениях

русского фольклора. «...Говори, мать-земля, говори!» – восклицает лирический герой стихотворения, написанного донской армянкой. Это и есть то единство двух народов, о котором говорит нам Кнарик Саркисовна Хартавакян каждой строкой своего творчества.

Душу любого народа формирует и воспитывает творческая интеллигенция. Поэт чувствует и понимает свое предназначение. Чувствует и понимает его и Кнарик Саркисовна. В предисловии к сборнику «Мы из древнего града Ани...» она так объясняет свою поэтическую миссию: «... показать, в какую глубокую древность уходят наши корни, в какие священные выси может возноситься дух армянский, какой могучей музыкой объята звучащая душа народа моего, как величественны армянские храмы, осененные святым крестом, как прекрасен и светел лик моего народа...» [1, с. 4]. Не будет преувеличением сказать, что К.С. Хартавакян справилась с этой задачей. В стихах она рассказала всему миру о своем удивительном народе. А благодаря ее переводам русскоязычный читатель открыл для себя замечательных армянских поэтов. Она так много успела в сравнительно небольшой период своего творчества. Она так много еще смогла бы сделать, если бы не смерть, оборвавшая ее насыщенную духовной работой жизнь... Любовь ко всему армянскому, любовь к России, активная подвижническая деятельность, преданность христианским ценностям, нравственная чистота, величие духа... – это все о ней, талантливом поэте земли Донской Кнарик Саркисовны Хартавакян, армянке, пришедшей в этот мир с самой высокой миссией – служить своему народу!

Литература

1. *Хартавакян К.С.* Мы из древнего града Ани. Стихи. Ростов-на-Дону, 1999.
2. *Хартавакян К.С.* Армянские святые письма. Стихи и переводы. Ростов-на-Дону, 2005.
3. *Скребов Н., Хартавакян К.С.* На рубеже стремительных столетий. Стихотворения 1990–2010-х годов. Пер. с армянского и грузинского. Ростов-на-Дону, 2013.
4. <https://stihi.ru/2001/05/4834>.

**ЦЕННОСТИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ
ПОЭТА, ПИСАТЕЛЯ И ФРОНТОВИКА Н.М. ЕГОРОВА**

Многогранная деятельность М.С. Шагинян и ее современников, ее творчество и литературное наследие продолжают оказывать влияние и по сегодняшний день на укрепление дружбы, сотрудничества и взаимопонимания народов некогда одной большой страны с общей исторической судьбой, где на территории России вместе с русскими жили украинцы, белорусы, армяне, татары, карелы, чуваша, башкиры, якуты и многие другие национальности.

М.С. Шагинян писала о неисчерпаемом духовном богатстве национальных культур народов России. Вклад Мариэтты Сергеевны в укрепление дружбы и сотрудничества русского и армянского народов огромен и многогранен. Столь же велик вклад М.С. Шагинян в изучение творчества литераторов, деятелей искусств, науки, уроженцев Донского края и тех творческих личностей, для которых Дон стал родным домом навсегда.

Мариэтта Сергеевна, будучи активным и деятельным человеком, изучала и проникалась проблемами истории, этнографии и культуры народов Дона. Она всегда проявляла большой интерес к исследованию донских историков, этнографов и культурологов. Она, так же как и донские писатели, рассказывала о сотрудничестве народов нашей страны в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы.

Одним из таких талантливых литераторов был ветеран Великой Отечественной войны, поэт и прозаик, переводчик и публицист Николай Матвеевич Егоров.

Он родился 27 мая 1923 года в городе Грозном в рабочей, трудовой семье. Родители его родом из Армении, из горной области Вайоцзора (Стонущего Ущелья). В семье было трое детей. Маленький Коля был записан в армянскую школу, позже был переведен в русскую. Учился хорошо, а по русскому языку

и литературе только на «отлично», занимался спортом, писал стихи и прозу. Окончил девять классов.

С 1942 года восемнадцатилетний молодой лейтенант Николай Егоров воевал на фронте, был командиром взвода полковой разведки. К концу 1943 года двадцатилетний капитан Н.М. Егоров уже командовал стрелковым батальоном. Николай Матвеевич был много раз ранен, лечился и снова отправлялся на фронт – бить врага, не упуская возможность создавать и творить стихи [3]. Начиная с 1944 года, Н.М. Егоров печатается как поэт.

В родном городе молодой и талантливый Николай Матвеевич Егоров становится сотрудником областной партийной газеты, заведующий отделом, совмещая работу с обучением в вечерней школе, по окончании которой поступил на заочное отделение факультета журналистики МГУ и успешно окончил его.

На Дону Н.М. Егоров оказался в феврале 1957 года и сразу устроился на работу в радиокomitee, а также трудился ответственным секретарем в журнале «Дон». С 1960 г. по 1963 г. он уже главный редактор Ростовского телерадиокomitee.

В 1962 г. Николай Матвеевич становится членом Союза писателей СССР, а потом и членом Союза художников России: он писал очерки о живописцах, графиках, скульпторах, порой рисовал сам и печатал рисунки с текстами к ним, преподавал в вузе, но основным занятием была литературная деятельность. У него выходят книги: стихи, проза, а также детские издания. С 1960 по 1962 гг. были написаны сочинения: «Синий пес» и «Нет на земле покоя». В 1965 году вышла книжка-стихотворение для малышей «Я спешила в детский сад». Следом в 1967 году публикуется повесть «Очень белые кучевые облака» и другие литературные произведения: «Доверие земли», «А любишь ли?». В 1973 году Ростовское книжное издательство выпустило книгу Н.М. Егорова «Перед присягой», адресованную младшим школьникам. Вышедшая в 1976 году повесть «Всадник на вороном коне» посвящена Вениамину Константиновичу Жаку, с которым автора связывала давняя сердечная дружба. В 1977 году написана повесть «Операция «Дозор». Старшеклассникам адресована повесть «Утреннее море» (1988) [1].

Николай Матвеевич много поездил по Дону, по Кавказу, по союзным республикам, бывал за границей. Выпускал свои

книги, а также книги переводов армянских, чеченских и ингушских поэтов: «После дождя», «Мы остаемся молодыми», «Благословенье отчей земли», Т. Бембеев «Лотос», Ю. Тлюсен «Все началось весной», А. Джимбиев «Верблюжья облака», Людвиг Дурян «Он спускается с солнца», Биберд Журтов «Ранняя весна» и многие другие произведения и переводы.

С начала XXI века Н.М. Егоров – Председатель Ростовского отделения Союза российских писателей. 4 декабря 2002 года общим собранием академии Чеченской Республики он избран Почетным академиком.

Николай Егоров – лауреат журналистской премии имени Михаила Шолохова, литературных премий имени Виталия Закруткина, Алексея Недогонова, премии за лучшие произведения о селе.

Писатель награжден двумя губернаторскими премиями, имеет правительственные награды – ордена Красной Звезды, Отечественной войны I степени, 25 медалей, отмечен тремя почетными знаками.

В 2010 году ему был вручен наградной знак союза художников России «Мастерство – духовность – традиции». Он стал дипломантом Академии художников России, почетным членом Академии наук Чеченской Республики.

Решением Совета депутатов города Грозного (протокол № 15 от 29.04.2013 г.) ему присвоено звание «Почетный гражданин города Грозного». Н.М. Егоров награжден почетной грамотой Парламента Чеченской Республики с вручением нагрудного знака. Лига писателей Евразии присудила ему литературно-общественную премию «Золотой орел» с вручением ордена «М.А. Мамакаев» [2].

В своем творчестве М.С. Шагинян всегда уделяла большое внимание межнациональным отношениям в нашей стране, сознавая их определяющее значение для ее успешного и поступательного развития, для формирования созидательной атмосферы в обществе. Маризтта Сергеевна и ее современники – литераторы, жившие и работавшие на донской земле, выступали убежденными сторонниками высокой культуры межнациональных отношений и дружбы народов, их творчество способствовало утверждению важных аспектов литературы, а

так же успешному взаимодействию народов нашей страны и Донского края в современных условиях.

Литература

1. *Амелин Ю.* Своей судьбы хозяин / Н.М. Егоров // Родной край. 1998.
2. Биография Николая Матвеевича Егорова [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.hayazg.info/> Егоров_Николай_Матвеевич
3. *Егоров Н.М.* Далекий и теплый свет. Ростов-на-Дону, 2013. (Жизнь замечательных нахичеванцев).

В.Н. Карнаухова, Анна Волегова

ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОМАНЕ М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

В формировании культуры межнациональных отношений важную роль играет художественная литература. Обладая огромной эмоционально-действенной силой, воспевая красоту нравственного подвига, утверждая моральные нормы, искусство учит находить прекрасное в окружающей действительности и отвергать недостойное.

В таком сложном и противоречивом вопросе, как межнациональные отношения, помогает разобраться именно литература, потому что она обращена к разуму и душе человека. И человек припадает к книге не только и не столько, чтобы усладить чувство эстетическое, сколько в поиске ответов на «вечные вопросы»: что делать? как жить достойно?

Донской край исторически полиэтничен. На его территории проживают представители более чем 150 народов и этнических групп. О характере, ментальности любого народа можно узнать многое из произведений писателей, художников, публицистов.

М.А. Шолохов – выдающийся советский писатель, лауреат Нобелевской премии – прекрасно знал обычаи и нравы казачества. Об опасностях, которые таятся в национальных различиях, писатель написал еще более полувека назад в «Тихом Доне». Роман-эпопея М.А. Шолохова «Тихий Дон»

отображает десять лет временного пространства начала XX века. В произведении действует более восьмисот персонажей. И на протяжении всего произведения мы встречаемся с представителями разных национальностей.

Несмотря на то, что произведение посвящено преимущественно донским казакам, не надо забывать, что их полки были разбросаны на огромной территории как в военное время, так и в годы революции и Гражданской войны, поэтому казаки взаимодействовали с другими народами не только дома, но и в иных местах. Поэтому в романе глубоко прорисовываются, а иногда просто упоминаются персонажи более чем тридцати национальностей, проживающие не только на донской земле, но и далеко от Дона. И каждому нашлось в общей картине свое место, определенное историческими обстоятельствами [1, с. 326].

В романе действуют донские казаки, русские, украинцы, калмыки, евреи, поляки, немцы, венгры, цыгане, черкесы, австрийцы, китайцы, латыши, чехи, ингуши, французы, румыны, турки, болгары, греки, татары, чеченцы, армяне, осетины, белорусы, японцы, дагестанцы, кабардинцы, киргизы, сербы, эстонцы.

«Тихий Дон» начинается с изображения жизни казачества в 1910-е годы. Самостоятельность, смелость, решительность, безграничное трудолюбие и практичность, глубину и нежность большого чувства, даже пренебрежение традициям, переполнявшим жизнь, раскрыл М.А. Шолохов в истории о происхождении рода Мелеховых. Это типичная середняцкая семья с патриархальными устоями. Не совсем обычна история этой семьи. Кратко рассказано об отце Пантелея Прокофьевича, который привез с войны турчанку и женился на ней. Хутор не признал иноземку. Ее обвинили в «ведмачестве», и толпа растерзала турчанку. Но сын ее остался. Женил его Прокофий на казачке – дочери соседа. С тех пор и пошла турецкая кровь скрещиваться с казачьей. Отсюда и повелись в хуторе горбоносые, диковато-красивые казаки Мелеховы, а по-уличному – *турки* [2, кн. 1, ч. 1, с. 5].

Казак может не подчиниться своей семье, но он не может не защищать свои права, свою семью от «общества». Убийство

турчанки – это не только обдуманый и злой произвол казаков, но и проявление дикого невежества. Намеченные в этой истории черты, характеризующие казачество, будут писателем раскрываться и углубляться, объясняя поступки разных представителей народных масс.

М.А. Шолохов рисует в романе не столь часто возникающие конфликты на национальной почве. Например, известная драка между казаками и украинцами («хохлами») из-за очереди на мельницу. Но тогда до лютой ненависти не дошло: поругались, помахали кулаками и разошлись [2, кн. 1, ч. 2, с. 122]. «Стравили людей», – сокрушается Григорий Мелехов. В этом эпизоде писатель показал, как в конкретной жизненной ситуации закипает «пенная злоба» и льется кровь между представителями разных взглядов. Ничтожность повода для столкновения привела к увечьям и даже гибели одного из участников побоища. Но за этим стояли весомые причины. По мнению автора, не одно столетие назад «заботливая» рука посеяла на казачьей земле семена сословной розни, растила и холила их. В результате в драках лилась кровь казаков и пришельцев.

Но М.А. Шолохов показал и иные взаимоотношения с представителями других национальностей. Один из персонажей романа-эпопеи Валет, житель хутора Татарского, работает весовщиком на мельнице Мохова. Примечательно, что в повествовании не дается полной биографии данного персонажа. Известно лишь то, что Валет не имел «ни угла, ни семьи». Герой даже не имел имени, Валет – это его прозвище, которое демонстрирует низкое положение своего носителя. Валет полностью находился на стороне большевиков. Во время Первой Мировой войны Валет отпускает немецкого солдата, в котором он смог заметить рабочего человека. Поняв, что перед ним такой же социал-демократ, он просит немца бежать, перед этим давая ему руку. Валет уверен, что революция назревает и скоро выльется наружу. И эти мысли подтверждают мысли немца: «В будущих классовых битвах мы будем в одних окопах. Не правда ли, товарищ?». С этими словами Валет и немец расходятся.

Но М.А. Шолохов, конечно, никакой не националист. В словах и поступках своих героев он стремился показать несостоятельность тогдашних взглядов, которые с годами представлялись все более изжитыми.

Некоторые этносы удостоились даже определенной характеристики со стороны автора или в прямой речи персонажей романа, другие – просто названы. Для примера указанных характеристик можно привести цитаты из текста произведения, которые касаются коренных жителей Дона или иногородних:

– Но казаки будут держаться... Все же это – маленькая обособленная нация, по традиции воинственная... [2, кн. 2, ч. 4, гл. 2].

– К казакам всяка вещь прилипает [2, кн. 1, ч. 3, гл. 5].

– Хохлы, они огромно сердитые, – усмехнулся Афонька Озеров... [2, кн. 1, ч. 2, гл. 5].

– Болгары – огородники... [2, кн. 1, ч. 3, гл. 1].

Но достается и самим казакам. В ответ на слова большевика Штокмана о том, что скоро не будет никаких национальных конфликтов, один старый казак не поверил.

На примере трагического героя Григория Мелехова писатель показал, как меняются отношения казаков к представителям других национальностей. После ранения на фронте Григорий Мелехов попал в глазную клинику и там с другим пациентом (Гаранжа) как раз вел разговоры о казаках – о том, откуда они появились. Григорий потрясен: он впервые узнал, что казаки – это на самом деле русские люди, которые бежали на Дон. А он был уверен в идентичности своего народа. На прощание он ему говорит: «Ну, хохол, спасибо, что глаза мне открыл».

Человечность Григория выражена не в словах, а в действиях. Его гуманный порыв всегда обращен к отдельной личности, к конкретному человеку, независимо от того, кто этот человек и к какой национальности принадлежит. Можно привести немало такого рода примеров из текста романа. Например, Григорий бросился на защиту от насилия польской девушки Франи.

Однажды на войне Чубатый (прозвище Алексея Урюпина, которое он получил от казаков), Григорий и другие казаки берут в плен австро-венгерского гусара. При этом пленный гусар

ведет себя дружелюбно и услужливо, надеясь, что его оставят в живых. Однако Чубатый не доводит пленного до места назначения и расправляется с ним. Но Григорий Мелехов не верит Чубатому, зная его зверские наклонности, и не хочет мириться с бесправием и вседозволенностью Чубатого, поэтому и бросается на него с оружием.

М.А. Шолохов не ищет правых и виноватых, а только констатирует факты. По мнению автора, их нет, и не может быть, так как нет оправдания убийству. Все преходяще, вечна лишь жизнь, и право на насильственное ее прерывание не дается человеку и ничем не оправдывается.

Все представители более тридцати национальностей, взаимодействуя или противоборствуя, испытывая характеры своих героев, ищут ту самую жизненную правду, «под крылом которой мог бы согреться каждый». А если не находят – наступает трагедия, которая описана в романе-эпопее «Тихий Дон» М.А. Шолохова. Писатель напоминает людям, что они должны жить для согласия, радости и счастья, отказа от насилия и принуждения в области национальных отношений.

Литература

1. *Кочетов А.* Этносы на страницах романа-эпопеи «Тихий Дон» // Культура. 2017. № 8.
2. *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Роман: в 4 кн. Ростов-на-Дону, 1988.

М.Ю. Соколова

М.С. ШАГИНЯН О ХУДОЖНИКЕ Г. ШИЛТЯНЕ

Очерк М.С. Шагинян «Григорио Шилтян» впервые был опубликован в восьмом номере журнале «Литературная Армения» в 1962 году под названием «Художник Григорио Шилтян».

В качестве эпиграфа к своему очерку Мариэтта Сергеевна Шагинян использовала цитату из книги Григорио Шилтяна «Живопись реальности, эстетика и техника»: «...реализм, как мне кажется, вот единственный путь, которым надо следовать

после современного декаданса, такова задача, которую я рассматриваю как миссию моей жизни и которой посвятил свою живопись» [4, с. 300]. Так М.С. Шагинян подчеркнула свое согласие с творческим кредо художника.

Впервые имя Григория Шилтяна стало известно жителям городов-соседей, Ростова-на-Дону и Нахичевани, после посещения ими шестой выставки Ростово-Нахичеванского общества изящных искусств 1916 года, на которой были представлены его графические работы. Творчество юного художника было замечено и получило одобрение критики. Из рецензии фельетониста и театрального критика Лоэнгина (журналиста Петра Герцо-Виноградского) на выставку «Зигзаги. На выставке картин», опубликованной в газете «Приазовский край»: «Отмечу также произведения Григора Шилтяна. «Лучше всех: "Reverie", все миниатюры несколько под Бердслея, только без его сексуальной "дерзости"» [1].

Родился художник 20 августа 1900 года в Нахичевани-на-Дону в семье юриста Ивана Григорьевича Шилтова (Шилтяна). По материнской линии он принадлежал к роду Мелконовых – Езекových. [2, с. 395]. Отец будущего художника был совладельцем дома в Ростове-на-Дону (Дмитриевская улица 97 / Николаевский переулок, 43 совместно с Егором Шилтовым), по этому адресу располагалась и его нотариальная контора (со стороны Николаевского переулка).

Об отрочестве художника можно составить некоторые впечатления, основываясь на кратких воспоминаниях его родственника Павла Ивановича Шилтова, изложенные им в письме журналисту И.М. Гегузину [3], воспоминаниях М.С. Шагинян [4, с. 300-317], автобиографической книге Г.И. Шилтяна «Мои приключения» [5], изданной в 1963 г. (Выдержки из книги приводятся в статье доцента, старшего научного сотрудника Ermitagt Italia Вардуи Оганесовны Халпахчян «Итальянский художник – уроженец Нахичевани-на-Дону Григорий Иванович Шилтян (1900-1985): жизнь и творчество»).

По воспоминаниям художника в 1907 году он поступил в гимназию Степанова (4-х классную гимназию статский советник Николай Павлович Степанов открыл в 1906 в г. Ростове-на-

Дону). В 1913 году, совместно с отцом, совершил длительное путешествие по Германии, в 1914-1915 гг. обучался в гимназии Адольфа (Андрея Викентьевича) в Москве. После смерти отца будущий художник возвратился в Ростов-на-Дону для продолжения образования. В этот период он занимался живописью с известными нахичеванскими художниками С.К. Гампарцумовым и А.К. Ованесовым.

Во время Гражданской войны художник навсегда покинул Ростов-на-Дону. Донской период жизни Г.И. Шилтяна был завершен. Начались его приключения длиною в жизнь, поиск своего жизненного пути и обретение себя в творчестве.

В 1950 году Владимир Феофилович Зеелер, один из организаторов выставки Ростово-Нахичеванского общества изящных искусств в 1916 году, написал статью, посвященную 50-летию юбилею художника. Возможно работая над ней, он думал о том, как члены оргкомитета выставки, в число которых входил и он, отобрали для выставки работы 15-летнего подростка. И тридцать четыре года спустя он опубликовал следующие строки: «И как хорошо, что не все художники в Италии потеряли вкус к чистой красоте, не ушли от природы, от человеческого лица, покинули «авангардистов» и, несмотря на злобное шипение «передовых служителей» современного искусства, пошли своей дорогой, любя, и трудясь над чистым искусством, создавая новое направление «современной реальной живописи».

Ярким и чрезвычайно талантливым представителем, если не создателем этого направления, является наш русский художник Григорий Шилтян, один из самых известных и высоко ценимых современных художников Италии» [5]. С данным высказыванием была согласна его творческий единомышленник, но политический оппонент М.С. Шагинян.

К творчеству Григория Шилтяна Мариэтта Сергеевна Шагинян обратилась с присущим ей вниманием ученого и исследователя. Она была против несерьезного отношения к такому «большому общественному факту», как художественный гений Шилтяна. Стремясь быть объективной, Мариэтта Сергеевна поставила перед собой задачу понять и проанализировать его. Она была одной из первых, кто написал о

творчестве Г. Шилтяна в СССР. Судя по тексту статьи, Мариэтта Сергеевна Шагинян встречалась с будущим художником во времена своей юности: «Помню его совсем маленьким черноглазым мальчуганом, которому сестра моя любила рассказывать сказки». М.С. Шагинян, с присущей ей зоркостью, уже тогда отметила его талант рисовальщика и особое восприятие, внимание к миру окружающих его вещей, не детское умение точно ответить на вопрос: «А ну-ка опиши, что ты видел» [4, с. 313]. Именно писательница Мариэтта Шагинян описала первые годы его жизни в Италии. Именно ей, во время их встречи, художник рассказал о тяжелом периоде первых лет жизни в этой стране, о том, как в поисках заработка, Григорио Шилтян пешком путешествовал по дорогам Италии, за гроши рисуя портреты крестьян и пастухов. Так на первых порах жизни в этой стране он зарабатывал себе на хлеб.

В ходе написания очерка М.С. Шагинян не только встречалась с художником, но и изучила посвященные его творчеству монографии и статьи. В своем очерке она неоднократно обращалась к монографии Вольдемара Джорджа.

Анализируя творчество художника, Мариэтта Сергеевна выражала искреннее сожаление в том, что дальнейшее творчество художника, тесно общавшегося с простыми жителями Италии, замыкается в четырех стенах студии.

Лучшими работами художника М.С. Шагинян считала портреты и большие композиции, такие как «Филателист», «Бродяги», «Вакх, приходящий в таверну», «Школа воров», «Навигатор». Именно в них, по мнению автора очерка «Григорио Шилтян», «люди в их портретной точности и где письмо и мышление достигают вершин художественной типизации» [4, с. 312]. Высшим достижением творчества Григорио Шилтяна она считала присущее ему стремление продолжать линию классического развития живописи.

Мариэтта Сергеевна Шагинян глубоко и искренне сожалела о том, что большинство работ художника находятся в частных коллекциях и знакомство с ними затруднено, и судить о его творчестве приходится по великолепным репродукциям. В своем очерке М.С. Шагинян выдвинула идею проведения выставки художника в СССР, считая ее необходимой не только

для страны, но и для самого художника, как дополнительный творческий стимул [4, с. 312-313]. О выставке в СССР думал и сам художник.

В 1983 г. воплотилась в жизнь идея 1960-х годов М.С. Шагинян и давняя мечта Григория Ивановича: его работы экспонировались в России – в Москве, в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Выставка в Москве еще раз подтвердила правильность слов М.С. Шагинян: «И наследие веков, которым так дорожит Шилтян, рвется в широкий мир будущего, где сумеют принять его в жизнь и оценить» [4, с. 315].

Литература

1. «Приазовский край», № 99, 16 апреля 1916 г.
2. *Халтахчян В.О.* Итальянский художник – уроженец Нахичевани-Дону Григорий Иванович Шилтян (1900–1985): жизнь и творчество // Армяне Юга России: история, культура: общее будущее. Материалы Всероссийской научной конференции. 30 мая - 2 июня 2012 г. Ростов-на-Дону, 2012.
3. Письмо П.И. Шилтова журналисту И.М. Гегузину // ГБУК РО «РОМК», НВ 15121.
4. *Шагинян М.С.* Художник Григорио Шилтян // М.С. Шагинян Собр. соч.: в 9 т. Т. 5. Зарубежные письма. М., 1973.
5. *Gregorio Sciltian* "Mia avventura», изд. «Rizzoli». Милан, 1963 // ГБУК РО «РОМК», КП-26564.
6. *Зеелер В.Ф.* Григорий Шилтян // «Русская мысль», 15.09.1950 г.

К.В. Янков (г. Москва)

СВЯЗИ М.С. ШАГИНЯН С РОСТОВОМ В 1970-е гг.: **из семейного архива**

Хотел бы ввести в краеведческий оборот информацию о контактах, которые М.С. Шагинян в 1970-е годы поддерживала с моим дедом. Связи эти были установлены, вероятно, благодаря тому, что, по семейной легенде (документов не сохранилось), его тетя еще в начале века была знакома с Мариэттой Сергеевной по Нахичеванской гимназии.

Дед, Семен Лукьянович Сармакешев (при рождении Симеон Лусегенович Срмакешьян) (1909–1978), родился в Нахичевани-на-Дону, по матери приходился племянником Никите (Мкртычу) Морозову, музыковеду и композитору, дружившему с Рахманиновым и Скрябиным. Был участником войны, подполковником в отставке, в 1950-1960-е годы до выхода на пенсию работал на «Ростсельмаше», упомянут в мемуарах его директора Юрия Пескова⁵. Выйдя на пенсию, занимался историческим наследием донских армян, на этой почве общался с Иваном Чардаровым.

Фоном его контактов с М.С. Шагинян и послужила эта забота о наследии: в переписке и при встречах они обсуждали и переименование Пролетарского района в Нахичеванский, и установку памятного знака в Балабановской роще (в то время и ныне это парк им. Н. Островского). Однако непосредственным поводом общения, важным для Мариэтты Сергеевны, было приведение в порядок могил ее родителей на Армянском кладбище Нахичевани.

Позволю себе огласить письмо М.С. Шагинян моему деду.

28-XI-76.

Дорогой Семен Лукьянович!

Ваше письмо пришло, когда я была в ГДР, поэтому отвечаю с опозданием. Рада бы помочь восстановить Нахичевань-на-Дону – хотя бы в форме Нахичеванского района, и буду стараться, когда увижу кого-нибудь из правительства, говорить об этом, хотя не надеюсь на положительный ответ. И очень, очень признательна Вам за предложение помочь в деле сохранения могилки моей матери и отца. Я бы хотела привести в порядок ограду (укрепить и покрасить) и прибить на калитке доску (прочное что-нибудь!) с надписью: «могилы отца и матери Мариэтты Шагинян, доктора Сергея Давыдовича Шагинян и Пепронии Яковлевны, урожденной Хлытчиевой». (Или сперва: Могилы доктора Сергея Давыдовича Шагинян и Пепронии Яковлевны, урожденной Хлытчиевой, – родителей

⁵ Песков Ю.А. Жизнь, отданная хлебу России. Ростов-на-Дону, 2006. с. 19-20.

Мариэтты Шагинян). Мне кажется – второе лучше, да и короче. Вот о чем я Вас попрошу: пожалуйста, скалькулируйте все это и напишите мне полную стоимость такой работы. Я тотчас же переведу Вам деньги, а весной или летом, если буду жива, обязательно приеду на 3-4 дня в Ростов. Напишите так же, в какое время Вы сами будете в Ростове, чтоб мне удалось с Вами встретиться и передать Вам 9 томов моего последнего собрания (1969-1974 гг.) – по Вашему усмотрению – в музей или Вам лично, с автографом.

Адрес мой Вы пишете правильно, только надо ставить индекс 125319.

Шлю сердечный привет Вам, семье Вашей и всем нахичеванцам, кто еще помнит меня.

С уважением и признательностью

Мариэтта Шагинян

P.S. Очень хорошая мысль – поставить мемориальную доску в Балабановской роцце!

Собрание сочинений, упомянутое в письме, было подарено не в Ростове, а в московской квартире М.С. Шагинян. Помню, как после этой встречи дед приехал к нам в Подмоскowie и рассказывал, в частности, что Мариэтта Сергеевна хотела сначала подписать на память лежавший сверху 9-ый том, но дед достал первый, лежавший в самом низу, и попросил подписать именно его. Он остался в нашей семье с такой надписью:

Дорогому Семену Лукьяновичу Сармакешеву с теплым чувством благодарности за его заботу о нахичеванских могилках моего отца и матери – и на добрую память.

Мариэтта Шагинян

25/XII 1976 г.

МОЙ ДЕД – ПИСАТЕЛЬ И ВОИН
(воспоминания внучки Г.Ф. Шолохова-Синявского)

Я, Татьяна Анатольевна Шолохова, занимаюсь общественной деятельностью по сохранению памяти и литературного наследия моего дедушки – русского и советского писателя, жившего и работавшего на Дону, участника Великой Отечественной войны, фронтового корреспондента, орденоносца, номинанта Государственной премии 1967 года Георгия Филипповича Шолохова-Синявского.

Г.Ф. Шолохов-Синявский был современником М.С. Шагинян и что, примечательно, они, хоть и в разное время, но жили в одном районе Нахичевани-на-Дону. Город Нахичевань, несомненно, оказал благотворное влияние на творчество этих двух писателей. Я хочу рассказать об этом периоде жизни Г.Ф. Шолохова-Синявского.

Не все знают, что в XX веке на Дону жили и работали два Шолоховых – Михаил Шолохов и Георгий Шолохов. Для различия, по рекомендации А.А. Фадеева, в то время возглавлявшего Ростовскую писательскую организацию, мой дедушка взял литературный псевдоним «Синявский», в честь села на нижнем Дону, в котором он родился.

В 1931 году Г.Ф. Шолохов-Синявский переехал из села Синявское в Ростов-на-Дону. С 1933 г. по 1950 г. он поселился с семьей в пятиэтажном доме на 16 линии (этот район города в то время продолжали называть Нахичеванью, поскольку здесь до 1928 г. располагался армянский город Нахичевань-на-Дону). Дом еще называли «Гигантом». В этом доме жили руководители хозяйственных органов, военачальники, писатели, музыканты. Этот дом можно сравнить с «Домом на набережной» в г. Москве. Увы, многих жителей «Гиганта» постигла та же печальная участь сталинских репрессий. А пока в его гостеприимную квартиру не раз приходила многонациональная компания писателей: родоначальник пролетарской литературы на Дону А.П. Бибик, главный редактор журнала «Лав» А.И. Бусыгин, талантливый поэт А.Г. Гарнакерьян, близкий

друг деда писатель Д.И. Петров-Бирюк, вернувшейся из эмиграции казак М.А. Никулин, М.Е. Штительман, П.Е. Кофанов и многие другие.

Творческий период жизни в Нахичевани Г.Ф. Шолохова-Синявского насыщен событиями. В 1934 году он был направлен делегатом с правом решающего голоса от Ростовской области на первый Всесоюзный съезд писателей СССР, проходивший в Москве; в 1935 году возглавлял Ростовскую писательскую организацию. Первой значительной работой, которая привлекла внимание читателей, явился сборник рассказов «Камень у моря» (1934), затем последовали романы «Крутии», «Суровая путина» (1932-1937), «Далекие огни» (1938), «Семья Кудимовых» (1939).

С первых дней Великой Отечественной войны, являясь внештатным корреспондентом центральной газеты «Известия», он писал яркие репортажи о том, как провожали на фронт жителей дома «Гигант». Люди, охваченные патриотизмом, оставляли грудных и малолетних детей соседям в надежде, что война закончится за 3-4 месяца. Так, в очерке «Неисчислимая рать» описаны проводы прямо с проходной завода «Ростсельмаш», а в очерке «Станица Старочеркасская» – проводы казаков станицы. Эта публицистика представляет несомненный интерес в изучении истории Донского края.

Отсюда, в августе 1941 года он с женой и двумя несовершеннолетними сыновьями добровольцами уходят на фронт в составе военного госпиталя. В марте 1942 года Г.Ф. Шолохов-Синявский становится корреспондентом фронтовой газеты «Сталинский удар». С первых дней войны он начал вести военный дневник, его очерки призывали к вере в Победу, были наполнены патриотизмом. Он писал о том, что на полях сражений победу добывали многонациональной семьей народов СССР.

Еще в 1963 году писатель, ученый секретарь редакции «Литературное наследство» Н.И. Трифонов в письме к Г.Ф. Шолохову-Синявскому сообщал: «Изучение этой замечательной страницы истории нашей литературы явно не соответствует ее подлинному значению. Все еще не собран и не обследован громадный материал, расплывленный по разным

архивам и комплектам армейских газет, а многое, хранящееся в личных архивах, до сих пор совершенно неизвестно даже исследователям. Важнейшие стороны литературной жизни тех лет (в том числе боевая деятельность писателей, их участие во фронтовой печати и т.д.) почти не освещены, до сих пор нет даже достаточно полных и точных сведений о судьбе некоторых писателей, участвовавших в войне».

В ответе на это письмо Г.Ф. Шолохов-Синявский подтверждал: «У каждого писателя-фронтовика найдутся такие материалы, но то, что может казаться самому участнику войны важным и значительным, даже драгоценным, с литературной и исторической стороны может оказаться не заслуживающим внимания. Поэтому я испытываю большое затруднение, отбирая для Вашей редакции материал. Сам я, например, считаю свои очерки и статьи, напечатанные в армейской и дивизионной газете интересными и характерными для того, теперь уже давнего времени, я вкладывал в них все свои тогдашние мысли и чувства, которые послужили потом для работы над романом и рассказами об Отечественной войне. Как литературные произведения они кажутся теперь слишком прямолинейными и упрощенными.

Но я все-таки посылаю некоторые из них, сотрудники и редакторы «Литературного наследства», надеюсь, отнесутся к ним бережно, со всей серьезностью, не осуждая строго их автора. Если что редакция найдет интересным, то пусть использует, а в случае непригодности сохранит – я буду в Москве и возьму их, ибо все эти выцветшие фронтовые листки очень дороги для меня. Название армейской газеты пусть редакцию не смущает – это была газета сначала 28-й резервной армии, потом 65-ой, прошедшей славный боевой путь от Волги до Берлина. Командовал ею дважды Герой Советского Союза генерал-полковник П.И. Батов. Газета была хорошая. В ней работали писатели Борис Рюриков, Григорий Скульский и я. В нашей редакции часто и подолгу бывали видные советские писатели – Иван Ле, Леонид Первомайский, Евгений Долматовский, Виктор Кондратенко, заезжали во

время битвы на Волге Александр Корнейчук и Ванда Василевская...»

За труд военным корреспондентом Г.Ф. Шолохов-Синявский награжден медалью за отвагу, в наградном листе так и сказано: «За время работы в редакции, его очерки и рассказы о героях армии, боевом опыте были лучшими из состава работников редакции» (27.01.1943 г.).

После демобилизации из Красной армии в 1946 году он возвратился в родной дом в Нахичевани и описал обо всем пережитом на войне в романе-трилогии «Волгины». Роман выходил по частям, имел большой успех, читатели в письмах к автору просили быстрее писать продолжение.

Уже в конце жизни в 1966 году писатель Г.Ф. Шолохов-Синявский в своем творчестве вновь возвратился к годам, проведенным в Нахичевани. Не успевая закончить роман «Упрямое поколение» о послевоенных годах, он все же со скрупулезной точностью описывал улочки, быт, трудности восстановления разрушенных войною Нахичевани и Ростова-на-Дону.

В 2019 году «Донским издательским домом» издано собрание сочинений Георгия Филипповича Шолохова-Синявского в шести томах. А в книге, изданной к 75-летней годовщине Победы над фашизмом в Великой Отечественной войне, «Фронтовые записки военного корреспондента» собран весь литературный материал, относящейся к военному периоду, в т.ч. дневниковые записки, статьи и очерки, переписка Г.Ф. Шолохова-Синявского с женой и сыновьями.

Сохраняя литературное наследие наших предков, мы извлекаем уроки добра и зла, ошибки, которые нельзя повторять и более глубоко понимаем путь во Благо.

**ПОБЕДИВШИЕ ФАШИЗМ. СПЛОЧЕННОСТЬ
ЛЮДЕЙ РАЗЛИЧНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(по произведениям Г.Ф. Шолохова-Синявского)**

Ростовская писательская организация была основана в 1923 году как Ростовское отделение Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), уже через два года она стала Северо-Кавказской (СКАПП) с центром в Ростове-на-Дону и сплотила вокруг себя как опытных, так и начинающих писателей Юга России. В числе членов организации были Александр Фадеев, Владимир Киршон, Михаил Шолохов, Александр Бусыгин, Григорий Кац, Коста Гатуев, Вано Дарасели, Арсен Оганесьян и многие другие донские, кубанские, северокавказские литераторы. Большое внимание руководителями вновь созданной писательской организации уделялось поискам литературно одаренной молодежи, рабкоров и селькоров. Для этого регулярно осуществлялись поездки по Дону, Кубани, в Минеральные Воды, Северную Осетию, Дагестан. Из командировок привозились путевые заметки. Появились книги «Энтузиасты культурной революции в горах». (Культпоход в Кабарде и Балкарии), «Кавказ без романтики», «Адыгейские сказки», «Кавказские рассказы» Павла Максимова, «Кубанские записки» и «Разбег» Владимира Ставского.

Для популяризации творчества литераторов СКАПП руководителем организации Александром Фадеевым был основан журнал «Лавра». Первый номер вышел в Ростове-на-Дону 15 апреля 1925 года тиражом 200 экземпляров. Задачей журнала было «объединение писателей края, выявление их творчества, установление связей с читателями». В журнале публиковались произведения литераторов Ростова-на-Дону, Новороссийска, Грозного, Владикавказа, Пятигорска, Армавира, Майкопа. Среди авторов – Леопольд Авербах, Александр Безыменский, Илларион Мгеладзе (псевдоним Илья Вардин), Артем Веселый, Александр Гербстман, Михаил Голодный, Леонид Грабарь и другие [1 с. 103].

Интерес представляет также сборник поэзии, прозы и публицистики молодых авторов СКАППа «Молодость», посвященный 15-летию комсомола [2]. Он вышел в ростовском издательстве «Северный Кавказ» в 1933 году. В книге четыре главы, в одной из них – «Молодость гор» – собраны отрывки из повести Павла Кофанова «Аминат», стихотворение Анатолия Софронова «Случай в ауле Дачу-Барзай» и очерк Павла Максимова «Молодая Чечня». Все произведения отражают доброе отношение людей друг к другу независимо от национальности и вероисповедания, любовь к малой родине и веру в светлое будущее для всех народов России.

После реорганизации Северо-Кавказского края и выделения Ростовской области в самостоятельную административную единицу претерпела реструктуризацию и писательская организация. С 1937 года она стала Ростовским отделением Союза Писателей СССР. В него вошли писатели Дона, в том числе Григорий Кац, Елена Ширман, Вениамин Жак, Георгий Шолохов-Синявский, Александр Фарбер.

До Великой Отечественной войны организация насчитывала двадцать членов. После Великой Отечественной войны осталось четырнадцать, т.е. 30% писательского состава на вернулись с поля боя. Ряды Ростовского отделения СП СССР пополнили фронтовики Ашот Гарнакерыян, Николай Доризо, Михаил Андриасов, Николай Егоров... К 1955 году ростовское отделение восстановило довоенную численность [3, с. 4]. Главное, что всегда отличало и отличает ростовскую писательскую организацию – это тесная связь с народами стран как ближнего, так и дальнего зарубежья, где любят и читают донскую литературу.

Об этих теплых отношениях писали многие донские писатели, многие переводили и сейчас переводят произведения армянских, грузинских, дагестанских, чеченских, болгарских, белорусских, украинских литераторов на русский язык, тем самым способствуя укреплению связей между народами, взаимопроникновению культур, обогащению русской литературы.

О дружбе и взаимовыручке братских народов нашей страны говорил в своих произведениях и замечательный русский

писатель, уроженец донского края Георгий Филиппович Шолохов-Синявский, которому в этом году исполняется 120 лет со дня рождения.

Георгий Шолохов родился 11 ноября 1901 года в селе Синявское Области Войска Донского (ныне – Неклиновский район Ростовской области). Путевку в литературу начинающему автору дал Александр Фадеев, увидев в его неопубликованном рассказе «Могикане» зачатки таланта. В 1928 году в ростовском журнале «На подъеме» появился первый рассказ Георгия Шолохова «Преступление» (чуть позже по совету Александра Фадеева писатель взял псевдоним «Шолохов-Синявский», чтобы не путали с Михаилом Шолоховым). В 1934 году Георгий Филиппович стал членом Союза писателей СССР.

В первые дни Великой Отечественной войны Георгий Филиппович вступил в ряды Ростовского ополчения. В августе 1941 года писатель добровольно ушел в Красную Армию и был зачислен политруком эвакуогоспиталя, в котором также служили его жена и два несовершеннолетних сына. Позже политрук Г.Ф. Шолохов-Синявский был направлен в действующую армию военным корреспондентом. Фронтовой путь писателя отражен в его дневниках, очерках в армейских газетах, письмах к жене и сыновьям.

Военные очерки Георгия Филипповича – это неприукрашенная правда о борьбе народа за освобождение от фашистского ига, летопись трудных, упорных боев, поражений и побед. И именно эти очерки, дневниковые заметки, зарисовки легли в основу послевоенных произведений писателя, в частности, сборника рассказов «Змей Горыныч» и романа-эпопеи в трех книгах «Волгины» (1947-1951) [4]. Роман выдержал более десяти переизданий. Самое последнее – это шеститомник произведений Г.Ф. Шолохова-Синявского, изданный в 2018 году «Донским издательским домом».

В 1953 году в «Литературной газете» была напечатана статья К. Симонова «Некоторые проблемы военного романа». Константин Михайлович писал: «...А правда жизни в романе о Великой Отечественной войне – это художественное раскрытие через ряд основных для повествования человеческих образов того, почему и как советский народ победил... Книга Шолохова-

Синявского «Волгины» – это история семьи старого ростовского рабочего-краснодеревщика Прохора Волгина, история его самого, его жены, трёх его сыновей и дочери в период между 1941 и 1945 годами.... Когда Шолохов-Синявский именно такую семью делает центром своего повествования о годах Отечественной войны, он поступает верно... Характеры всех членов семьи Волгиных – и Виктора, и Алексея, и Павла, и Тани, и их отца и матери – выписаны с большой правдой, с хорошей художественной достоверностью: глубокий патриотизм, чувство долга, сила характера, храбрость, выдержка в крови у всех Волгиных...» [5].

Верно подметил К. Симонов: роман написан как героическая эпопея рядовой советской семьи. В поле зрения автора попадает, главным образом, то, что связано с жизнью Волгиных в военные годы. Мы по большей части видим в романе места, где они оказываются; узнаем о военных операциях, в которых они участвуют, знакомимся с людьми, с которыми сталкиваются Волгины, с которыми они служат, дружат, которых любят.

Г.Ф. Шолохов-Синявский ввел всех членов семьи в гущу событий: Виктор сражается всю войну как летчик, Алексей служит политработником, Таня становится военной медсестрой, Павел получает задание эвакуировать совхоз и заняться производством сельхозпродуктов на новом месте, Прохор Матвеевич сражается на окраине Ростова в рядах рабочего ополчения, а в дни оккупации остается в городе на подпольной работе.

Однако патриотизм, долг, храбрость и выдержка присущи и многим другим людям, идущим рядом с Волгиными трудными дорогами войны. Людям, которые воюют плечо к плечу с Виктором, Алексеем, Таней, работают вместе с Павлом. Они не стали предметом главного авторского внимания, однако ничем не хуже них.

В сущности, автор мог бы написать об этих людях такое же повествование, как о Волгиных, обрати он главное внимание не на эту, а на семью, например, Гармашей или Арзуманянов. С такой же теплотой, как Волгины, выписан образ капитана Гармаша (цыгана по национальности), лучшие друзья – артиллеристы Иван Дудников – русский и Микола Хижняк –

украинец, командир роты – армянин Рубен Арзуманян, снайпер – узбек Бабакул Абзалов, колхозники – украинцы Одарка Корсунская и Егор Петренко... Это многонациональное единство в романе еще одна, на первый взгляд, не столь бросающаяся в глаза линия. Но только на первый взгляд. Ведь именно дружба народов была той национальной идеей, нравственной категорией, которая обеспечила победу советского народа в Великой Отечественной войне. И, если вдуматься, то именно эта линия романа Г.Ф. Шолохова-Синявского «Волгины» становится основной, красной нитью пронизывая повествование.

Действие романа начинается встречей нового 1941 года. Громадье планов, ожидание личного и вселенского счастья: Алексей привозит знакомить с родителями жену – грузинку Кэто, которая ждет ребенка; Таня влюбляется в эрудита Юрия, а Виктор лелеет надежду на благосклонность бывшей одноклассницы Валентины. Все в предчувствии будущего лета и новых встреч...

Но в жизнь и мечты семьи, разбивая их ураганным вихрем, врывается война. Она разбрасывает друзей, родных и любимых по разным уголкам страны, по разным фронтам. Погибает под фашистскими бомбами Кэто, трехнедельный младенец Алеша теряется в сутолоке эвакуации. Его спасают две украинские женщины Марина и Парася... Рядом с Алексеем Волгиным воюют артиллеристы, бывшие пограничники, несколько месяцев пробиравшиеся по вражеским тылам к своим, Иван Дудников и Микола Хижняк. Уходят к неприятелю за очередным «языком» гвардейцы-разведчики роты Арзуманяна в составе которой русский, грузин, белорус, украинец. А на их страже, следя за походом друзей во вражеский тыл, остается снайпер – узбек Бабакул Абзалов...

Фронтные дороги этих героических людей постоянно пересекаются в ходе повествования, они связаны неразрывно. На каком-то высшем уровне. Герои романа, как главные, так и второстепенные, всегда оказываются в нужном месте в нужное время. И именно поэтому удается избегать многих трагедий, находить безвозвратно потерянное и обретать то, на что уже не осталось никакой надежды. Участники событий помогают друг

другу, поддерживают в трудную минуту словом и делом, не взирая на различия во внешности, языке, вере.

Да, порой решение приходит через нравственные муки, внутреннюю душевную борьбу между собственным спокойствием, благополучием и поступком. Ведь ничто не мешало двум украинкам пройти мимо младенца, лежащего в канаве, спасая под бомбежкой собственные жизни. И никто бы их в этом не упрекнул. Однако, они берут на себя ответственность за жизнь чужого ребенка. Парася, терзается мыслью, что, вернувшись с фронта, муж обвинит ее в неверности. Откуда ребенок? Тем более черноглазый и с кудряшками цвета вороньего крыла. Она привязывается за два года к мальчику, считает его своим сыном. Но очень рада, когда находит его настоящий отец – Алексей Волгин.

«Ключами» к расшифровке некоторых эпизодов повествования служат упомянутые выше военные очерки Г.Ф. Шолохова-Синявского. Во фронтовых статьях и романе совпадают даже некоторые имена. Например, очерк «Слушайте, братья, рассказ о Родине, о великой заботе и любви народа к Красной армии и к семьям воинов!» [6]. В нем говорится о том, что колхозники из узбекского села построили дом для семьи старшины Бабакула Абзалова. Всем полком радуются фронтовики за своего сослуживца, которому предстоит уехать на побывку домой. В романе партийное собрание отпускает Бабакула:

«...–Мы еще имеем возможность осуществить одно интересное мероприятие, – как бы отвечая на невысказанный вопрос Алексея, заговорил член Военного совета. – В одном из ваших подразделений есть снайпер узбек Бабакул Абзалов. На его счету сто двенадцать гитлеровцев. В родном кишлаке колхозники построили ему дом. Мы решили отпустить Абзалова на две недели домой. Пусть съездит, семью и земляков повидает, справит новоселье, а потом приедет и расскажет бойцам, как народ заботится о героях и как работает в тылу...» [4].

В очерке Бабакул, приехав домой, произносит речь перед жителями кишлака: «Русские братья укрепили мое мужество, они зажгли мою кровь ненавистью к врагу. Русский батыр

Федор Солдатов дал мне в руки гранату и бутылку с горючей смесью, когда я впервые увидел немецкие танки. Гранату я метнул под танк и убедился, что есть сила, которая рвет сталь, как тряпку... В другой раз я и два бойца, русский и казах, подползли к немецкому миномету. Гранатой я убил троих поганых душманов, а двое убежали... Так я стал воином, и сердце мое закалилось. И дали мне гордое звание – снайпер...» [6, с. 169].

Или возьмем другой очерк «Друзья», в котором рассказано о двух красноармейцах – украинце Петре Щербине и русском Глаголичеве. «Кареглазый Щербина – мягок и тих в обращении, немного медлителен и задумчив; светловолосый и худощавый Глаголичев – подвижен, бойкоречив, любит колючую, задорную шутку. Различие характеров не помешало им быстро сдружиться. Первая встреча их произошла у орудия. Они разговорились и сразу же прониклись друг к другу тем особенным сочувствием и уважением, которое объединяет людей, переживших одно общее несчастье... Вот уже около двух лет, как на их родине хозяйничает немец. И никто не может сказать им – живы ли их родные – детишки и жены, отец Щербины...» [7, с. 167]. Эти персонажи совпадают с выписанными в романе бойцами Дудниковым и Хижняком: «...Громче всех смеялся пулеметчик Иван Дудников, или, как его называли товарищи и командиры, Дудочка. Он по-детски прихлопывал руками по коленям, оглядывался на товарищей блестящими от восторга серыми бесхитростными глазами... Перед сном Дудников покурил, поговорил с соседом по койке, вторым номером пулеметного расчета, низкорослым, всегда хмурым Миколой Хижняком. Микола, постоянно озабоченный какими-то своими думами, упорно склонял его на скучный хозяйственный разговор...» [4].

И подобных «ключей» в романе немало. Автор умело вплетает в канву повествования свои собственные воспоминания, чувства, переживания, совмещая их с чувствами и переживаниями своих сослуживцев, родственников, друзей.

Очерк «Русский разведчик Василий Петрухин» стал основой для образа героя-разведчика в романе «Волгины»: «...Было уже совсем светло. Лица разведчиков, разгоряченные, потные и

усталые, отражали полное удовлетворение. Глаза весело и победоносно блестели. И еще одно выражение, свойственное только разведчикам, – выражение самодовольства, лихости и скрытого лукавства заметил Алексей на лицах бойцов. Он велел им на минутку задержаться.

Разведчики, тяжело дыша, остановились.

– Вы что же, друзья? Часом, не мертвого волокете? – спросил Алексей.

– Какое там, товарищ гвардии майор, – с живостью ответил, переводя дыхание, высокий разведчик, державший тяжелую ношу за передний конец, и жесточенно сплюнул:

– Дышит, гадюка. Мы только ему кляп в рот засунули. Чтоб не кричал. С самого начала, как мы его сгребли, он, подлюка, отказался ногами итить. Барин попался, товарищ гвардии майор. Ух, и тяжелый, измучились вконец. А тут ещё под огонь попали...» [4]

В очерке автор писал: «...Расстреляв остальных, мешавших делу, разведчики умело выбрались из станицы, переправились через реку, притащили присмирившего и вежливого немца к генералу.

Обер-ефрейтор дал много ценных сведений, и генерал похвалил Петрухина:

– Хорошего ты немца привел, Петрухин. Вежливый, разговорчивый такой. Спасибо тебе от всей части. Действуй так же и дальше...

И Петрухин стал действовать. Он приобрел новых друзей – своих верных учеников, не уступающих ему в дерзости и бесстрашии. Это – грузин Шелегадзе (он любил повторять: «Я с фрицами шутить не люблю»), это – отважные красноармейцы Просвиркин, Шебанов, Котов, Батаев...» [8, с. 157.]

Мне хотелось бы обратить внимание читателя на основные принципы повествования, которые, держат текстовую основу, делая ее актуальной. Это – историческая правда, психология солдата, защищающего Родину, педагогическая значимость произведений в плане воспитании у молодежи чувств патриотизма, любви к родному краю, уважения к подвигу дедов. Тема рядового солдата, простого человека в судьбе своей страны актуальна сегодня, как никогда. Ведь именно от

ежедневного ратного труда солдат на поле боя, от круглосуточной работы заводов, фабрик, колхозов всей многонациональной страны зависел исход войны, ковалась Победа. Сейчас читатель стал интересоваться историей России, у него появилась тяга к художественно-документальной литературе, как к первоисточнику получения достоверной информации о прошлом нашей Родины.

«...Даже в самые трудные месяцы Великой Отечественной войны нашим воинам был присущ оптимизм и вера в торжество жизни, в победу. Я это наблюдал своими глазами, пережил сам. Хотел бы, чтобы налет мрачной обреченности, жертвенности и отчаяния, которая лежит на некоторых произведениях о войне последних лет и расхолаживает души нашей молодежи, был развеян. Ведь героизму, мужеству, подвигу нашего народа чужды отчаяние и обреченность» [9, с. 4]. Как верно подметил писатель!

Под пером Г.Ф. Шолохова-Синявского все приобретает художественную объемность и остроту, не превращая повествование в пересказ событий, в сухую хронику. Писатель ведет разговор с читателем обо всем, что составляет смысл жизни, заостряет внимание, казалось бы, на совсем неинтересных мелочах, привлекает самобытностью и свежестью изобразительных средств, лирическими раздумьями о пережитом. Г.Ф. Шолохов-Синявский понимал, что война – это жесточайшие убийства, это незаживающие душевные раны, что только все вместе страны и народы могут противостоять всеобщей угрозе фашизма.

Здесь уместно вспомнить интересный очерк Георгия Филипповича «Победители. Песня о Тухтабае и его братьях», написанный в 1943 году, о воинах-освободителях узбеке, русском, грузине, украинце, чуваше. О том, как смешалась их кровь на поле боя и стали они братьями. Изложенный в форме национального узбекского сказа, очерк приобретает совершенно другое звучание. Это уже не просто газетная статья – это эпос. А, значит – на века, для потомков. Чтобы помнили, какой ценой, чьей кровью была завоевана Победа. «Слушайте, земляки, и вы, русские братья, слушайте. Я буду говорить правду, ибо правда делает человека твердым, как камень, сильным, как буря в

степи. Я буду петь о Тухтабае, об узбекском батыре, и его братьях... русский батыр Василий Катков, чуваш Михайло Мартынов, Митро Соловко из Киева и Ваню Горгидзе с Кавказских гор...» [10, с. 191].

Писатель свято верил в нерушимость дружбы между народами, какие бы расстояния их не разделяли. Именно поэтому всю дальнейшую жизнь он вел работу по сохранению мира на земле, являясь бессменным участником Комитета защиты мира.

Литература

1. *Гордеева Н.М.* Фадеев и Маяковский в Ростове // Литературный Ростов 20-х годов. Ростов-на-Дону, 1958.
2. Молодость. Литературно-художественный сборник, посвященный 15-летию комсомола. Ростов-на-Дону, 1933.
3. *Руманов Д.И.* Писатели советского Дона. Библиографический справочник. Ростов-на-Дону, 1958.
4. *Шолохов-Синявский Г.Ф.* Волгины: роман в 3 кн. М., 1952.
5. *Симонов К.* Некоторые проблемы военного романа // Литературная газета. 1953. № 24.
6. *Шолохов-Синявский Г.Ф.* Слушайте, братья, рассказ о Родине, о великой заботе и любви народа к Красной армии и к семьям воинов! Очерк // Сталинский удар. 1943. 6 июня // Военный корреспондент Г.Ф. Шолохов-Синявский. Ростов-на-Дону, 2019.
7. *Шолохов-Синявский Г.Ф.* Друзья. Очерк // Сталинский удар. 1943. 1 июня // Военный корреспондент Г.Ф. Шолохов-Синявский. Ростов-на-Дону, 2019.
8. *Шолохов-Синявский Г.Ф.* Русский разведчик Василий Петрухин. Очерк // Сталинский удар. 1943. 19 января // Военный корреспондент Г.Ф. Шолохов-Синявский. Ростов-на-Дону, 2019.
9. *Шолохов-Синявский Г.Ф.* Предисловие к рассказу «Домик у речки» // Г.Ф. Шолохов-Синявский Рассказы о войне. Ростов-на-Дону, 2017.
10. *Шолохов-Синявский Г.Ф.* Победители. Песня о Тухтабае и его братьях. Очерк // Боевые кадры. 1944, 5 декабря // Военный корреспондент Г.Ф. Шолохов-Синявский. Ростов-на-Дону, 2019.

БЛАГОУСТРОЙСТВО НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

Городская инфраструктура и ее развитие определяли уровень благоустройства и санитарного состояния города, важнейших элементов его общественной культуры. Внешний облик города, ухоженность домов, строительство новых жилых и общественных зданий, благоустроенные мостовые, тротуары, парки и бульвары являются неотъемлемой частью культурно-исторического облика города. Благоустройство города и создание комфортных условий жизни для его жителей, конечно, напрямую зависит от работы органов городского управления.

Все вопросы благоустройства обсуждались на заседаниях Нахичеванской городской Думы, а уже потом, претворялись в жизнь. В 1888 году на заседании городского общественного управления был создан комитет по благоустройству города. На ее первом заседании, состоявшемся 23 февраля 1888 года, был избран председатель – им стал заступающий место городского головы М.И. Балабанов [13, л. 3]. На следующем заседании 23 марта 1888 года уже была определена программа и основные виды деятельности комиссии. Члены комиссии определили наиболее важные вопросы, которые требовали скорейших решений: мощение всего города улучшенным способом, устройство набережной и очистки реки, улучшение освещения города, канализация, устройство зданий для городских больниц, устройении бойни и скотопригонного двора и пожарной каланчи, устройство колоны в Александровском саду в память 25-летия царствования императора Александра II, застройка пустопорожних дворовых участков в городе, приобретение опустевших корпусов вокруг собора, их слом, устройство в городе театра, раздача участков под дачи на Безымянной балке и т.д. Из перечисленного было принято решение осуществить первым делом установку в Александровском саду колонны в память 25-летия царствования императора Александра II [13, л. 4].

На заседании 12 декабря 1889 года Нахичеванская городская Дума приняла решение о создании комиссии по мощению города. В комиссию были избраны гласные Думы: И.Х. Галаджев, П.К. Мигонезов, К.А. Кожевников, Г.Х. Чалхушьян, Б.Г. Трапезонцев. В обязанности комиссии входило – организация работ по мощению улиц в городе, обсуждение дел мощения города, о способах и средствах мощения [11, л. 1].

В 1893 году на заседаниях Думы рассматривались вопросы, касающиеся проведения в городе электрического освещения, постройки зданий для училищ, устройства террасы на месте снесенных торговых рядов и т.д. [15, с. 99].

В начале 1900 года городская Управа объявляет конкурс на установку фонарных столбов на улицах города. Одним из первых откликнулся член Управы, ростовский мещанин Лазарь Абрамович Берман, который предложил изготовить фонарь по 9 рублей за штуку [14, л. 1]. Следующим подал заявку владелец машинно-строительного и чугунно-литейного завода на Софиевской площади Федор Матвеевич Дутиков. Он обязался изготовить чугунные фонарные столбы весом в 11 пудов по 20 р. за штуку до 1 июня [14, л. 2]. Последним подал заявку двинский мещанин Юда Копылович Подвала. Он предлагал устройство фонарей по 5,50 рублей за штуку, с глянцевой гильзой и вставками из Бемского стекла. Если же фонари на кронштейне, то цена повышалась до 5,75 р. [14, л. 3]. На заседании Нахичеванской городской управы постановили отливку чугунных фонарных столбов поручить Ф.М. Дутикову по 20 р. за столб весом в 11 пудов. Устройство же фонаря на железном кронштейне отдать Ю.К. Подвала по 5 р. 50 к. [14, л. 4].

Ф.М. Дутиков свое обязательство выполнил и к 1 июня изготовил положенные 50 фонарных столбов [14, л. 6]. Член Нахичеванской городской управы Лука Александрович Аладжалов, принимавший работу М.Ф. Дутикова, так и писал в рапорте городской Управе: «Вследствие поручения городской Управой мне проверки веса изготовленных Дутиковым чугунных столбов. Причем из числа этих столбов мною отделены по своему усмотрению 6 столбов и перевешаны. В них

оказалось веса: в одном 11 пудов 25 фунтов, в другом – 10 пудов 36 фунтов, в третьем – 11 пудов 12 фунтов, в четвертом – 11 пудов 6 фунтов, в пятом – 10 пудов 34 фунта, в шестом – 11 пудов 13 фунтов. По договору с М.Ф. Дутиковым вес каждого столба не должен превышать 11 пудов. Разница в весе превышающая 10 фунтов во внимание не принималось. Так как из числа шести столбов вес и превышает обусловленный договором, то я счел возможным распорядится приемкой всех столбов» [14, л. 7].

В 1881 году была создана подготовительная комиссия по сооружению водопровода в Нахичевани-на-Дону. В 1886 году комиссия подготовила доклад о сооружении водопровода: «Вопрос об устройстве водопровода неоднократно обсуждался в нашей Думе, причем постепенно выяснялось и потребность города в водоснабжении. Разработка технической части предприятия была поручена горному инженеру А.В. Конради. Первоначальный проект, составленный в 1883 г., не вполне соответствовал условиям города, поэтому был переработан и поступил на рассмотрение Думы. Но Дума образовала комиссию, и поручила ей специально заняться этим предметом. Приняв во внимание, что население города привыкло к употреблению чистой родниковой воды и что обстоятельство это имело важное гигиеническое значение, комиссия признала целесообразным и необходимым снабжать город одновременно и донской (речной) и родниковой (ключевой) водой» [10, л. 105].

1 апреля 1885 года гласный Нахичеванской городской думы М.И. Балабанов выступил с заявлением о финансировании сооружения водопровода. Вот что он писал: «Никому не безызвестно, что подобные сооружения не осуществляются наличными средствами города, но последние в связи с важностью предприятия дают городу возможность находить средства. Из сказанного ясно, что нужные средства можно найти посредством займа. Вопрос о займе для осуществления проекта городского водопровода в нашей Думе уже решен в положительном смысле, а потому распространяться о займе мне ни к чему. Скажу лишь одно, что какой бы заем город на это дело не заключал, он будет обеспечен как городским

имуществом, так и самим предприятием, способным постепенно возратить произведение на его осуществление расход...» [10, л. 105]. Так же он предлагал городу взять в кредит сумму от 100.000 до 200.000 рублей под 7% сроком на 10 лет. Предполагаемый заем в случае необходимости, должен быть обеспечен известным количеством городских земель [10, л. 105]. Всего же управление и эксплуатация городским водопроводом будет стоить 12.480 руб.[10, л. 106].

Позже в 1895 году на заседании городской Думы были разработаны правила водоснабжения в г. Нахичевани-на-Дону. На наш взгляд, эти правила очень любопытны как для исследователя, так и для обывателя. Так, например, по пункту № 1 данных правил, городская Управа прокладывала трубы водопровода за счет абонента, причем расположения труб делалось притом по усмотрению Управы. Оплата работ шла в два этапа, причем вода запускалась только при получении Управой второй части. Если же не будет внесена вторая часть оплаты, Управа имела право убрать трубы, без возврата первой части суммы [6, с. 4]. Содержание же мостовой, водопровода и колодца так же ложилось на плечи населения, которые несли за это ответственность перед Управой. По правилам также устанавливался водомер с печатью, через который пускалась вода. Житель не имел права их срывать без техника из Управы. Работы же по исправлению неисправностей также велись за счет населения. В случае, когда владелец имения продавал его, он должен письменно об этом уведомить Управу, а новый владелец дать согласие на пользование водой [6, с. 4].

Следует отметить, что городская Управа активно следила и за санитарным состоянием города. Так, Ведомости Нахичеванской-на-Дону городской думы за 1892 год о состоянии улиц, линий, домов и дворов сообщают, что «разослано 266 предупредительных повесток, не исполнивших требования, привлекали в судебной ответственности. Составлено 650 протоколов. Сумма штрафов за неисполнение санитарных требований составила 485 руб.» [1, с. 3].

Особый санитарный надзор велся на Нахичеванском рынке. Так, в 1892 году в мясных лавках уничтожено до 10 пудов испорченного мяса и до 50 пудов печени, составлено шесть

протоколов, мировым судьей штрафов наложено 130 руб. [1, с. 3]. В рыбных лавках уничтожено 15 пудов испорченной рыбы. Обнаружен один случай нарушения правил. Хозяин был оштрафован на 50 руб. [1, с. 3]. Во фруктовых лавках уничтожено до 10 пудов гнилых и испорченных фруктов. По четырем протоколам взыскан штраф 35 руб. [1, с. 3]. В бакалейных лавках уничтожены испортившиеся колбасы, сыр. Составлен один протокол, наложен штраф 10 руб. [1, с. 3]. Содержатели трех трактиров и дворов в Нахичевани привлечены к ответственности за неопрятное содержание их заведений и оштрафованы на 40 руб. Во всех пекарнях города введены рукомойники, для ночлега рабочих отданы особые помещения. Два содержателя пекарни за нарушение санитарных постановлений привлечены к ответственности и оштрафованы мировым судьей на 100 руб. [1, с. 3]. В парикмахерских так же были установлены рукомойники [1, с. 3]. На салганах, где забивался мелкий рогатый скот, во время убоя скота принимались всевозможные меры для предупреждения распространения зловония, результатом чего было отсутствие запаха в окрестностях салганов, но и на самих салганах. За несоблюдением требований один из владельцев салганов оштрафован на 25 руб. [1, с. 3]. На ряде фабрик найдены некоторые упущения.

Таким образом, составлено восемьдесят девять протоколов, сумма штрафов достигла 1025 руб. В промышленных и других заведениях (цирульни, пекарни) производился медицинский осмотр служащих, и если встречался заразный больной, то он отправлялся на излечение в больницу. Дезинфекция помещений производилась везде, где только появлялась болезнь. Было очищено пятьдесят таких домов. В разных частях города было устроено до ста помойных ям и шестьдесят семь ретирадных мест [1, с. 3].

Большое внимание Управа уделяла озеленению города. Так, в конце 1893 года городской Управою заготовлено 1438 саженцев для рассадки по улицам и площадям города. Предстоящей весной предполагалось закончить посадку деревьев на Софиевской, Соборной и Георгиевской улицах и засадить Екатерининскую площадь растительными тополями и

замощенные в прошлом году линии 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18» [3, с. 1]. Городское общественное управление следило и за чистотой города. Нахичеванской городской управой были отведены места для свалок грязи, земли, мусора и навоза – позади Александровского сада, на 15 линии около сада Гайрапетовых, на 35 линии возле сада Штримера. За соблюдением порядка Управа вела строгое наблюдение [4, с. 4].

Были составлены особые правила по содержанию города в чистоте. Так, жители города обязаны содержать в исправности и чистоте улицы, площади, мостовые, тротуары, каналы и т.п. Сор и другие нечистоты воспрещалось выливать на улицу. Владельцы домов по мощенным улицам, площадям и линиям были обязаны счищать грязь с мостовой, и собрав в кучу, тотчас же свозить в балку по 1-й Георгиевской улице напротив Александровского сада и по 7-й линии города; в эти же балки свозить и мусор, добываемый из построек [2, с. 4]. Так же домовладельцы были обязаны соблюдать чистоту во дворах и исправно счищать ретирадные места, выгребные и помойные ямы, производя тщательную дезинфекцию оных, засыпав эти места негашенной известью или залив раствором медного купороса. Ретирадные места очищать не ранее 10 часов ночи [2, с. 4]. В случае несвоевременной очистки дворов и различных заведений таковые, производятся средствами городской Управы за счет виновных, о чем составлялись акты. Для мест, куда свозились нечистоты из ретирадных мест и помойных ям, сора и навоза городской Управой «назначено особое место на выгоне, на северо-восточной стороне города за столбовой дорогой за сию сторону рельсов и салганов, где имеется особый сторож и поставлены столбы с надписью» [2, с. 4]. Тоже касалось и уборки нечистот. Желаящие воспользоваться городским ассенизаторским обозом должны были обращаться с письменным заявлением в городскую Управу, точно указав в них адреса мест (улица, № дома), подлежащих очистке. Плата за каждую вывезенную бочку нечистот – до 10 бочек по 75 коп., свыше 10 бочек – по 60 коп. Расплата за пользование обозом производилась в Управе [5, с. 4].

Так же городское общественное управление планировало провести телефонную связь. Гласный Нахичеванской городской

Думы Г.Х. Чалхушьян в 1897 году предоставил в Думу записку: «Ростовское телефонное управление ходатайствовало перед Нахичеванским городским управлением о разрешении установить телефонные столбы по улицам города Нахичевани. 26 сентября 1886 года Нахичеванская Дума это ходатайство «уважило». Более никаких документов... на этот счет не имеется. Казалось бы, раз наш город не связан никаким договором, то нахичеванские абоненты должны быть более обеспечены как относительно разных удобств, так и в особенности относительно платы, таксы. Где правительство само имеет телефон, такса мала, низка, но в Ростове таковая – 125 руб., ибо Ростов связан договором. Мы же не связаны никаким договором, а платим 150 и 175 руб. Как же объяснить такое странное явление. Эти поборы непоправимы» [12, л. 1]. Хотя по договору, который заключил Ростовский городской голова А.М. Байков с Главным управлением почты и телеграфа, дело передавалось саксонскому подданному Готфриду Курту Богдановичу Зигелю с такими условиями: абонентская плата 150 руб. в год, а с частных абонентов и 125 руб. с правительственных при числе абонентов же свыше 100 она понижается до 100 руб. [12, л. 2]. На основе этого Г.Х. Чалхушьян предлагал Зигелю следующие условия: «1) впредь за установку аппаратов и за аппараты ничего не брать; 2) чтобы нормальная такса в Нахичевани была объявлена в 100 руб. 3) чтобы за переноску аппарата с одного помещения в другое не брали более 10 руб. Если г. Зигель почему-либо на эти условия не согласится и не пожелает подчиниться воле Думы, то т.к. Дума временно разрешила столбы установить, при этом не ограничив себя каким-либо сроком, а столбы уже существуют более 10 лет, то предложить г. Зигелю эти столбы немедленно снять; 2) немедленно войти с ходатайством в Главное управление Почт и Телеграфов об устройстве у нас телефонной сети и о соединении ее с Ростовом» [12, л. 3].

Городская Дума одобрила доклад городской Управы и внесла аналогичное постановление [12, л. 48]. На это последовал отказ г. Зигеля: «...не могу исполнить ни одно из требований Управы, изложенных в письме» [12, л. 49]. Позже начальник Ростовского

почтово-телеграфного округа написал Нахичеванскому городскому Голове: «Нахичеванское Городское Управление, как сообщил мне г. Зигель, предоставило ему право устанавливать аппараты по улицам г. Нахичевани» [12, л. 53].

Для развития торговли в городе Нахичевани-на-Дону по докладу городского головы Ходжаева была обоснована необходимость сооружения наплавного моста через реку Дон у Нахичевани, хотя «на заседании Ростовского Уездного Земского собрания эта идея была поддержана, разрешение учредить такой до сего момента так и не последовало» [7, л. 4]. Тем не менее в 1873 году были объявлены торги в Нахичевани на сооружение двух наплавных мостов через реку Дон, примерная сумма по смете – 32.275 руб. 10 коп. Торги назначены на 18 марта 1874 года [7, л. 37].

Нехватка мест для прогулок горожан вызвала необходимость создания зоны для отдыха городских обывателей. В 1873 году городской голова Ходжаев представил доклад, в котором, в частности, говорилось, что «...в каждом городе почти существуют общественные сады, бульвары и т.п. увеселительные места. Не говоря о том, что эти места составляют истинное украшение города, они имеют также для общественной жизни весьма важное значение, как для увеселения, развлечения и отдыха после трудов и главное – для общения людей имеют гигиеническое значение для населения города. В Нахичевани, как известно, ничего подобного не существует...» [8, л. 1]. Ходжаев предлагал обустроить бульвар площадью в 900 кв. сажен. В 1880 году городская Дума доклад одобрила и постановила ассигновать необходимые средства [8, л. 3].

Вопрос о сообщении двух городов Нахичевани и Ростова-на-Дону волновал городских руководителей. Первоначально инициатива соединения Ростова с Нахичеванью посредством шоссе не увенчалась успехом, вместо него была проложена мостовая. Нахичеванский городской голова в 1878 году выступил с инициативой создания между Ростовом и Нахичеванью конно-железной дороги: «Большинство наших горожан едва ли имеет возможность обойтись, не побывав в Ростове хоть раз в неделю, поэтому очевидная полезность

устройства конно-железного пути не потребует никаких доказательств. Ввиду того обстоятельства, что границы обоих сходятся за чертою их, то проведение пути в пределах только нашего города без продления его по городу Ростову не может иметь никакого значения... Поэтому данное предложение возможно только при согласии со стороны Ростова» [9, л. 2]. Дорогу предлагалось провести «от Соборной площади города Нахичевани до станции Ростов Владикавказской железной дороги через улицу Садовую..., т.к. это кратчайший путь» [9, л. 3].

Можно отметить, что успехи в благоустройстве г. Нахичевани-на-Дону свидетельствовали об активной деятельности городского управления, которое состояло большей частью из купеческого сословия. Благоустроенный город, с названиями улиц и адресами, мощеными и освещенными улицами способствовал быстрому проезду транспорта, передвижению людей по городу в любое время суток и в любое время года. Улучшения санитарного состояния города способствовало уменьшению болезней и эпидемий, более чистой экологии в городе. Проведенная телефонная связь способствовала более быстрой связи между людьми, в том числе и с торговыми партнерами.

Для отдыха горожан силами городских властей был организован городской бульвар, доступный всем жителям.

Конная железная дорога способствовала более быстрой поездке в соседний город Ростов-на-Дону, где работали и торговали многие жители Нахичевани, что тоже было на пользу купеческому сословию. Да и многие ростовские рабочие часто снимали жилье в Нахичевани как более дешевое.

Литература

1. Ведомости Нахичеванской-на-Дону городской Думы 1892, № 5.
2. Ведомости Нахичеванской-на-Дону городской Думы, 1892, № 17.
3. Ведомости Нахичеванской-на-Дону городской Думы 1893, № 8.
4. Ведомости Нахичеванской-на-Дону городской Думы, 1895, № 1.
5. Ведомости Нахичеванской-на-Дону городской Думы, 1895, № 2.
6. Ведомости Нахичеванской-на-Дону городской Думы, 1895, № 14.

7. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 29.
8. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 57.
9. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 180.
10. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 280.
11. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 498.
12. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 873.
13. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 881.
14. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1021.

15. *Казаров С.С.* Деятельность органов городского управления по благоустройству Нахичевани-на-Дону: (вторая половина XIX – начало XX вв) // *Armenological issues bulletin* №2(5), 2015.

Е.Л. Щукина

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ

В начале XX столетия театр стал одним из основных средств коммуникации городского населения, позднее его потеснил кинематограф. Рост городов приводил к количественному росту публики. Постоянно и с лучшими актерскими силами театр действовал главным образом в тех городах, которые обещали достаточное количество зрителей, в них давали спектакли одновременно несколько трупп. Проблема нового театра в России определялась как социальная, историческая, этическая и художественная одновременно. Поиски художественных форм глубоко связывались с поисками новых форм социальной жизни. Ростовский критик Б. Каплан характеризовал место и роль театра в жизни общества следующим образом: «...хороший театр является храмом, школой, политической, социальной и судебной трибуной. Он не только удовлетворяет наши эстетические потребности, но и, воспитывая наши эстетические потребности, борется часто впереди общества, против общественных зол» [1].

Особенную роль в репертуаре провинциальных театров и, в частности, донских театров играла драматургия А.Н. Островского. Театры исполняли в сезон до десяти его пьес. О возврате к А.Н. Островскому говорилось как о «завершении великого круга», «торжестве быта» [2, с. 204]. Традиционно

важную роль играли пьесы нашего земляка А.П. Чехова, которые ежесезонно включались в репертуар. Из писателей-современников наибольшее место в репертуаре занимали символистские драмы Л. Андреева, особенно с 1907 по 1914 гг. Выдвигая на первый план в своих произведениях не отражение событий, а эмоциональное, субъективное отношение к ним, Л. Андреев создавал «искусство переживания», находившее отклик и в сердцах провинциальных зрителей. В целом, доминирующую роль в репертуаре донских театров играли пьесы с реалистическим содержанием.

В данной статье предпринимается попытка рассмотрения основных особенностей репертуара Нахичеванского театра.

Нахичевань-на-Дону был небольшим красивым городом, расположенным от г. Ростова-на-Дону через пустырь, с компактным проживанием, преимущественно, армянского населения, переселившегося из Крыма по указу Екатерины II. К 1907 году его население насчитывало примерно 40 тысяч человек. Важным и определявшим жизнедеятельность театра было то обстоятельство, что Нахичеванская дума выстроила свое собственное каменное, фундаментальное здание театра, открытое в 1899 году. Театр был построен архитектором Н.Н. Дурбахом по точному образцу Одесского театра, но в меньших размерах на 700 мест и обладал прекрасной акустикой, сохранившейся до настоящего времени. В отличие от ростовских театров, нахичеванский не был частным и управлялся городской Думой, которая определяла условия сдачи театра в аренду антрепренерам. Нахичеванская городская дума в сезоны 1907-1910 гг. выплачивала небольшие субсидии на поддержание театра и сдавала его антрепренерам на льготных условиях. Но частая смена и порою неудачный выбор антрепренеров не позволил театру занять должное место в культурной жизни небольшого города.

Современники следующим образом характеризовали деятельность театра: «Хорошенький, удобный театр, льготные условия сдачи театра предпринимателям. Электрический трамвай в Ростов, 20 минут езды. Все так хорошо, все благоприятствовало материальному успеху, но в итоге: Нахичевань сам по себе не может наполнять театр.

Большинство жителей ремесленники, рабочие, мелкие торговцы – для них театр, особенно русский, еще звук пустой. Горсточка интеллигенции – при всем желании, не могут своим посещением окупить расходы сезона. Было два сезона, когда русская драма продержалась зиму, даже предприниматели получили барыши (Е.А. Беляев, П.П. Струйский), но это было еще тогда, когда в Ростове был один зимний театр и в нем опера, когда ростовцы ездили на драму в Нахичевань. Уже по бюджету, само собой разумеется, Нахичевань не может дать лучшей драмы, чем Ростов. Не может же он платить артистке тысячные оклады в месяц, не может же он приглашать гастролера и платить сотни за выход» [3, с. 711].

Кроме того, на нахичеванской сцене устраивались «грандиозные армянские вечера» в пользу благотворительного армянского общества, пользовавшиеся неизменным успехом. Программа вечеров включала: восточно-национальные мотивы, пение, хор, музыку, декламацию, танцы, небольшие одноактные пьесы, исполняемые членами нахичеванского общества любителей драматического искусства на нахичеванском наречии «Делал Хугас» (доктор по нервным болезням), «Барбулье» Ж. Мольера и другие [4]. Время от времени критики советовали проводить больше подобных вечеров и приглашать играть труппу на армянском языке для лучшей работы театра.

Основным источником исследования театральной жизни является периодическая печать, прежде всего, газета «Приазовский край», журнал «Театр и искусство», «Театр и музыка» и др., которые более чем полно, ежедневно, описывала театральные постановки, что позволяет проследить основные черты и специфику репертуара, его восприятие публикой.

Первым антрепренером нахичеванского театра был один из выдающихся провинциальных режиссеров Н.Н. Синельников, одновременно являвшийся антрепренером и ростовского Асмоловского театра. Деятельность театра открылась комедийной пьесой Л.Н. Толстого «Плоды просвещения» и специальным прологом, написанным журналистом газеты «Приазовский край» С.В. Потресовым. Поскольку Н.Н. Синельников руководил двумя театрами, дела у него шли

хорошо, сезон завершился без убытков, но на следующий сезон он не стал арендовать театр, и в дальнейшем, практически ежегодно антрепренеры менялись. Следующим антрепренером стал артист труппы Н.Н. Синельникова – А.В. Анчаров-Эльстон, но антреприза весьма скоро завершилась разорением, а актер вскоре умер от тяжелой болезни. В дальнейшем антрепренерами были Е.А. Беляев, П.П. Струйский, С.И. Крылов, Е.Н. Горева и др.; практически все сезоны завершались с убытком.

По мнению видного исследователя истории театра Б. Перлина «делами театральной комиссии, фактически вершившей судьбы театра, ведал местный присяжный поверенный Г.И. Чубаров – страстный любитель и театрал. Он играл, режиссировал, писал пьесы и считал себя непререкаемым авторитетом в театральном деле. Такое самомнение Чубарова неоднократно являлось причиной «антрепренерской лихорадки» нахичеванского театра» [5].

Новый сезон, открытый 14 октября 1907 года (дирекция – Л.С. Правдич-фон-дер-Лауниц; главный режиссер – М.Н. Голицина-Онегина), привнес определенные изменения в работу театра. Цены на места были значительно уменьшены сравнительно с прошлым годом. По субботам шли общедоступные спектакли, а по воскресеньям – ученические утренники, билеты в ложи стоили 1 руб. 50 коп., а все места партера по 32 коп. Для удобства публики были введены чековые книжки, отпуск по ним билетов производился в кредит и при оплате один раз в месяц делалась 10% скидка. Антрепренеры обещали городской Думе, что репертуар будет состоять из лучших произведений русских и иностранных писателей, кроме фарсов [6].

Сезон открылся бессмертной комедией А.С. Грибоедова «Горе от ума». Спектакль дал хороший сбор. «Исполнение было достаточно приличное и только несколько персонажей не попадали в общий тон» [7]. Далее с успехом прошли пьесы «Труд и капитал», «Благодетели человечества», «Мещане» М. Горького, «На пороге великих событий» комедия А. Павлова, «Черные вороны» В. Протопопова «срепетованные на скорую руку» были, однако, очень недурно и гладко разыграны

нахичеванскими артистами, публики было много» [8], «Гувернер» В. Дьяченко. Менее удачно прошли пьесы «Казнь» Г. Ге, «Хаос» – новая пьеса Н.Ю. Жуковской, «Измена» – кн. Сумбатова, «В городе» – С. Юшкевича, «Власть тьмы» – Л. Толстого, «Мученица» – Ж. Ришпэна; они требовали лучшего исполнения.

Весьма негативно была воспринята критикой постановка пьесы «Хаос» Н.Ю. Жуковской, охарактеризованная как «бессодержательная и водянистая». Отмечалось, что погоня за новинками сезона не всегда бывает удачной и среди массы новинок, наводняющих театральный рынок, очень мало хороших пьес, постановка «Хаоса» и прочей дребедени является ошибкой. Есть немало прекрасных «старых» пьес» [9]. Из новых пьес заслуживал внимания фарс местного автора Э.Х. Бахчисарайцева «Завещание дядюшки Варлаама», поставлены на сцене нахичеванского театра 11 декабря. Он выделялся из среды родственных ему по духу пьес своей легкостью и жизненностью [10, с. 12].

В целом, за истекший сезон в нахичеванском театре практически не было постановок, ставших сенсацией. Местные критики рекомендовали антрепренерам для привлечения публики давать спектакли, хотя бы раз в неделю, на армянском языке, которые могли бы исполнить члены «Нахичеванского общества любителей драматического искусства» во главе с Г.И. Чубаровым.

Сезон 1909-1910 гг. для Нахичеванского театра был характерен чередованием различных трупп на его сцене. По содержанию и уровню исполняемых произведений выделялась антреприза М.М. Петипа. «Петипа остается на прежней высоте своего незаурядного дарования. Он прекрасно провел заглавные роли в пьесе Г. Лухмановой «Смерть Наполеона I» и в мольеровском «Тартюфе». Публика много аплодировала талантливому артисту» [11], но антрепренер из Мариуса Петипа не получился. Антрепризу вскоре пришлось свернуть, и на нахичеванской сцене водворились любители, меньше зависевшие от сборов.

Репертуар, исполняемый на сценах донских театров в сезон 1910-1911 гг. был примерно одинаковым. Высоким уровнем

постановок и интересным содержанием репертуара выделялся ростовский Асмоловский театр – антреприза Н.И. Собольщикова-Самарина и О.П. Зарайской.

В Нахичеванском театре выступала труппа московского союза сценических деятелей. Союз поставил своей ближайшей и главной целью объединение актеров в товарищества, в чем и достиг значительных успехов [12, с. 16]. Уполномоченным союза сценических деятелей, которому нахичеванская городская управа сдала театр, был артист Островский.

В марте-апреле 1912 года в Нахичеванском драматическом театре наибольший интерес вызвали гастроли армянской труппы под управлением О. Абеляна. Хорошее впечатление произвели пьесы: «Погибший» А. Ширван-заде о национализме и «Мирра Эфрос» Я. Гордина.

Содержание репертуара в сезон 1911-1912 года характеризовалось, с одной стороны, тяготением к глобальным проблемам смысла жизни (пьесы Л. Толстого, Ф. Достоевского, Л. Андреева), с другой, к легким комедиям нравов.

В Нахичеванском театре работала антреприза В.Н. Викторова и Я.В. Лихтера. Помимо классики ставились пьесы «Сатана» Я. Гордина, «Поединок» А. Куприна, «Обозрение Нахичевани и Ростова-на-Дону» – злободневная пьеса в пяти действиях с музыкой, пением, танцами, «Рабыня веселья» И. Протопопова, «Белая ворона» Е. Чирикова, «Катерина Ивановна» Л. Андреева. Критики отмечали, что «нахичеванцы очень индифферентно относятся к своему театру, и даже серьезные вещи не привлекают нашу публику. Пьеса Л. Андреева «Катерина Ивановна» это доказала, публики мало. Исполнение не удовлетворяло» [13].

Городская дума отказала в аренде театра Н.И. Собольщикову-Самарину на зимний сезон 1911-1912 гг., сдала его С.И. Крылову и в результате получила неудачную антрепризу. Это был последний сезон работы С.И. Крылова в качестве антрепренера и, фактически, он уже был банкротом. «Крылов неизвестно куда уехал и до настоящего времени (23 января 1912 года) не сформировал обещанной для города драматической труппы. Театр пустует... Если Крылов не пришлет ответ, дело передадут в суд» [14].

В 1913 году Нахичеванская городская дума отказала в аренде театра О.П. Зарайской, мотивируя это тем, что в репертуаре ее труппы есть пьесы, которые запрещено посещать учащейся молодежи, а она составляла основной контингент зрителей.

В сезон 1914-1915 гг. содержание театрального репертуара, в связи с начавшейся Первой мировой войной, коренным образом изменяется. В самом начале войны в театрах царила растерянность, ждали падения сборов, остро дискутировался вопрос о том, нужен ли театр в эти дни и какой репертуар теперь предпочтительнее. Ростовский критик писал: «Мировая война несет не только перерождение психологии театрального зрителя, она принесет перерождение самого театра. Но это впереди, это будущее, а пока – дисгармония, метания, боль... и холодный зрительный зал, когда со сцены льются волны теплоты, чувства, нежности...» [15].

Театры Дона отозвались на нужды войны. Дирекции театров ставили несколько спектаклей и отчисляли часть сборов в пользу раненых и семейств запасных, ушедших на войну. В начале сезона на сценах донских театров с огромным успехом шли *урапатриотические* пьесы: «Позор Германии» (Культурные звери) артистов М. Дальского и М. Корсакова – драма о современной войне; «Измаил» Г. Бухарина – «барабанный патриотизм, мелодраматическая дешевка, история из хрестоматий и анекдотов – таков Бухарин и его пьеса, однако, имел успех – подъем на сцене и в зале» [16]; «Король, закон и свобода» Л. Андреева – «волнующая пьеса, но в ней есть что-то нецеломудренное. Она говорит слишком красиво... драма Бельгии становится театральной драмой» [17].

В 1915 году Нахичеванский театр не функционировал. Последний дореволюционный антрепренер нахичеванского городского театра Я.А. Белинский изменил существовавшую ранее практику работы на две труппы, как у Н.Н. Синельникова и С.И. Крылова, и подбора артистов, оставшихся без ангажементов. Он составлял труппу из артистов, завоевавших первые места в театрах провинции, что позволило сделать стабильной антрепризу и ставить пьесы высокохудожественного содержания. Актерский ансамбль Я.А. Белинского стал основой

советского нахичеванского театра, после его национализации по итогам революции.

Вниманием и заслуженной любовью горожан пользовались театры при клубах. Газеты регулярно информировали население об идущих там новинках, публичных лекциях и концертах. Театральный сезон в этих клубах открывался в конце сентября и продолжался до середины весны. Спектакли ставились пять раз в неделю и по своей общедоступности предназначались, главным образом, для среднего класса. Входная плата была от 30 коп. до 1 руб. 30 копеек. Среди многочисленных театральных новинок ставились и старые пьесы А.Н. Островского, со своими вечно живыми темами.

Провинциальный театр никогда не был вполне изолирован от столичной сцены, но все же жил своей жизнью и своими законами. Столичная сцена была императорской, государственной, привилегированной. Провинциальный театр всегда, еще с крепостнической поры был частным. Отсюда его своеобразие и многие трудности, беды. Особенностью провинциальных театров была репертуарная гонка, когда наряду с высокохудожественными произведениями ставились низкопробные фарсы, гораздо большая, чем у столичных театров, зависимость от зрительских запросов, определяющая роль любителей искусства, преимущественно из местной купеческой знати, в материальной поддержке и организации культурной жизни.

Провинциальному театру приходилось служить сразу нескольким господам – и публике, и материальному успеху. Эта особенность для донских театров, по мнению местных критиков, была даже более характерна, чем для провинциальных театров центральной России. «Разноплеменность населения и его различный культурный уровень вынуждают театр балансировать на очень рискованной трапедии. Рядом с такими произведениями, как «Братья Карамазовы», «Живой труп», «Потонувший колокол», «Эльга», пьесами А.Н. Островского на сцене прошли и такие слабые, развлекательные пьесы: «Дебют Венеры», «Душа, тело и платье», «Маленькая Сань-Жен» и т.п. Все это с одинаковым

внешним интересом смотрелось публикой (то партером, то галеркой)» [18].

Не всегда успешно шли дела и у местных театральных коллективов. В 1910-е годы крахи провинциальных антреприз стали обыденным явлением. Дорогостоящие пышные постановки, знаменитости, приглашенные на высокое жалованье, – эти меры привлечения публики зачастую увеличивали дефицит театральных предприятий. Оставались без договорной платы актеры, когда антрепренеры старались скрыться от кредиторов. Такими сообщениями полны газеты тех лет и театральные мемуары. Заканчивали сезон с дефицитом, чаще всего антрепризы ростовского Машонкинского и Нахичеванского театров. Они не выдерживали конкуренции с ростовским Асмоловским театром, не могли удержаться на должном уровне постановок, в связи со спешной работой, когда все пьесы идут по разу, по два, не выдерживали погоню, в силу требований публики, за новинками столичных театров.

Хотелось бы затронуть еще одну проблему – отношение публики к труженикам сцены. Зрители, как правило, тепло принимали бенефисы артистов, охотно посещали их, несмотря на повышенные цены. Для своих артистических именин бенефицианты старались выбирать выигрышные пьесы, порою даже запрещенные цензурой к постановке на провинциальной сцене (для бенефисных спектаклей цензурой иногда делались исключения).

Бенефисы устраивались не только для ведущих актеров, но и для режиссеров, актеров второго плана, администраторов. Публика благожелательно принимала бенефициантов, но иногда, когда возникали конфликтные ситуации, игнорировала бенефис. Так, на юбилее, посвященном 30-летию сценической деятельности антрепренера и режиссера Нахичеванского театра М.Н. Голицина-Онегина, театр был почти пуст из-за конфликта с артистами. Антрепренер не выполнил условия контракта о распределении ролей, дело дошло до разбирательства в суде, и публика выразила свое отношение к данному инциденту тем, что не явилась в театр [19].

В целом, деятельность Нахичеванского драматического театра, как русскоязычного, была довольно скромной. Она не

отличалась яркими постановками, но тем не менее знакомила публику с новинками репертуара провинциальных театров, великими драматургическими произведениями Л.Н. Толстого, А.Н. Островского, А.П. Чехова, А.М. Горького, развивала вкусы местного населения. Среди огромного количества антрепренеров, арендовавших театр на непродолжительные сроки, сложно кого-либо выделить. Исключение можно сделать для труппы Я.А. Белинского. В то же время следует отметить важную роль и значительную посещаемость театральных представлений и концертов на армянском языке, которые эпизодически там организовывались. Театральная жизнь Нахичевани определялась не только деятельностью драматического театра, существенную роль в ее развитии играли клубы, где весьма часто ставились спектакли.

Сознавая значительную роль театра в формировании общественного сознания, критики, теоретики и любители театра обсуждали на страницах периодической печати проблему взаимосвязи театра и публики, соучастия публики в выборе пьес театрального репертуара. И, в конечном счете, театральный зритель принимал самое непосредственное участие в формировании репертуара театров, выражая свое отношение к нему через материальное одобрение или неодобрение пьес, поскольку зависимость провинциального театра, самого его существования от интересов публики была огромной.

Литература

1. *Каплан Б.* Драма русского театра // Молодые порывы. 1908. № 3.
2. *Петровская И.Ф.* Театр и зритель российских столиц. Л., 1990.
3. *Камнев Б.* В Нахичеванском городском театре. Провинциальная летопись // Театр и искусство. 1907. № 43.
4. Нахичевань // Приазовский край. 1910. 21 февраля.
5. Из рукописи Б.М. Перлина (псевдоним – Анненский Бор.) «Театральная жизнь старого Ростова. 1840-1920», библиотека Союза театральных деятелей (Ростов к/Ц). [Электронный ресурс] //URLhttp://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m19/4/art.aspx?art_id=392 (дата обращения 1.04.2021).
6. Театр и музыка // Приазовский край. 1907. 10 октября.
7. *А. Нахичеванский театр.* Театр и музыка // Приазовский край. 1907. 16 октября.

8. Х.А. Нахичеванский театр // Приазовский край. 1907. 17 декабря.
9. Х.А. Нахичеванский театр // Приазовский край. 1907. 25 октября.
10. Нахичеванский театр // Сцена и экран. 1907. № 4. 16 декабря.
11. Нахичеванский театр. Театр и музыка // Сцена и экран. 1910. 27 февраля.
12. Нахичеванский театр // Театр и жизнь. 1910. № 1.
13. Нахичеванский театр // Театр и жизнь. 1913. 26 января.
14. Нахичевань // Приазовский край. 1912. 23 января.
15. Пессимист. Открытие драматического сезона // Приазовский край. 1914. 7 сентября.
16. Ростовский театр. «Измаил» // Приазовский край. 1914. 10 сентября.
17. Ростовский театр // Приазовский край. 1914. 6 ноября.
18. *Лись*. Театральный год // Приазовский край. 1912. 1 января.
19. Х.А. Нахичеванский театр // Приазовский край. 1907.
- 20 декабря.

Чаплыгин Д.О.

ИЗ ИСТОРИИ АРМЯНСКОГО ТЕАТРА НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ

Социокультурное пространство современности немыслимо без пространства театра. Театр является основным показателем развития культуры: театральное искусство относится не только к форме общественного сознания, но и к числу важнейших сфер общественной жизни нации. «Театр, как способ художественного отражения действительности – по природе своей искусство публичное, требующее коллективного восприятия, создающее вокруг себя общественную среду. Театр, воздействуя на зрителя системой художественных средств, складывающихся из творений драматурга, режиссера, актера, художника, в конечном счете, отражает состояние культуры и жизни общества в целом» [1, с. 3].

Провинция - это неотъемлемый структурный элемент всякого активного внутреннего пространства, любого целостного и живого организма культуры. По определению М. Махлина, провинциальная ментальность «характеризуется не

географическим местоположением ее носителей, а комплексом социально-генетических черт, проявляющихся в мышлении, поведении, ценностных ориентациях и т. п.» [2, с. 20].

Поскольку театральное искусство является не только формой общественного сознания, но и относится к числу важнейших сфер общественной жизни, отражая те или иные тенденции, идеи, формы присущие тому населенному пункту, в котором собственно театр и располагается. И подтверждением этому служит обросшая невероятным числом городских легенд история Нахичеванского-на-Дону городского театра, ныне Муниципальное автономное учреждение культуры «Ростовский-на-Дону академический молодежный театр».

Наиболее любимым видом искусства, в соответствии с исторически сложившимся мнением, у жителей Нахичевани-на-Дону был театр. Еще в 30-годы XIX группа молодых нахичеванцев – Т. Хадамян, С. Тигранян, М. Кушнарян – получивших образование в Москве, ставили театральные постановки в здании школы, привлекая к постановкам учащихся.

В 60-е годы XIX века братья Арцатбаниян предприняли несколько попыток создать театральную труппу в городе [3]. В это же время в город приезжала Константинопольская армянская театральная труппа Т. Фасулячяна (Фасулджяна). Фасулячян имел официальное разрешение министра внутренних дел Российской империи давать спектакли на армянском языке. Труппа разыгрывала пьесы Г. Сундукяна и комедии Мольера.

Особо любим и почитаем жителями Нахичевани-на-Дону артист Петрос Адамян (21.12.1849 г. – 15.06.1893 г.). Впервые он приехал в город в составе труппы Т. Фасулячяна. В дальнейшем П.И. Адамян (Адамиан) приезжал в Нахичеван-на-Дону в 1882, 1883, 1885 годах. Выступал на армянском и французском языках [4]. Прибывая в Нахичевани Петрос Иеронимович Адамян обучал жителей города актерскому мастерству, за что не получал оплаты. Обеспечивал он свое проживание в городе продажей своих картин. А. Генджян писал: «Адамян словно был нахичеванцем, так близко было его имя сердцу нахичеванцев, причем для всех слоев без исключения»

[4]. Это не было преувеличением, в семьях жителей города хранились фотографические портреты артиста (выпускались владельцами фотоателье), открытые письма, театральные программы.

В Нахичевани постоянно гастролировали играющие на армянском языке театральные труппы из Константинополя и Баку, Тифлиса. Особый восторг вызывала актриса Меропия Исааковна Кантарджян (1857 – 1932), выступавшая под псевдонимом Сирануш («Сладостная красавица»). Роль Сирануш в армянском театральном искусстве неопенима. Она стала легендой еще при жизни. Она была одной из первых актрис на провинциальной сцене, исполнивших роль Гамлета в трагедии Шекспира. Армянские театральные критики начала XX в. любили сравнивать ее с французской артисткой Сарой Бернар. М.А. Кантарджян гастролировала в Нахичевани-на-Дону в 1897 году в составе театральной труппы Тифлиса. Предположительно, также выступала в Нахичевани-на-Дону во время гастролей 1912-1913 гг. Существует городская легенда о том, что поклонниками Сирануш был преподнесен серебряный венок и о том, что ее на руках несли до железнодорожного вокзала города Ростова-на-Дону» [5].

При такой неоспоримой любви к театру Нахичевани-на-Дону и его жителям было необходимо городское театральное здание.

В 1895 (по данным архитектора О.Х. Халпахчьяна) члены Нахичеванского общества любителей драматического искусства подали в городскую думу ходатайство «О сооружении здания городских общественных учреждений и помещения в нём театрального зала и местного коммерческого клуба». Гласные думы поручили городскому архитектору Николаю Дурбаху разработать проект театра.

Строительство театра продолжалось более двух лет и обошлось почти в 150 тысяч рублей, в том числе и четырех тысяч, вложенных в строительство нахичеванским артистическим обществом.

Для старой Нахичевани здание театра являлось украшением города. До его постройки функции театра выполняли зимой – амбар в частном торговом здании на базаре, а летом – открытая сцена в клубе.

Открытие Нахичеванского городского театра состоялось 16 декабря 1899 года. В день открытия, утром в новом здании был отслужен двойной молебен: по обряду православной и по обряду Армянской Православной Апостольской церкви. После молебнов все помещения театра, не исключая сцены, были окроплены святой водой. Затем гостям был предложен завтрак, после которого они осматривали театр.

На первом спектакле присутствовал, окруженный большой свитой, донской наказной атаман, прибывший из Новочеркасска в 5 часов вечера, специальным поездом, остановившимся на Нахичеванском полустанке, не доезжая станции Ростов. К приезду гостей были поданы сани, украшенные дорогими коврами; в гривы лошадей были вплетены разноцветные ленты и подвязаны бубенцы. «Прямо с вокзала все новочеркасские гости направились в дом нахичеванского городского головы П.Е. Хатранова, где им предложен был чай, после чего гости отправились на спектакль» [6].

Городское общественное управление Нахичевани-на-Дону осуществляло непосредственное руководство и контроль за театральной жизнью города. С этой целью ежегодно Городская дума избирала театральную комиссию, которая в случае необходимости оперативно выносила на рассмотрение Думы возникавшие вопросы [7].

Первый театральный сезон, под руководством известного антрепренера и режиссера Н.Н. Синельникова прошел успешно, но, следующая антреприза артиста ростовской синельниковской труппы А.В. Анчарова-Эльстона оказалась провальной, по объективным и субъективным причинам. Подхватив остатки его труппы, артист Е.А. Беляев, пополнил труппу актерами на недостающее амплуа, пригласил на гастроли М.В. Дальского и Н.Д. Рыбчинскую, вторично начал нахичеванский зимний сезон 1900 – 1901 года 12 октября пьесой Островского «Гроза» [6].

Во время сезона 1902 – 1903 годов антрепренером нахичеванского театра был П.П. Струйский, создавший «чистенький и скромный ансамбль... сразу завоевавший симпатии театралов» [6]. У Струйского играли известные провинциальные актеры Н.Я. Пальчикова и Я.В. Орлов-Чужбинин, впоследствии один из любимейших актеров ростово-

нахичеванских театральных завсегдатаев. Публике были представлены «Три сестры» А.П. Чехова и «Сирано де-Бержерак» Ростана. Гвоздем сезона была пьеса Ростана «Орленок» с Орловым-Чужбинным в заглавной роли. Струйский закончил сезон с убытком в 7 тысяч рублей и пришел к убеждению, что «Нахичеванский театр сам по себе работать не может. Ему нужна поддержка из Ростова» [8].

Зимний сезон 1903-1904 Нахичеванский театр арендовал антрепренер С.И. Крылов, снявший Нахичевань, главным образом, для того, чтобы «не иметь под боком конкурента» [8]. Крылов ставил в Нахичевани спектакли два-три раза в неделю, чередуя драму с опереттой. Вскоре Крылов повздорил с театральной комиссией при Нахичеванской Городской думе. Крылов довел сезон до конца и от дальнейшей аренды нахичеванского театра отказался.

Делами театральной комиссии, фактически вершившей судьбу театра, ведал местный присяжный поверенный Г.И. Чубаров, считавший себя непререкаемым авторитетом в театральном деле, что неоднократно являлось причиной «антрепренерской лихорадки» нахичеванского театра. В Нахичеванском театре месяцами не давались спектакли профессиональными актерскими труппами.

На сезон 1905-1906 годов Нахичеванский театр был арендован Елизаветой Николаевной Горевой. Горева, драматическая актриса, дебютировавшая в возрасте 15 лет, в 1889 году создала свой театр. В театре Горевой играли: М.В. Дальский, П.М. Петипа, Н.П. Роцин-Инсаров, Л.И. Градов-Соколов, В.А. Сашин, Н.Н. Синельников и др. Театр не приносил дохода. Был распущен. Деятельность антрепренера Е.Н. Горевой в Нахичевани-на-Дону была крайне неудачной и ознаменовалась обращением актеров ее театра и рабочих сцены в полицейское управление с просьбой «уплатить хотя бы часть заработанных денег из залога антрепренера... Большая часть артистов осталась в очень тяжелом положении... Из имеющихся в полиции денег артистам придется получить по 2 коп. за рубль», как сообщал журнал «Театр и искусство» [8].

Последний антрепренер Нахичеванского городского театра Я.А. Белинский приглашал в труппу артистов, чьи имена были

на слуху в провинциальных театрах. У Белинского постоянно играли артистки Е.В. Чаруская, М.А. Светлова, А.К. Светлова, А.К. Якушева, Е.Г. Евгеньева; артисты А.М. Кречетов, М.Н. Стефанов, Г.В. Гентманов, П.А. Гарянов, Я.А. Белинский и др. Репертуар Белинского включал в себя как, ставшие классическими пьесы: «Гамлет», «Бесприданница», «Последняя жертва», «Женитьба Белугина», так и пользовавшиеся успехом пьесы Сумбатова-Южина (Сумбатян Александр Иванович) «Измена» и «Старый закал». Так же им были представлены театральные новинки: «Вера Мирцева» Л. Урванцева (мелодраматический детектив), экранизирован в 1915 г, «Тот, кто получает пощечины» Л. Андреева (1916-1917 г), «Осенние скрипки» И. Сургучёва, «Хорошо сшитый фрак» Г. Дрегели. Антреприза Белинского закончилась в Нахичеванском театре только лишь вследствие происшедших в России социальных изменений: нахичеванский театр был национализирован, и труппа Белинского составила ядро первого в Нахичевани советского театра.

В денежных отчетах Нахичеванской городской управы в графе «Доходы» стабильно показывалось отсутствие таковых.

На заседании Думы 17 января 1914 года обсуждался вопрос о постановке театрального дела в Нахичевани. Дебаты открылись речью гласного

Г. Чубарова, который вступил в полемику с гласным Н. Грибовым и подверг критике его доклад о постановке театрального дела в городе [7]. По мнению гласного Думы Н. Грибова необходимо было сократить субсидии антрепризам. Для этого театр необходимо сделать демократическим, привлечь в него широкие массы населения. Для привлечения широкой публики гласный предлагал устроить в зрительном зале синемаграф, а надзор за театральным делом возложить на театральную комиссию. Против этого предложения выступил гласный Г.Х. Чалхушьян: «...ни моя совесть, ни мои знания, – заявил он, – не могут стать на сторону Чубарова. Он нам говорит, что театр – это храм искусства, что он должен служить великим целям воспитания, и при этом предлагает заключить договор с Зарайской и Гришиным (их антреприза давала высокие сборы в рецензиях отмечался высокий уровень игры,

великолепные костюмы и декорации). Но разве мы не знаем, что дает населению двух городов содержимый ими Ростовский театр. Для сердца он дает яд, а для ума и того меньше...» [7]. Чалхушьян намекал на то обстоятельство, что Зарайская ставила не только классические пьесы. Репертуар был «на все вкусы».

После бурного обсуждения дума пришла к заключению, что театральное дело должно быть реорганизовано, но как это сделать, должна была решить думская комиссия. Дума избрала для разработки театрального вопроса комиссию, в состав которой вошли главные участники полемики – гласные Чубаров Г.И., Грибов Н.М., Алексанов И.Я., Шаповалов М.В., Военанов С.К..

Нахичеванцы любили театр, очень трепетно относились к выбору репертуара, ограничительные меры приводили порой к тому, что театральное здание часто простаивало, не принося городу дохода. Город выделял ежегодно средства на театральную субсидию по поддержанию технического состояния здания. С 1915 года театр получил деньги только на приспособление части здания для оборудования лазарета (1856 р. 95 к.) [5].

После революции и гражданской войны в 1920 г. театр был передан КОТу (комсомольскому театру), преобразованному в 1929 году в ТРАМ (театр рабочей молодежи). После войны в здании разместился Ростовский театр комедии, преобразованный в 1957 году в Молодежный театр драмы им. Ленинского комсомола. Официальной датой создания ТЮЗа имени Ленинского комсомола считается 23 февраля 1964 года, первой премьерой – спектакль «Чапаёнок». В 1997 году театр получил звание Академического, а в 2001 – стал называться Ростовским областным академическим молодежным театром [9].

В 1983 году была проведена реконструкция здания театра, благодаря которой общая площадь увеличилась более чем в два раза: были пристроены помещения производственных цехов, гримборных, малой и экспериментальной сцен. Изменился и репертуар театра – в нем стали появляться «неформатные» постановки, заставившие заговорить о Ростовском ТЮЗе, а затем о Молодежном театре, театральную общественность

России и зарубежья [5]. В современную историю театра вписали свои имена такие известные режиссеры, как Артур Хайкин, Юрий Еремин, Вячеслав Гвоздков, Владимир Чигишев, Кирилл Серебренников.

Литература

1. Романов Р.Р. Феномен провинциального театра : Экспериментальные площадки Хабаровского края : диссертация ... кандидата культурологии : 24.00.01. - Хабаровск, 2006. – 176 с.
2. Махлин М.Д. Парадокс времени: провинциальная ментальность в столицах // Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем : Тез. докл. I Конф. по ист. психологии рос. сознания (4-7 июля 1994 г., Самара) / [Редкол.: В. А. Шкуратов (отв. ред.) и др.]. - Самара : TOP, 1994. - 198 с. С.20.
3. Патканян Р.Г., Собр. соч., Т.5.С.421.
4. Генджян Е. Памяти великого артиста Петра Иеронимовича Адамяна (Очерк). 1903 г. - Ростов-на-Дону.2008.
5. Соколова М.Ю. Пояснительная записка и структура выставки «Таланты и поклонники. Нахичевань – на - Дону – город театралов» 2018. URL: <https://www.culture.ru/events/399997/vystavka-talanty-i-poklonniki-nakhichevan-na-donu-gorod-teatralov> (дата обращения 15.05.2021)
6. Перлин Б. М. Нахичеванский театр // Донской временник. Год 1999-й / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов-на-Дону, 1998. Вып. 9. С. 70-73. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m19/4/art.aspx?art_id=392 (дата обращения 15.05.2021)
7. Казарова Н.А. Нахичеванский театр и городская дума накануне первой мировой войны: к постановке вопроса // Культурная жизнь Юга России. 2018. № 1. С.45-49.
8. Цит. по: Щукина Е.Л. Театральная и музыкальная жизнь Дона в начале XX в. (1907-1917 гг.). Изд-во РГПУ. Ростов-на-Дону, 1997.-107 с.
9. Серебряный век донской столицы. Сб.материалов. URL: <https://docplayer.ru/45523994-Serebryanyy-vek-donskoy-stolicy.html> (дата обращения 15.05.2021) <https://www.culture.ru/events/399997/vystavka-talanty-i-poklonniki-nakhichevan-na-donu-gorod-teatralov> (дата обращения 15.05.2021)

НЕДОПЕТЫЕ ПЕСНИ, ЛЕТЯЩИЕ В НЕБЫЛЬ...
**(Стихи современных поэтов Северного Кавказа
в переводах ростовской поэтессы Розы Агоевой)**

*...Потому неустанно и денно, и ночью тружусь
И не жду за работу свою ни награды, ни славы.*

*Обо мне станет памятью
(может, когда-то дождусь?)*

*Весь мой песенный шелк,
что в подарок землянам оставлю.*

(Ильман Юсупов «Шелкопряд»)

В 1925 году в Ростове-на-Дону была создана Северо-Кавказская ассоциация пролетарских писателей (СКАПП), сплотившая вокруг себя литераторов Юга России. В числе членов организации были Григорий Кац, Коста Гатуев, Ванион Дарасели, Арсен Оганесьян и многие другие.

Многочисленные командировки по Ставрополью, Кубани, Чечено-Ингушетии, Осетии, Дагестану способствовали расширению литературного репертуара писателей, укрепляли связи между писателями, помогали взаимопроникновению литератур различных народов Северного Кавказа, увеличению числа переводов на русский язык. Органом, связующим многонациональную литературу СКАПП, стал журнал «Лава», созданный Александром Фадеевым. На его страницах впервые были напечатаны произведения Иллариона Мгеладзе, Ваню Дарасели, Валерия Варганова. Главное, что всегда отличало и отличает ростовскую писательскую организацию – это тесная связь с народами Северного Кавказа, связь, которая не прерывается уже несколько поколений.

Здесь следует отметить романтическую поэму Ваниона Дарасели «Киквидзе» [1] в переводе таганрогского писателя Ивана Ивановича Бондаренко, постановка которой с успехом шла во многих театрах СССР; стихи Арсена Оганесьяна в переводах Николая Скребова, Анатолия Софронова, Аршака Тер-Маркарьяна, Михаила Андриасова.

Благодаря послевоенному поколению поэтов, таких как Даниил Долинский, Виктор Стрелков, Александр Рогачев, Николай Скребов, Николай Егоров, Игорь Халупский, Елена Нестерова, мы смогли познакомиться со строчками калмыцких поэтов Ц. Леджинова, Х. Саят-Белгина, А. Джимбиева, Т. Бембеева, кабардинцев А. Браева, М. Кешта, чеченца З. Муталибова.

Активно занималась переводами с армянского и грузинского языков до недавнего времени поэтесса из Чалтыря Кнарик Хартавакян (1953-2019) [2].

Но особенно хочу обратить внимание на работу в этом направлении современной ростовской поэтессы Розы Агоевой.

Член Союза писателей России с 2012 года, поэт-переводчик Роза Аминовна Агоева [3] живет и работает в городе Ростове-на-Дону. Родилась она в селе Чегем Чегемского района Кабардино-Балкарии. После окончания восьмилетней школы поступила в педагогическое училище города Нальчик, которое окончила в 1984 году. Работала в детском саду родного села. Являлась членом методического объединения Чегемского района Кабардино-Балкарии. За хорошую работу была направлена министерством просвещения КБАССР в Ростовский педагогический институт. Первые публикации поэтессы появились в печати в 2000 году. В дальнейшем периодически печатается в газете «Вечерний Ростов», в альманахе «Вдохновение», журнале «Литературный Кисловодск», «Литературная Кабардино-Балкария», «Вайнах», альманахе «Дон и Кубань» [4, с. 102], в чеченской газете «Вести республики». Под одной обложкой с ростовским поэтом Игорем Антоновым издала три сборника стихов: «Два крыла» (2003 г.), «Дуэт» (2006 г.) и «Третий взлет» (2008 г.).

Работой по переводу произведений авторов Северного Кавказа на русский язык Р. Агоева занимается около 15 лет. Это – кабардинский, табасаранский, лезгинский, карачаевский, черкесский, балкарский, чеченский, абазинский, ингушский, армянский языки. Переводы Розы Аминовны максимально приближены к оригиналам, сохраняют интонацию и неповторимый ритм кавказской поэзии, ее удивительную напевность, былинность.

Вот опять я на вершине горной –
«Девятьсот десятой высоте» [5],
Где и ветер, злой и непокорный,
Завывает с болью о тебе...
...Мне черкеска заменила саван
Не один такой я, много нас,
Шедших в ратный бой не ради славы,
Встретивших достойно смертный час.

Хусейн Гедгафов «Белые кости» (пер. с кабард.)

По-настоящему талантливый поэт Роза Аминовна пропускает каждое стихотворение через себя. Будучи носителем кабардинского, адыгейского, черкесского языков, как никто другой она чувствует их. Замечательно, что можно послушать оригинал стихотворения в исполнении поэтессы и сразу же русский вариант в ее переводе. Читая наизусть, например, стихотворение на кабардинском языке, поэтесса передает во всех красках красоту языка, его самые тонкие оттенки, лиризм и мелодику.

...Подлость и жестокость расставляют сети,
Братья, став врагами, проливают кровь...
Нормой жизни стало ожиданье смерти,
На курок нажал и... приговор готов...

Для чего же нужно на Земле оружие,
Оборвать способно жизни краткий миг
И, что все святое в одночасье рушит,
То, что в ад кромешный превращает мир?!

Людмила Загаштокова «Думы матери» (пер. с кабард.)

Каждое стихотворение в переводе Розы Агоевой – это находка. К огромному сожалению, мы очень мало знаем о современных поэтах Северного Кавказа. И большая заслуга Розы Аминовны в том, что она открывает нам эти имена, дает возможность читателю узнать, чем дышат, о чем думают поэты, кому и чему посвящают свои стихи. Например, переводы произведений Эльмиры Ашурбековой и Рахмана Рагима с табасаранского языка, который является одним из самых сложных в мире:

Нежными нитями птичьего щибета
Вышито утро. Прекрасен Дербент.
Чьей-то рукою задвинута трепетно
Штора ночная за горный хребет...

Эльмира Ашурбекова «Лето» (пер. с табасар.)

На лугу сегодня в темноте ночной
Исполняет осень танец неземной.
О, своим подолом мне лицо закрой,
Умоляю, осень, заberi с собой!

Рахман Рагим «На лугу» (пер. с табасар.)

У ростовского писателя-краеведа Иосифа Гегузина есть книга о поэтессе Елене Ширман, которая называется «Читая сердце поэта» [6]. Мне кажется, что эту фразу можно применить и к Розе Агоевой. Она именно читает сердца переводимых ею авторов. Событийно-повествовательная специфика горской поэзии, присущая эпосу, ярко отражена в переводах Р. Агоевой, например, в стихотворении Муссы Биджиева «Мама» [7]:

Погладь мою голову, мама,
Что стала до срока седой
Весь путь до семейного храма
Мечтал я о встрече с тобой!
Погладь меня, мама... Руками
Тревоги ты сводишь на *нет*,
Снимаешь с души моей камень,
Даруешь спасительный свет.
Спой песню, которую часто
Отец мой любил напевать!
Мы поровну беды-несчастья
Разделим, присев на кровать.
Твоим убеждениям страстным
Я в детстве поверил тогда:
Что летом отец мой из странствий
С подарком вернется сюда...
Нет-нет! Не прощу я судьбине
Гонений отца-сироты!
По воле ее на чужбине
Он жил в ожиданье беды.

Останется в памяти ангел,
Сказавший мне, пряча глаза:
«Отец не в безвестие канул –
Он умер... дай волю слезам!»
О! Как несмышленным ребенком
Хочу оказаться на миг,
Который в рыдании громком
К груди материнской приник...
Вернуться ребенком тем самым
В тот горестный вечер с тобой...
Погладь мою голову, мама,
Что стала до срока седой...

Не секрет, что поэты Северного Кавказа пишут не только о любви и природе, их интересует история родины, будущее народа и собственная судьба, они сопереживают всему, что происходит в мире. И именно гражданской лирике Р. Агоева уделяет особое внимание. Она полностью растворяется не только в тексте стихотворения, но и в культуре, обычаях народа, переводимого ею произведения.

Об одном из авторов переводов Розы Аминовны мне захотелось узнать подробнее. Это – Асет Халикова, член Союза писателей Чеченской Республики. Она окончила аспирантуру Чеченского государственного университета, и является автором нескольких научных статей по лингвистике чеченского языка [7]:

Моя жизнь словно след,
Что ведет от рожденья до тризны...
Как дорога... на ней почему-то всегда я одна.
Где же радости свет?
Свет Надежды, Любви в моей жизни?
И когда, наконец, засияет удачи звезда?!

Асет Халикова «Дороги жизни» (пер. с чечен.)

Большое влияние на нравственное становление Асет Халиковой оказала бабушка, с которой она до сих пор советуется. Род Халиковых был депортирован, после

возвращения на родину семья обосновалась в селе Новый Шарой Ачхой-Мартановского района.

Асет Хусейновна уверена в том, что писательская стезя сама выбрала ее, приведя к Учителям, которые увидели искру таланта в девушке. *«Именно литературный путь привел меня к ним, – делится с читателями поэтесса. – Возможно все события, происходившие с моим народом, сделали меня именно такой, какой я являюсь сегодня. То, что было внутри меня, мои мысли я благодаря литературе могла раскрыть окружающим меня людям... Самое главное для писателя быть человеческим. Как ты уважаешь себя, так же ты должен уважать окружающих. То, чем тебя одарил Всевышний, твоя прямая обязанность перед ним принести этим пользу людям... Моя жизнь, жизнь моего народа неразрывно переплетены. Его боль – моя боль, это и является темой моих произведений. Само наше существование является источником слез, горя, радости каждого человека, и, как следствие, оно диктует, о чем писать и как творить. Люди чутко чувствуют фальшь, лицемерие, только искренность вызывает отклик в их сердцах. Это отразилось в моих произведениях «Дахаран цхьамза» («Стрелы жизни»), «Дахарх ойланаи» («Размышления о жизни») и др.» [Там же].*

Моя жизнь, как вопрос,
Состоящий из кучи вопросов,
У порога стоит и никак не отыщет ответ.
Жизни путь мой зарос...
А душа в одиночестве просит,
Умоляет судьбу подарить избавленье от бед.

А. Халикова. «Дороги жизни» (пер. с чечен.)

Литература

1. *Дарасели Ванион* Киквидзе. Романтическая поэма. Пер. И. Бондаренко. Ростов-на-Дону, 1939.

2. *Хартавакян Кнарик Саркисовна* (1953-2019). На рубеже стремительных столетий. Стихотворения 1990-2010-х годов, переводы с армянского и грузинского. Ростов-на-Дону, 2013. <http://donpisatel.ru/pagememory/955/>

3. *Агоева Роза Аминовна* <http://donpisatel.ru/members/223/>

4. *Агоева Р., Антонов И.* Стихи // Дон и Кубань. Литературно-художественный альманах Юга России 2012, № 1 (14) март.

5. 910-я высота – условное название горы Махуэзгэпс в Кабардино-Балкарии, где в 1943 году шли ожесточенные бои с немецко-фашистскими захватчиками.

6. *Гегузин И.* Читая сердце поэта. Страницы жизни и творчества Елены Ширман. Ростов-на-Дону, 1996.

7. *Агоева Р.* Кавказская тетрадь. Стихи. <https://www.rospisatel.ru/agojeva-perevody.htm>

8. *Ахмадова Ева.* Моя жизнь как вопрос: О творчестве Асет Халиковой // «Вестник республики». 2014 № 149. <http://vesti95.ru/2014/08/moya-zhizn-kak-vopros/>

Е.А. Килафян

РОДНАЯ ПРИРОДА В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ДОНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Родина, родной край... Эти слова очень дороги каждому человеку. Родина у нас с вами одна – Россия. Но у каждого из нас есть и малая родина – место, где ты живешь. Это место, где ты родился, сделал первые шаги, сказал первое слово. Наша малая родина – это Донской край.

С давних времен в песнях, стихах и прозе люди воспевали красоту Донского края. Донским наш край назван потому, что здесь протекает река Дон, пятая по протяженности река Европы. Ростовская область расположена в степной зоне, возле оврагов и балок находятся леса.

Наши донские писатели Антон Павлович Чехов, Михаил Александрович Шолохов, Виталий Александрович Закруткин и др. очень вдохновенно описывали нашу донскую природу. Природный мир запечатлен в пленительных пейзажах рассказов, повестей и романов донских мастеров слова. Эти пейзажи отличаются необычной красотой, поражают удивительной поэтической зоркостью и наблюдательностью.

Природа в произведениях Михаила Александровича Шолохова составляет огромный и разнообразный мир. «Родимая степь над низким донским небом, курган в мудром молчании, берегущие зарытую казачью славу... Низко кланяюсь

и по-сыновьи целую твою красную землю... донской нержавеющей кровью полита степь...», – писал М.А. Шолохов в романе «Тихий Дон». В этом произведении картины природы означают и символические образы, и описание состояния героев: «С юга двое суток дул теплый ветер. Сошел последний снег на полях. Отгрели пенистые вешние ручьи, отыграли степные лога и речки. На заре третьего дня ветер утих, и пали под степью густые туманы, засеребрились влагой кусты прошлогоднего ковыля, потонули в непроглядной белесой дымке курганы, буераки, станицы, шпили колоколен, устремленные ввысь вершины пирамидальных тополей. Стала над широкой донской степью голубая весна». Пейзаж в романе «Тихий Дон» М.А. Шолохова выполняет различные функции: он не только раскрывает характеры и внутреннее состояние героев, но и поэтизирует события: «Шуршали на кукурузных будылях сохлые листья. За холмистой равниной переливами синели отроги гор. Около деревушки по нажитям бродили рыжие коровы. Ветер клубил за перелеском морозную пыль. Сонлив и мирен был тусклый октябрьский день; благостным покоем, тишиной веяло от забрызганного скупым солнцем пейзажа. А неподалеку от дороги в бестолковой злобе топтались люди, готовились кровью своей травить сытую от дождей, обсемененную, тучную землю».

В приведенном отрывке несложно проследить любимые М.А. Шолоховым донские просторы. Пейзаж в произведениях М.А. Шолохова одушевлен, например: «ветер казакует», «вода ворковала», «полая вода стояла как замороженная», «вода клокотала как бешеная», «степь оделась серебром». Он помогает раскрыть чувства, настроения героев, передать их отношение к происходящим событиям. Роман «Тихий Дон» – великое произведение, описывающее жизнь донского казачества и Донской край. Шолоховские пейзажи открывают красоту и богатство донской природы. Критики насчитывают в «Тихом Доне» около 250 описаний природы.

Вот как описывает пейзажи Донского края великий русский писатель Антон Павлович Чехов, классик мировой литературы, в своем рассказе «Степь»: «Между тем перед глазами ехавших расстилалась уже широкая, бесконечная равнина,

перехваченная цепью холмов. Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в возвышенность, которая тянется вправо от дороги до самого горизонта и исчезает в лиловой дали; едешь-едешь и никак не разберешь, где она начинается и где кончается... Солнце уже выглянуло сзади из-за города и тихо, без хлопот принялось за свою работу. Сначала, далеко впереди, где небо сходится с землею, около курганчиков и ветряной мельницы, которая издали похожа на маленького человечка, размахивающего руками, поползла по земле широкая ярко-желтая полоса; через минуту такая же полоса засветилась несколько ближе, поползла вправо и охватила холмы; что-то теплое коснулось Егорушкиной спины, полоса света, подкравшись сзади, шмыгнула через бричку и лошадей, понеслась навстречу другим полосам, и вдруг вся широкая степь сбросила с себя утреннюю полутьму, улыбнулась и засверкала росой».

А.П. Чехов любил и глубоко чувствовал природу – и весеннее таяние снега, когда «в душу уже просится весна», и «нежное прикосновение цветка, коснувшегося щеки, как ребенок, который хочет дать понять, что не спит», и томительную духоту знойного июльского полудня, и жалобный плач метели в зимнюю ночь, «в которой звучал не призыв на помощь, а тоска, сознание, что уже поздно, нет спасения». В своей Мелиховской усадьбе Антон Павлович занимался посадкой цветов и деревьев. С особым увлечением он разводил фруктовый сад. «Питаю слабость к фруктовым деревьям», – писал он. Совершенно исключительное тяготение было у него к цветам. Он с любовью ухаживал за ними, приговаривая: «если бы не литература, я мог бы быть садовником».

Из близкого общения писателя с природой, из его увлечения садами, цветами вырастает в творчестве А.П. Чехова самый поэтический образ природы – образ сада как символа жизни. Этот образ проходит через многие произведения великого писателя.

Виталий Александрович Закруткин из детских лет на страницы своих произведений вынес запахи степных трав, конского пота, картины людских дел и страданий. С ранних лет он соприкасался с народной мудростью, постигал житейский

опыт от простых тружеников земли. Благодаря этому он научился видеть красоту каждой травинки. От казаков-земледельцев писатель перенял умение трудиться в поле, скакать на коне, ловить рыбу, у них научился угадывать погоду по мерцанию звезд, по росе на травах, по оттенкам солнечного заката. Чтобы в полную силу ощущать нежную трепетную любовь В.А. Закруткина к природе, нужно прочитать его рассказ «Подсолнух». Никто не смог так же красочно описать степь, как это сделал Виталий Александрович: «Сидевшему у порога кибитки отцу видна была озаренная полднем солнцем степь, и вся она была полна неизъяснимой живой красы: с легким колыханием серебрились вокруг сочные травы, цвели цветы, пощелкивали, высвистывали, пели птицы, на тысячи ладов стрекотали бесчисленные кузнечики; вверху, резко очерченный на чистой лазури, распластав метровые крылья, недвижно парил охристо-бурый орел; а там, дальше, куда еле достигал человеческий взор и где голубое небо почти невидимо сходилось с такой же голубой землей, за трепетной завесой легкого марева призрачно мерцали мороки – чародейные степные видения: казалось, что на краю степи, зеркально поблескивая, текут широкие реки, разливаются безбрежные озера, прохладные ерики».

В своем произведении «Степь горит» Александр Арсентьевич Бахарев так описывал степь: «Сухая, знойная степь. Достаточно одной искорки – и метнется косматое пламя в даль, раздуваемое ветром. Как не остерегались степняки, но пожар полыхнул на отгонных пастбищах приозерья. Вспыхнув где-то в бурунах, он незримо прополз огненными змеями меж песчаных увалов и, выбравшись на ковыльный простор, загудел, закрутился бушующими вихрями пламени, дыма, пепла.

– Люди! Степь горит! – тревожным набатом неслось по приозерью, опережая огонь и ветер.

Люди высыпали на улицы, смотрели в степь. Там, у самого горизонта, разрывая иссиня-сизую пелену, билось кровавое зарево. В его отблесках были видны грядки лесополос и силуэты кошар, а над ними, в высоком небе тревожные птичьи стаи, как черные кружащиеся смерчи.

Страшен пожар в степи! Подобно горящей нефти на море, неудержимо катится огненный вал по безбрежному простору, все ширясь, захватывая массив за массивом. Кто и как преградит путь всепожирающему огню?

Никнут деревца, опаленные пламенем. Вспыхивают искрами ковыль и житняк. Почуяв прогорклый запах дыма, суслик покидает нору, волк и лисица бегут из густых бурьянов, гонимые страхом. Чабан, заметив пожар, сбивает отару на тырло. А неугомонный огненный вал идет и идет, выжигая все на своем пути. Только водная преграда и рука человека могут остановить этот страшный вал».

Природа для отечественных писателей и поэтов не просто среда обитания, она – источник доброты и красоты. В их представлениях природа связывается с истинной человечностью, которая неотделима от сознания своей связи с природой. Донские писатели, как убежденные ценители подлинной красоты, доказывают, что влияние человека на природу не должно быть губительно для нее, ведь каждая встреча с природой – это встреча с прекрасным, прикосновение к тайне. Любить природу – значит не только наслаждаться ею, но и бережно к ней относиться. Знакомство с природой родного края в разное время года в произведениях донских писателей и поэтов помогло нам отразить литературные образы природы, а мир книг позволил увидеть всю красоту Донщины.

Вот что писал наш земляк Виталий Александрович Закруткин: «Край родной! Прославленный в песнях Дон. Песчаные его закосы, тополевые леса и вербы на берегах. Крутые яры правобережья, с которых далеко видны уплывающие баржи, теплоходы, быстрокрылые корабли, возделанные человеком поля, пышные сады, виноградники. Где бы я ни был, душа моя тянется к тебе, любимая земля, и я счастлив тем, что живу здесь».

Литература

1. *Громов М.П.* Сады и степи Антона Чехова // М.П. Громов Книга о Чехове. М., 1989.
2. *Закруткин В.А.* Повести и рассказы. М., 1981.

3. *Камянов В.И.* Наедине с природой: [А.П. Чехов] // В.И. Камянов *Время против безвременья.* М., 1989.
4. *Шолохов А.М.* Музей-заповедник: экология и культура. Материалы шестой Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2015.
5. *Шолохов М.А.* Тихий Дон // М.А. Шолохов. *Собрание сочинений.* М., 1978.

М.Е. Журавлева (г. Москва)

**«МОЙ ТРУД – ТРУД СОБИРАТЕЛЯ»
(Творческое наследие и вклад в культуру
многонационального Донского края выдающегося
фольклориста, музыканта, ученого А.М. Листопадова)**

Казалось бы, что нет проще задачи пересказать биографию известного лица, жившего относительно недавно. Однако исследователя, взявшегося изучить жизнь А.М. Листопадова, – ученого, музыканта, фольклориста, – поджидают на этом пути загадки и «белые пятна».

Сын Донской земли Александр Михайлович Листопадов родился 6 (18) сентября 1873 года. Большинство известных авторов, таких как И.М. Гегузин [1], Г. Сердюченко [2], М.А. Никулин [3, с. 303-306] и др., утверждают, что он родился в станице Екатерининская (ныне Краснодонская). Однако документы, в частности, архивная справка о месте рождения, опровергают эти данные [см.: 4, с. 160; 5]. Александр родился в хуторе Чекалов в семье священника. С 1884 г. по 1887 г. учился в Новочеркасском духовном училище. Затем, следуя семейным традициям и желая дать детям хорошее серьезное образование, отец отдал Александра и его братьев Василия, Алексея и Михаила в Донскую духовную семинарию.

Помимо общеобразовательных дисциплин и предметов религиозно-нравственной направленности большое внимание в семинарии уделялось изучению иностранных языков, чтению и музыке, в частности, хоровому пению.

В семье Листопадовых было много музыкально одаренных людей, да и сам Саша с детских лет тянулся к музыке, играл на

балалайке, гитаре, скрипке, фортепиано. Здесь звучали и церковные песнопения, и народные казачьи песни, и классические произведения [6, с. 11-12]. Поэтому неудивительно, что Александр, обладая недюжинными музыкальными способностями, не только пел в семинарском хоре, но и дирижировал, исполняя обязанности регента [7, с. 32]. Вероятно, в эти годы Александр написал несколько песнопений литургии «Отче наш», «Милость мира» и «Тебе поем», «Достойно есть», «Иже херувимы», «Отца и сына». Сейчас они хранятся в рукописном отделе Российского национального музея музыки [7, с. 32-33; 8].

Александр Листопадов закончил учебу в семинарии в 1894 году. Еще восемнадцатилетним юношей он увлекся собиранием народных песен родного Донского края. Первые записи, собранные преимущественно от казавшихся наиболее голосистыми полугородских молодых казаков, были обработаны им в духе общепринятой гармонии. Решив опубликовать их, А.М. Листопадов обратился к книготорговцам. Один из них посоветовал юноше дать эти записи какому-нибудь профессору Петербургской консерватории для написания аккомпанемента. Это отрезвило молодого собирателя. Он понял, что гармонизация и обработка народной полифонической музыки не укладываются в рамки привычного восприятия. Юноша уничтожил большую часть первоначальных записей. В дальнейшем Александр Михайлович считал началом своей исследовательской работы 1894 год. А.М. Листопадов изучал все изданные к тому времени труды по фольклористике и сборники народных песен, знакомился с трудами видных музыковедов, этнографов, знатоков песенного народного творчества, таких как М.А. Балакирев, Ю.Н. Мельгунов, Н.Е. Пальчиков, В.П. Прокунин, Н.М. Лопатин, Е.Э. Линева и др. В основном народная песня в их трудах выглядела приглаженной, плоской, в привычном фортепианном изложении, не дающем представления о строе и подлинном звучании, к которому с детства приобщился Александр на родных казачьих просторах. Даже в сборниках Ю.Н. Мельгунова «Русские песни, непосредственно с голоса народного записанные и объясненные» (1879) и

Н.Е. Пальчикова «Крестьянские песни, записанные в Уфимской губернии» (1888), несмотря на попытки авторов показать многоголосное исполнение, вместо одновременной записи разных голосов давалось сведение подголосочных вариантов как отдельных мелодий, между которыми не было связи. Первым по времени сборником, по словам А.М. Листопадава, «дающим многоголосную русскую песню», стал изданный в 1889 году «Сборник русских лирических песен» Н.М. Лопатина и В.П. Прокунина, но к их труду не проявили должного интереса ни исследователи, ни собиратели [9, с. 52]. Стереотипы восприятия народной песни были настолько сильны (впрочем, они встречаются и поныне), что никто не уделял особого внимания многоголосию народных песен.

В 1902 году А.М. Листопадов, записавший уже порядка 400 песен с напевами, включился в работу Московской музыкально-этнографической комиссии Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, куда входили известные композиторы Н.А. Римский-Корсаков, С.И. Танеев, А.К. Лядов, М.М. Ипполитов-Иванов, музыканты-этнографы В.П. Прокунин, А.Д. Кастальский, Е.Э. Линева и др. 4 февраля он выступил здесь с первым докладом о своей собирательской работе. Его труд оценили по достоинству, и А.М. Листопадов был избран членом музыкально-этнографической комиссии. Вскоре Александр Михайлович принял активное участие в устройстве Новочеркасского Донского музея истории, археологии и этнографии.

А.М. Листопадава не покидала мечта о длительной песенной экспедиции. И вскоре этой мечте было суждено осуществиться. В начале 1902 года член Кубанского и Терского статистического комитета, собиратель казачьих песен Аким Дмитриевич Бигдай представил военному министру докладную записку с обоснованием необходимости собирания во всех казачьих войсках народных песен. Министр отдал соответствующее распоряжение, и А.М. Листопадову пришло письмо с предложением принять участие в первой донской экспедиции. Подготовка к экспедиции, переговоры относительно условий ее проведения заняли достаточно долгое время, но, тем не менее,

18 октября 1902 года А.М. Листопадов со своим товарищем по семинарии Сергеем Арефиным, вооружившись тогдашней новинкой для звукозаписи – фонографом, отправились в путь [6, с. 24-43].

Перед собирателями стояла непростая задача: записать ранее неизвестные и никем не записанные песни, отыскать среди знакомых напевов самые редкостные и древние, причем текст и мелодия впервые записывались одновременно. Весть о том, что ученые люди приехали слушать песни, «старинушку», быстро облетела станицы и, несмотря на страх перед диковинной машинкой, станичники всячески старались показать свое умение и мастерство, чтобы не опозориться перед соседями и приезжими.

Фольклористам приходилось нелегко. Денег, выделенных статистическим комитетом, катастрофически не хватало. Однако результаты превзошли все ожидания. Экспедиция, состоявшая из трех этапов, продлилась почти девять месяцев. Протяженность пройденного ею пути составила более 2600 километров. Записи велись в 99 населенных пунктах. Итог – 720 песен (703 народных казачьих и 17 старинных калмыцких). Часть экспедиционных материалов А.М. Листопадов издал под названием «Донская казачья песня» с приложением очерка «Народная казачья песня на Дону» и карты области Войска Донского с маршрутом песенной экспедиции.

Чтобы расширить свои музыкально-теоретические знания и научный кругозор, в 1903 году А.М. Листопадов поступил в Московскую консерваторию, а в 1904 году на филологический факультет Московского университета. Не раз он возвращался на Дон, уточнял записи, сделанные ранее, записывал новое. За сборник «Песни донских казаков», вышедший в 1911 году, А.М. Листопадов был награжден золотой медалью и премией. В 1907 году, за три месяца до окончания консерватории, за участие в студенческих волнениях А.М. Листопадов был выслан в Саратов, где преподавал пение и географию в женских гимназиях, работал в Саратовской консерватории до 1920 года. Здесь он записал ряд песен Поволжья – русских и татарских [2, с. 19].

После Гражданской войны из расформированного Новочеркасского Войскового казачьего хора А.М. Листопадов создал певческую капеллу. В 1923 году он дирижировал созданным им музыкальным драматическим коллективом, в 1925 году поставил оперы «Аида» Д. Верди и «Князь Игорь» А. Бородина, преподавал в Донском педагогическом институте и музыкальном техникуме.

В 1934 году А.М. Листопадов принял приглашение Народного комиссариата просвещения Таджикской ССР и на два года уезжал в Таджикистан, где записывал песни народов Средней Азии, а также преподавал в музыкальных учебных заведениях.

С 1936 года Александр Михайлович трудился в Ростове-на-Дону, где создал хор донских казаков. Он собирался в очередную экспедицию, но началась война. Александр Михайлович был в списках на эвакуацию, но не хватило места на его бумаги с записями, и они с женой Ниной Ивановной ушли пешком в станицу Кумшацкую, которая сейчас находится на дне Цимлянского водохранилища. Свои записи Александр Михайлович вел даже во время оккупации. В Ростове-на-Дону его квартиру разгромили немцы. Все восковые валики фонографа, многие письма и документы были уничтожены. Но А.М. Листопадов продолжал начатую до войны работу над трудом всей своей жизни – пятитомным изданием «Песни донских казаков». Этот сборник увидел свет лишь в 1949-1954 гг., уже после смерти собирателя. Даже на сегодняшний день этот труд является крупнейшим собранием народных песен с нотами.

Александр Михайлович Листопадов скончался 14 февраля 1949 года в Ростове-на-Дону после продолжительной болезни, отдав свыше пятидесяти лет своей жизни собиранию и изучению народного творчества.

Всего А.М. Листопадов совершил пятнадцать выездов в различные районы страны и записал 1800 песен разных национальностей, из которых более 1200 казачьих с напевами, с полным циклом свадебных песен и с подробным описанием обряда казачьей свадьбы на Дону. Туда вошли 38 песен казаков-некрасовцев, записанных от стариков в 1940 году. Это песни

казаков, которые во главе с атаманом Игнатом Некрасовым бежали от церковных гонений в 1708 году с Дона в Турцию и уже в XX веке возвратились обратно в Россию. На чужбине они почти в неприкосновенности сохранили язык и мелодику старинных донских песен. А.М. Листопадовым также записано порядка 70 донских украинских песен, 70 русских (в Орловской, Пензенской, Саратовской и Московской губерниях), 350 таджикских, нотировано более 30 калмыцких песен. Издан сборник «Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 года» [10, с. 541-560]. Этот сборник – первая публикация песен донских калмыков, в нем зафиксирован уникальный материал. Стилистическое своеобразие собранных текстов протяжных песен связано с военной тематикой, «определявшей основу жизненного уклада калмыков, входивших в состав Войска Донского» [11].

«Для почти пятидесятилетней работы это, конечно, немного, – писал А.М. Листопадов незадолго до смерти в своих «Автобиографических заметках». – Но нужно иметь в виду, что в своей собирательской работе я никогда не отделял текста от напева... В свои сборники я никогда не включал песен, записанных другими собирателями» [9, с. 35].

Труды Александра Михайловича Листопадова, его вклад в отечественную науку, краеведение, в межнациональные отношения и связи, поистине неосценимы. Однако имя его сегодня известно, пожалуй, лишь узкому кругу фольклористов, краеведов и почитателей казачьей песни. Парадоксальная ситуация: человек, прославивший Дон, донскую казачью песню, которую распевают во всем мире, предан забвению. Его могила на Армянском (ныне: Пролетарском) кладбище была разбита вандалами, стела с барельефом уничтожена, скромный памятник за свой счет (!) установил бывший директор Армянского кладбища в Ростове-на-Дону. И ни фольклористы, ни казаки, активно использовавшие и эксплуатирующие его труды, не принимали в этом участия. Сейчас могила А.М. Листопадова, «охраняющаяся государством», поддерживается благодаря стараниям работников кладбища и автора данной статьи. До сих пор не изданы и не известны широкому кругу читателей достоверные материалы биографии Александра Михайловича,

его дневники, фотографии, труды его несомненно востребованные, не переиздаются. Даже в библиотеке, названной именем А.М. Листопада в Александровке, нет ни полноценных материалов о его творчестве, фотографий, книг, ни его трудов. И дело тут не столько в средствах, выделяемых государством. Дело в памяти народной. «А что песня? Песня живет сама по себе!», считают многие. Но, как известно, не стоит быть «иванами, не помнящими родства». Будем надеяться, что имя великого фольклориста, патриота Донского края Александра Михайловича Листопада еще заслуженно засияет на небосводе Родины яркой звездой.

Литература

1. *Гегузин И.М.* А.М. Листопадов (К 75-летию со дня рождения). Ростов-на-Дону, 1948.
2. *Сердюченко Г.* А.М. Листопадов. М., 1955.
3. *Никулин М.А.* Фольклорист-музыкант, художник: А.М. Листопадов // Люди земли Донской: очерки. Ростов-на-Дону, 1983.
4. *Рудиченко Т.С.* По следам экспедиций А.М. Листопада // Культура Донского края: страницы истории. Сборник научных трудов. Ростов-на-Дону, 1993.
5. Российский национальный музей музыки. Ф. 147, ед. хр. 517.
6. *Гегузин И.М.* Влюбленный в песню. Очерк. Ростов-на-Дону, 1974.
7. *Дабеева И.П.* Донская духовная семинария в годы учебы А.М. Листопада // Просвещение, миссия, образование в истории Донской (Ростовской) епархии. Материалы церковно-исторической конференции Ростовского-на-Дону ЦДО ПСТГУ. Ростов-на-Дону, 2006.
8. Российский национальный музей музыки. Ф. 147, ед. хр. 131-136.
9. *Листопад А.М.* Автобиографические заметки // Советская музыка. 1948. № 7 [сентябрь].
10. *Листопад А.М.* Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 года. Публикация В.К. Шивляновой // Из истории русской фольклористики. Вып. 4-5. СПб., 1998.
11. *Дорджиева Г.А.* Калмыцкие протяжные песни, опыт структурно-типологического и историко-стилевого исследования //

Автореферат дис. на соиск. учен. степени кандидата искусствоведения. СПб, 2000.

12. Добровольский Б.М. Работа А.М. Листопадава над песенным фольклором донских казаков // Народная устная поэзия Дона. Ростов-на-Дону, 1963. С. 230-248.

13. Никулин М.А. А.М. Листопадов и его песенное наследие // Народная устная поэзия Дона. Ростов-на-Дону, 1963. С. 416-417.

14. Никулин М.А. Погожая осень. Ростов-на-Дону, 1973.

15. Никулин М.А. Собиратель донской песни, композитор (К 90-летию со дня рождения А.М. Листопадава) // Молот, 1963. № 220, 18 сентября.

16. Лунин Б. А.М. Листопадов // Советская этнография, 1949, № 3. С. 212-213.

17. Суичмезов А.М. Жизнь для песни народной // На всю жизнь: Рассказы, повесть, очерки. Ростов-на-Дону, 1981. С. 232-238.

18. Назаревский П. Собиратель донских песен / А.М. Листопадов // Советская музыка, 1941, № 2. С. 66-69.

И.В. Савчук (г. Старая Русса)

**ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М.С. ШАГИНЯН
И ЕЕ МНОГОГРАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
НАПРАВЛЕННЫЕ НА УКРЕПЛЕНИЕ
ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

*Без дружбы никакое общение
между людьми не имеет ценности*
Сократ

2 апреля исполнилось 133 года со дня рождения Мариэтты Сергеевны Шагинян. Как отрадно, что именно 2 апреля наше Старорусское отделение рахманиновского общества «Семеново» вспоминало эту великую поэтессу и писательницу вместе с великим русским композитором Сергеем Васильевичем Рахманиновым, которому исполнилось 148 лет со дня рождения. На протяжении многих лет они были друзьями. И примечательно, что все это проходило на родине С.В. Рахманинова, на Старорусской земле, в комнате-музее «Родина Рахманинова».

У Мариэтты Шагинян удивительная судьба. Поэтесса Серебряного века, первый советский писатель-фантаст, искусствовед, журналист – десятки лет она публиковалась в газетах «Правда» и «Известия», русская и советская писательница армянского происхождения, прозаик, историограф, Герой Социалистического труда, член-корреспондент АН Армянской ССР, лауреат Сталинской премии третьей степени и Ленинской премии.

Мариэтта Сергеевна Шагинян родилась 2 апреля 1888 года в городе Москве в семье врача Старо-Екатерининской больницы, приват-доцента кафедры диагностики внутренних болезней Императорского Московского университета Сергея (Саркиса) Давыдовича Шагиняна и его жены, уроженки Нахичевани-на-Дону Пепронии Яковлевны Шагинян (урожденной Хлытчиевой), во втором браке Болдыревой.

Предки отца М.С. Шагинян вышли из города Измаила, откуда при Екатерине II группа армян во главе с ее прадедом, «врачевателем Макарием Шагинянцем», была приглашена заселить новый городок Григориополь, созданный Г.А. Потемкиным на молдавской земле. Город Нахичивань-на-Дону, где родилась ее мама, тоже был построен армянами в Екатерининское время. По отцу и матери она принадлежала к так называемым русским армянам, на протяжении нескольких веков не живших на армянской земле. Родным языком для Мариэтты Шагинян был русский – «язык русской интеллигенции» [1]. Она получила полноценное домашнее образование, училась в частном пансионе, затем – в гимназии Ржевской. В 1902-1903 гг. училась в Екатерининской женской гимназии в Нахичевани-на-Дону. В 1906-1915 гг. писала статьи для газет и других печатных изданий Москвы и Юга России.

В 1912 году она окончила историко-философский факультет Высших женских курсов В.И. Герье. В 1912-1914 гг. изучала философию в Гейдельбергском университете.

В 1915-1919 годах М.С. Шагинян была корреспондентом газет «Приазовский край», «Черноморское побережье», «Трудовая речь», «Ремесленный голос», «Кавказское слово», «Баку». В 1915-1920-м годах жила в Ростове-на-Дону, преподавала в местной консерватории эстетику и историю

искусств. В 1919-1920 годах работала инструктором Доннаробраза и директором 1-й прядильно-ткацкой школы.

Затем переехала в Петроград, в 1920-1923 годах была корреспондентом «Известий Петроградского Совета» и лектором Института истории искусства. В 1922-1948 годах работала специальным корреспондентом газет «Правда» и «Известия».

С 1927 по 1931 гг. Мариэтта Сергеевна жила и работала корреспондентом в Советской Армении.

С 1931 года М.С. Шагинян жила в Москве. В 1930-х годах училась в Плановой академии Госплана. Годы Великой Отечественной войны провела на Урале корреспондентом газеты «Правда».

Не было такого литературного жанра, начиная с небольшого стихотворения и кончая эпической тетралогией, что был бы ей не под силу. Трудолюбивая и эмоциональная М.С. Шагинян страстно бралась за все новое в любом возрасте. Работая над очерками об Армении, она спускалась в самые глубокие недра рудников в Зангезуре и поднималась на самую высокую – 4090 метров над уровнем моря – гору Арагац, став первой женщиной, получившей диплом альпиниста.

Творчество М.С. Шагинян охватывает различные области жизни. Она выступала и как знаток музыки, и литературный критик, исследователь, и путешественник, беллетрист. Начав литературную деятельность в 1903 году, М.С. Шагинян опубликовала свыше 70 книг романов, повестей, рассказов, очерков, стихов и свыше 300 печатных листов статей, рецензий, докладов. Среди наиболее известных ее трудов – сборник стихов «Orientalia», многочисленные сборники очерков и статей, знаменитая «Лениниана», роман «Своя судьба», были «Перемена», «Зарубежные письма», «Путешествие по Советской Армении», воспоминания «Человек и время». Кроме того, ее перу принадлежат научные монографии о Гёте, Тарасе Шевченко, Низами Гянджеви, Иозефе Мысливечке. Она – автор первого советского детективного романа «Месс-Менд» и великолепный мастер очерка. А в сотрудничестве с известным этнографом, старшим научным сотрудником Института археологии и этнографии Академии наук Армянской ССР Србуи

Степановной Лисициан М.С. Шагинян внесла вклад в развитие этнографии армянского народа. Творчество Мариэтты Сергеевны Шагинян, популярной поэтессы эпохи русского символизма и Серебряного века, отражало проблемы дружбы и сотрудничества народов, значимость которых в условиях сегодняшнего мира не только историческая, но и остроактуальная, особенно для укрепления и развития современного российского общества и международного сотрудничества.

В стихах и прозе она пророчески показывала и призывала, как надо беречь и приумножать межличностные связи, доверие и дружбу между людьми, большими и малыми народами, странами и континентами во имя мира, цивилизационного благополучия и развития.

Мариэтта Сергеевна Шагинян в своем творчестве была активным поборником дружбы народов. В своих талантливых произведениях она с большой любовью писала о выдающихся людях, представителях разных народов, таких как: А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Гёте, Т.Г. Шевченко, В.И. Ульянов, С.В. Рахманинов, М. Сарьян, Х. Абовян, О. Туманян, Низами, Й. Мысливечек.

Несмотря на то, что М.С. Шагинян в разное время жила, работала и творила в городах: Ростове-на-Дону, Ленинграде, Ереване, путешествовала по всему миру, она была большим знатоком и ценительницей многонациональной общности Российской империи, советского народа.

Она объездила многие страны, побывала в самых разных уголках нашей страны, впитывала культуру, психологию, обычаи разных народностей. Ее произведения наполнены пафосом созидания, веры в дружбу народов и тем самым служили делу единения и взаимопонимания между людьми.

Мариэтта Сергеевна и ее писатели-современники, в том числе жившие и работавшие на Донской земле, выступали убежденными сторонниками высокой культуры межнациональных отношений, дружбы народов. Их творчество способствовало утверждению этих идеалов. Она была универсальным и многогранным человеком. Ее отличали чистота, искренность, доброта и порядочность, она была

человеком с хорошим чувством юмора. Мариэтта Шагинян была талантливейшей писательницей и журналисткой, поражавшей своей неиссякаемой энергией и работоспособностью.

Ее произведения наполнены пафосом созидания, веры в дружбу народов и тем самым служили делу единения и взаимопонимания между людьми. Творчество Мариэтты Сергеевны Шагинян на сегодняшний день несправедливо забыто в постсоветском пространстве. Ее произведения – «зеркало» окружающей действительности советского времени. Жизнь Мариэтты Шагинян с детства была наполнена различного рода драматичными испытаниями судьбы, но писательница была сильной личностью и, несмотря на все преграды, прожила долгую и счастливую жизнь. Она находила плюсы во всех невзгодах, включая свою рано появившуюся глухоту и частичную потерю зрения с ранних лет жизни. Потеря отца с четырнадцатилетнего возраста также сказалась на жизни столь сильной женщины и талантливого художника. По натуре своей Мариэтта Сергеевна – неутомимый исследователь жизненных процессов. Писательница не искала «легких путей» и стремилась передать не только существующую реальность, но и неповторимую окраску всех происходящих событий, все своеобразие открывавшегося перед ней нового дня истории. Мариэтта Сергеевна Шагинян, находясь в литературной среде, не оставила не одного равнодушного к себе художника: к ее мнению прислушивались и критиковали, ею восхищались. Из-за искренней веры в новую советскую идеологию, ей пришлось попрощаться со своими друзьями и бывшими единомышленниками из среды «символистов». Но это не помешало, а наоборот способствовало обретению новых друзей и сторонников ее идей в отношении развития литературы и взглядов на новую действительность. Будучи уже в преклонном возрасте, она не оставляла свою писательскую деятельность. Последнее произведение писательницы «Человек и время» было издано за два года до ее кончины. Творчество Мариэтты Шагинян ценили и к ней прислушивались при жизни.

Ее литературное творчество, наполненное светом, добром, стремлением к переустройству мира на справедливых началах, было духовной потребностью. Творчество М.С. Шагинян

отличалось политической целеустремленностью, практическим жизненным опытом. Она постоянно училась, как теории, так и на практике. Долгая жизнь, прожитая М.С. Шагинян, была наполнена большими и малыми историческими событиями, о которых она всегда писала горячо и заинтересованно. Особое место в творчестве М.С. Шагинян занимают книги на ленинскую тему: романы-хроники «Семья Ульяновых» (1938 г.; переработанные в 1957 г.), «Первая Всероссийская» (1965 г.). За столь долгий период Мариэтта Сергеевна смогла оставить не только целый ряд трудов, но и определить лицо советской писательской интеллигенции.

Творческое наследие Мариэтты Сергеевны Шагинян от первого сборника стихов «Первые встречи» до эпического издания «Человек и время», ставшее предметом системных исследований, талантливо, велико, научно и необычайно многогранно и чрезвычайно актуально.

Мариэтта Сергеевна Шагинян ушла из жизни 20 марта 1982 года, похоронена в городе Москве.

Начиная с апреля 2014 года, в память о Мариэтте Сергеевне Шагинян и ее творческом наследии в Музее русско-армянской дружбы проходят ежегодные «Шагиняновские чтения». Проведение научно-практических конференций организовано силами ростовской интеллигенции при поддержке Ростовской региональной общественной организации «Нахичеванская-на-Дону армянская община». «Шагиняновские чтения» имеют своей целью изучать и пропагандировать среди молодежи творческое наследие писательницы и использовать ее гуманистические идеи в целях укрепления стабильности и дружбы народов в наше время. «Шагиняновские чтения» укрепляют дружбу русского и армянского народов, а также других народов нашей страны. «Шагиняновские чтения» имеют большое значение не только для ученых-историков, краеведов, литераторов, они важны для всех нас. Мариэтта Сергеевна Шагинян была патриотом, любила свою Родину, несла в душе идеи мира и дружбы между народами. Благодаря «Шагиняновским чтениям» мы можем соприкоснуться «с творческой лабораторией» известной российской и советской

писательницы, ее творческим наследием, ее пониманием, любовью и уважением к народам нашей великой Родины.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Семья Ульяновых. Очерки. Статьи. Воспоминания. М., 1959.
2. *Шагинян Мариэтта* Дневники писателя (1950-1953). М., 1953.

СЕКЦИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Екатерина Рыбченко

М.С. ШАГИНЯН О ЦЕННОСТЯХ УКРЕПЛЕНИЯ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА РУССКОГО И АРМЯНСКОГО НАРОДОВ

Чтобы судить о характере народа, для этого нужно ознакомиться с произведениями его мыслителей, писателей, художников... Многогранное творчество М.С. Шагинян занимает в этом списке особое место.

Мариэтта Сергеевна Шагинян владела очень важными качествами: зоркий глаз, чуткая душа, умение слушать и слышать – все это помогало ей в общении со многими людьми и осмыслению колоссального объема собранной информации.

Немало страниц произведений М.С. Шагинян посвящено описанию жизни и быта нахичеванских армян. Она могла хранить и развивать культуру и мудрость армянского народа. Ее интерес к армянской литературе, искусству был неподдельным.

Комментируя публикации армянских сказок, она отмечала характерные особенности мифов, принявших национальную армянскую форму. В качестве примера можно сослаться на ее интерпретацию солнечного мифа. «Солнце, – писала М.С. Шагинян, – источник постоянного мифотворчества у всех народов; стало быть, и армяне, мифологизируя его, отдают дань общему культу. Дольше крестьяне араратских деревень клянутся солнцем, чтут его, часто употребляют эпитет «солнечный», прибавляют его к именам. Уцелели выражения: *«призываю в свидетели свое солнце»*, *«знает про твое солнце»*; подразумевается, что у каждого человека есть свое солнце, подобно представлению об *«ангеле каждого человека»*. Для армян солнце – символ мужественности, понимаемой не только как сила, но именно как мужская сила» [3].

Мариэтта Сергеевна Шагинян была начитанным человеком. В своих произведениях она поднимала темы, волнующие многих людей, а так же затрагивала значимые события в жизни

армян. Она описывала жизнь донских армян с разных сторон и под разным углом зрения.

В книге «Человек и время» М.С. Шагинян обращалась к множеству жизненных эпизодов, характерных для нахичеванских армян. Она рассказывала о строительном таланте, об искусстве и трудолюбии армян. «Древнейшая способность в крови армянского народа... – «строить, лепить, связывать, созидать», – так Мариэтта Сергеевна воспринимала живущих в Нахичевани армян [2].

М.С. Шагинян прожила долгую жизнь, она была свидетельницей огромных перемен XX столетия, тех событий, которые решали и ее личную судьбу. Все происходящее в стране давало ей ценнейший опыт и материал для осмысления проблем своего времени.

Практически с юности Мариэтта Шагинян вела дневник, в который записывала свои наблюдения событий, в том числе и впечатления в период проживания в Нахичевани-на-Дону. Эти записи стали основой ее автобиографической повести «Перемена». Если сравнивать ее художественные произведения и публицистические, то можно заметить, что писательница использовала особенности своей стилистики и опыт работы в газете, который лежит в основе этой повести». Публицистические жанры давали ей возможность обнажено раскрывать мысль; в то же время в художественном тексте, по ее словам, все было «упрятано в картинки». Удивительно многообразное творчество М.С. Шагинян наполнено поиском света, добра и правды.

Литература

1. Шагинян М.С. Перемена. Повесть // М.С. Шагинян Собр. соч. в 9 т. Т. 2. М.,1971.

2. Шагинян М.С. Человек и время. История человеческого становления. М.,1982.

3. Нахичевань в жизни и творчестве Мариэтты Шагинян – <https://armeniansite-ru.turbopages.org/armeniansite.ru/s/kultura-armenii-v-litsakh/347-nakhichevan-v-zhizni-i-tvorchestve-marietty-shaginyan.html>

**ТЕМА УКРЕПЛЕНИЯ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА
МЕЖДУ НАРОДАМИ В ТВОРЧЕСТВЕ М.С. ШАГИНЯН**

Стоит задаться вопросом, почему творчество такой выдающейся личности, как Мариэтта Сергеевна Шагинян, остается мало востребованным после распада Советского Союза? Почему ее труды остались в тени работ других литературных деятелей? Актуальность ответа на эти вопросы обусловлена значимостью памяти о жизни и творчестве М.С. Шагинян, которая всецело способствовала укреплению дружбы и сотрудничества между народами. В наше время тема межнациональных конфликтов, в том числе и внутри нашей страны, остается весьма серьезной и актуальной. Поэтому просто необходимо обратиться к этой теме вновь!

Как писатель М.С. Шагинян считается одной из первых русских писательниц-фантастов своего времени. Журналистка и писательница, поэтесса и публицист, она обладала завидным мастерством и даром литератора. Именно М.С. Шагинян, стихи которой при ее жизни были очень популярны, по мнению критиков, внесла незаурядный вклад в российскую поэзию конца XIX – начала XX веков [3]. В Мариэтте Сергеевне удивительным образом сочетались талант и жажда жизни, тяга к знаниям и незаурядная работоспособность. Литературные интересы этой талантливой женщины охватывали самые разнообразные области жизни. Ею написаны научные монографии, посвященные жизни и творчеству И. Гёте, Т.Г. Шевченко, Й. Мысливечека. М.С. Шагинян – автор самого первого детективного советского романа «Месс-Менд». Она была и известной советской журналисткой, перу которой принадлежат многие проблемные статьи и очерки. При этом журналистику М.С. Шагинян воспринимала не столько и не только средством для заработка, сколько возможностью непосредственного исследования жизни.

В своей бытовой жизни писательница обходилась без роскоши и изысков. В ее квартире стоял стандартный советский

набор мебели, обычные бытовые предметы. Единственной роскошью в ее доме было старенькое расстроенное пианино.

В книге «Путешествие в Веймар» впервые отчетливо проявились особенности ее прозаического таланта. Критики считают, что именно в этом произведении легко усмотреть удивительное умение автора через реальность бытовых деталей раскрыть личность человека и его связь со своим временем. «Путешествие в Веймар» – ее первая работа в форме путевых очерков – в жанре, которому будет верна всю свою жизнь М.С. Шагинян [1].

Многотомное художественное наследие писательницы включает яркие, глубокие описания армян, постижение их характера, национальной самобытности, трудолюбия, жизнелюбия и дружелюбия. В дневниковых записях, очерках, статьях она с глубоким проникновением представила красоту армянской природы и доблестный труд талантливого армянского народа. Так, в отчет за 1951 г. о проделанной работе она записала: Прежде всего – переработала на 30%, изменив почти каждую страницу, убрав до 5 листов и вписав до 10 новых, свое «Путешествие по Советской Армении», чтобы подготовить его второе издание [2]. Кроме того, в тот год Мариэтта Сергеевна шестнадцать раз выступила на различных собраниях Советской Армении, ею было сделано четыре больших доклада, в том числе для ереванского студенчества в Государственном университете Армении, для комсостава в Доме офицеров г. Еревана. В записи отчета содержатся лишь сведения количественного порядка о выполненной работе, но и по ней можно судить о месте армянской тематики в ее творчестве.

Существенную сторону деятельности М.С. Шагинян составляет содержание, направленность, общественная значимость ее произведений. Наиболее выраженной особенностью является их гражданственность, включенность в общие дела своего народа. Гражданственность в понимании М.С. Шагинян и есть служение своему народу, ответственность и долг перед ним, умение чувствовать себя неотрывно от народных масс, видеть и слышать их нужды, как свои собственные, их интересы, как свой интерес. Она постоянно

беспокоилась о том, чтобы слово писателя не превращали в холостой выстрел, а огонь очищения – в тление. Критикуя макет будущей книги «Очерки истории советской литературы», Мариэтта Сергеевна отмечала, что грубый недостаток макета – это его «мирнообновленческий» тон. Не показан боевой характер советской литературы, не показано развитие ее в борьбе и через борьбу [2].

Она была глубоко убеждена в том, что писатель, познавая жизнь для описания, не смеет превращаться в пассивный аппарат восприятия, в человека, который смотрит и не видит, слушает и не слышит, «добро и злу внимая равнодушно», проходит мимо зла и неправды.

М.С. Шагинян объездила всю страну вдоль и поперек не как путешественник, а как активный деятель, которому до всего есть дело, включаясь непосредственно в процесс изучения и решения многих проблем. И повсюду она активно, заинтересованно не только смотрела и слушала, но и вопрошала, стремилась докопаться до первопричин как положительных, так и порочных явлений в жизни [2].

Каждое ее слово, каждая строка обладает высоким эмоциональным накалом, искренней взволнованностью, жгучим желанием поправить, устранить, преодолеть, ускорить, улучшить положение общественно значимых дел. Своим зорким взглядом она выявляла появление нового, светлого, передового и их влияние на жизнь простых людей.

М.С. Шагинян в каждом своем произведении призывала к миру, говорила о разрушительной силе войны, указывала на ее антинародный характер. Размышляя о вечных человеческих истинах и созидательной силе дружбы, она призывала к укреплению сотрудничества между разными народами нашей многонациональной Родины.

Творческое наследие М.С. Шагинян хранит и дарит следующим поколениям огромный опыт, наполненный правдой и добром, которые являются залогом укрепления дружбы, взаимопомощи, взаимопонимания и добрососедских отношений в большой семье народов нашей Родины. Эти глубокие убеждения Мариэтты Сергеевны Шагинян актуальны и сегодня,

они должны оставаться главными ценностями в жизни новых поколений.

Литература

1. Биография М.С. Шагинян. Гранд-дама советской эпохи - <https://bestgeneric.ru/shaginyan-biografiya-grand-dama-sovetskoi-epohi-marietta-shaginyan-pisatelnica/>

2. О гражданственности в творчестве М.С. Шагинян - <https://armeniansite-ru.turbopages.org/armeniansite.ru/s/vydayushchiesya-armyane/836-o-grazhdanstvennosti-v-tvorchestve-m-s-shaginyan.html>

3. Писательница Мариэтта Шагинян: биография, творчество, интересные факты - <https://fb.ru/article/322334/pisatelnitsa-marietta-shaginyan-biografiya-tvorchestvo-interesnyie-faktyi>

София Данишурка

ВЛИЯНИЕ ТВОРЧЕСТВА М.С. ШАГИНЯН НА УКРЕПЛЕНИЕ ДРУЖБЫ, СОТРУДНИЧЕСТВА И ВЗАИМОПОНИМАНИЯ НАРОДОВ

Проблема укрепления дружбы народов – одна из самых актуальных в наши дни. Дело в том, что ряд иностранных политиков и средства массовой информации внушают людям идеи о превосходстве одной нации над другой, говорят об «исключительности» своей нации, пробуждают неприязнь к другим народам, а современная отечественная молодежь, не знающая исторической правды, легко поддается их влиянию. В нашей стране после распада СССР многие взгляды, выработанные десятилетиями относительно дружбы народов и патриотизма, стали забываться. Поэтому задача показать роль деятелей отечественной культуры, посвятивших свое творчество решению этой проблемы, очень важна. Они рассказывали о людях других национальностей, их жизни, заботах и убеждали, что у разных народов много общего, заслуживающего уважения.

Мариэтта Сергеевна Шагинян принадлежит к таким деятелям культуры. Творчество М.С. Шагинян, популярной поэтессы эпохи русского символизма и Серебряного века, известнейшей советской писательницы-романистки, авторитетного историка и одного из лучших и бескомпромиссных журналистов газет

«Правда» и «Известия» с завидным постоянством отражало проблемы дружбы и сотрудничества народов.

М.С. Шагинян, русская и советская писательница армянского происхождения, родилась в Москве, жила, работала и творила в Ростове-на-Дону, Петербурге-Ленинграде, Ереване, Москве и др. городах нашей страны, в Германии. Она «исколесила» немало стран всего мира, была большим знатоком и ценителем многонациональной общности народов Российской империи, советского народа. В стихах и прозе, в своих публицистических статьях она пророчески призывала к тому, как надо беречь и приумножать межличностные связи, доверие и дружбу между людьми, между большими и малыми народами, странами и континентами во имя мира, цивилизационного благополучия и развития.

Родилась писательница в Москве в семье армянских интеллигентов (ее отец Сергей Давыдович был врачом) 21 марта 1888 года. Мариэтта Шагинян училась в частном пансионе, в Ржевской гимназии. Уже с 1906 года она начала публиковаться. В 1912 году Мариэтта закончила историко-философский факультет Высших женских курсов В.И. Герье. В Санкт-Петербурге она познакомилась и в дальнейшем сблизилась с такими корифеями тогдашней литературной жизни, как З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский. В 1912-1914 гг. девушка изучала философию в Гейдельбергском университете в Германии. На формирование ее творчества оказала сильное влияние поэзия Гёте. В 1913 г. вышел первый сборник стихов «Orientalia» никому еще неизвестной Мариэтты Шагинян. С 1915 по 1920 гг. М.С. Шагинян жила в Нахичевани-на-Дону, работала корреспондентом газет «Трудовая речь», «Приазовский край», «Ремесленный голос», «Черноморское побережье». В это время она преподавала эстетику и историю искусств в Ростовской консерватории. Революция для Мариэтты Шагинян стала событием, имеющим «христианско-мистический характер». В 1919 году она работала инструктором Доннаробраза, руководила ткацкой школой. В 1920 году М.С. Шагинян переехала в Петроград, где три года сотрудничала с газетой «Известия Петроградского Совета».

С 1927 по 1931 гг. в качестве корреспондента провела в Армении. Результатом ее пребывания на исторической родине явилось, в частности, произведения «Гидроцентральный», «Путешествие по Советской Армении». В этой книге Мариэтта Сергеевна рассказывала своим читателям о высокогорном климате Армении, ее «злачных и зеленых нивах», о «прозрачном и свежем воздухе», о величественных горных массивах и быстрых речках, об озерах и богатстве минеральных источников, о «дивных сосновых лесах» и лугах, о разнообразии животного и растительного мира. Но, прежде всего, она с величайшей любовью повествовала о хозяйстве, культуре и истории трудолюбивого армянского народа. Из этого произведения читатели узнавали, что Армения – страна превосходной архитектуры, бессмертного искусства, которые выражали художественную мысль, фольклор армянского народа, уникального и богатого сказками и легендами. Проводя в жизнь тему дружбы советских народов, Мариэтта Сергеевна Шагинян, в частности, показывала читателям, что армяне – трудолюбивые, храбрые люди, которые готовы помочь другим народам ради светлого будущего человечества. «В XIX веке часть Армении вошла в состав России, и связь, сближение армянского народа с великим русским народом оказались решающим фактором в ее дальнейшей исторической судьбе, – утверждала она. – Вместе с русским, грузинским, азербайджанским пролетариатом армяне вступили в революционную борьбу с самодержавием и капитализмом за новое, справедливое общество на земле, и в 1920 году Армения стала свободной республикой в великом Советском Союзе братских республик»

В 1930-е гг. М.С. Шагинян обучалась экономике в Плановой академии. В 1934 году на Первом съезде советских писателей Мариэтту Сергеевну Шагинян избрали членом правления Союза писателей. Военные годы специальный корреспондент М.С. Шагинян провела на Урале, писала в газеты «Правда» и «Известия» статьи и очерки о тружениках тыла, уральских рабочих, самоотверженно трудящихся для фронта, для Победы. Результатом этой кропотливой работы явилась книга о тружениках тыла «Урал в обороне».

Литературные интересы талантливой писательницы охватывали самые разные области жизни. В ее творчестве особое место занимают научные монографии, посвященные Иоганну Гёте, Тарасу Шевченко, Йозефу Мысливечку. М.С. Шагинян – автор самого первого детективного советского романа «Месс-Менд». В книге «Путешествие в Веймар» в первый раз отчетливо проявились особенности ее прозаического стиля. Критики считают, что именно в этом произведении можно увидеть удивительное умение автора через реальность бытовых деталей раскрывать личность человека и его связь со своим Временем. «Путешествие в Веймар» – первая работа этой писательницы в форме путевых очерков – в жанре, которому будет верна всю свою жизнь Мариэтта Шагинян. Писательница оставила после себя много литературных произведений, – «Гидроцентральный», «Дневник депутата Моссовета», «Четыре урока о Ленине», «Путешествие по Советской Армении» и т.д. Ее перу принадлежат также четыре сборника стихов. Известна М.С. Шагинян литературными портретами тех людей, с которыми была близко знакома – Тихонова, Ходасевича, Рахманинова и др.

Часто наши современники уже и не помнят таких деятелей культуры, как Мариэтта Сергеевна Шагинян. А между тем эта советская писательница посвятила свою жизнь искусству, культурному развитию и укреплению дружбы народов. Она призывала к воспитанию уважения ко всем народам, их традициям, религиям. В своих работах она заостряла интерес читателей к истории, культуре других народов, безусловно следуя золотому правилу нравственности: *«относись к людям так, как хочешь, чтобы они относились к тебе»*. Недаром в 1978 году Мариэтту Сергеевну Шагинян за укрепление дружбы и братского сотрудничества социалистических наций и народностей наградили орденом Дружбы народов.

Литература

1 «Реализм есть общее в искусстве» // Литературная газета № 21 (6464) 28.05.2014

2. russia-armenia.info Центр поддержки русско-армянских стратегических и общественных инициатив.

3. О гражданственности в творчестве М.С. Шагинян. armeniansite.ru
4. <https://litobozrenie.com>. Свидетель времени: Мариэтта Шагинян

Виктория Абрамова

ВКЛАД М.С. ШАГИНЯН В УКРЕПЛЕНИЕ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА РУССКОГО И АРМЯНСКОГО НАРОДОВ

Мариэтта Сергеевна Шагинян – выдающаяся советская писательница, в творчестве которой особое место занимают изучение истории и культуры армянского народа. За свою долгую творческую жизнь М.С. Шагинян создала большое количество художественных и документально-публицистических произведений. Многогранное наследие писательницы включает яркие и глубокие описания армян, постижение их характера, национальной самобытности, трудолюбия, жизнелюбия и дружелюбия. В своих дневниковых записях, очерках, статьях она с глубоким проникновением представила красоту армянской природы и доблестный труд талантливого армянского народа [1].

М.С. Шагинян была активным сторонником дружбы народов. В своих талантливых произведениях она с большой любовью писала о таких выдающихся русских писателях, как А.С. Пушкин и Л.Н. Толстой. М.С. Шагинян была активным и последовательным участником движения за мир, помогала людям чувствовать бессмысленную чудовищность войны, ее дикость, укрепляла в их сознании основные человеческие истины.

Она объездила многие страны, побывала в самых разных уголках своей родины, впитывала культуру, психологию и обычаи разных народностей нашей страны. Ее произведения наполнены пафосом созидания, веры в дружбу народов и тем самым до сих пор служат делу единения и взаимопонимания между людьми различных национальностей.

С четырнадцатилетнего возраста жизнь Мариэтты Сергеевны Шагинян оказалась связанной с Доном: после смерти отца мать с двумя дочерьми переехала к своим родственникам в

Нахичевань-на-Дону. Но и до этого будущая писательница не раз бывала на Дону; обучаясь в Московской гимназии, она с родителями приезжала «на побывку» к бабушке и проводила здесь свои каникулы. Спустя несколько лет ее произведения стали издаваться на Донской земле, в частности, в газете «Приазовский край». В статьях ростовской газеты она остро ставила вопросы о назначении литературы и искусства, о роли художников в обществе. Здесь на Дону Мариэтта Сергеевна встретила Великую Октябрьскую социалистическую революцию. В этот период ее была написана повесть «Перемена» – первое крупное художественное произведение, в котором подробно описано все пережитое ею на Дону в период с 1917 г. по 1920 г. Ее бытовые зарисовки, дневниковые записи, философские и психологические размышления передают атмосферу и трагизм тех дней в жизни простых нахичеванских жителей. В дни грозных событий жизнь на Дону, по ее словам, протекала довольно уравновешено. Из года в год в одноэтажных особнячках, расположенных в предместьях Ростова, с лепными карнизами и приспущенными жалюзи на зеркальных окнах горели свечи. С вечера до полночи гости постоянно играли в карты. Прислуга на кухне сквозь сон готовила, смотря по сезону, все тот же одинаковый ужин.

Далее в повести от описания бытовых сцен автор перешла к рассказу о тех изменениях в жизни нахичеванцев, которые наблюдала с 1917 года. За Нахичеванью, в армянской деревне, расположился штаб Сиверса, который был вежлив, обязательно предлагал всем пришедшим присесть и каждого внимательно выслушивал. Тихо и празднично было в городе. Ходили, постукивали по подмерзшей февральской дорожке патрули, перекликались. Базары были пустынные – ни мяса, ни рыбы, ни хлеба. Крестьяне попрыгали и не подвозили продуктов [2].

Из своего описания автор не стала опускать и дикие сцены лихолетья, кровавые сцены междоусобицы, которые пришлось пережить в Нахичевани и его окрестностях. Кольцом окружили большевиков под Батайском. С каждым днем, словно от взмаха косы над степною травой, ложатся их ряды. Но теснее сжимаются те, что остались, и плотнее сжимают зубы: такие недешево стоят! Душу за душу, смерть за смерть –

обессиленными руками сыплют порох, забивают патроны, наводят могучую пушку. Трах – отстреливаются большевики. В Ростове гранатами уничтожены Парамонова верфь, мореходное училище, пострадали многие дома. Их берут измором, смыкают железной цепью, но голодные, истощенные, из-за груды убитых, как за стеной баррикады, отстреливаются большевики. Там, под Батайском, лягут они до последнего [2].

Мариэтта Сергеевна объездила всю страну вдоль и поперек как активный деятель, которому до всего есть дело, включаясь непосредственно в процесс изучения и решения многих проблем. И повсюду она активно, заинтересованно не только смотрела и слушала, но и вопрошала, стремилась докопаться до жизненных первопричин, как положительных, так и порочных.

Каждое ее слово, каждая строка обладает высоким эмоциональным накалом, искренней взволнованностью, жгучим желанием поправить, устранить, преодолеть, ускорить, улучшить положение общественно значимых дел. Своим зорким взглядом она усматривала появление нового, светлого, передового и их влияние на жизнь простых людей.

Это было не просто праздное любопытство. За все хорошее и плохое, что встречалось в жизни, она испытывала личную глубокую ответственность. Обо всем позитивном она талантливо рассказывала на страницах журналов и газет, а все нерешенное, недодуманное и испорченное, страстно обличала, звонила во все колокола, стучала во все двери и не успокаивалась до тех пор, пока не были приняты соответствующие меры.

Очерк М.С. Шагинян «Как я была инструктором ткацкого дела» родился в результате большой практической работы, возникший в результате ее деятельности по организации прядильно-ткацкой школы в Ростове. «Текстильные рассказы» написаны ею после длительной работы на текстильных предприятиях Ленинграда. Цикл очерков «Урал в обороне» отразил ее неутомимую энергию по изучению организации труда на уральских военных заводах, ковавших победу в тылу в годы войны [3].

Своим творчеством Мариэтта Сергеевна Шагинян внесла неоценимый вклад в развитие дружбы народов. Она сочетала в

себе яркий писательский темперамент, неиссякаемую жажду познания и поражающие не одно поколение читателей творческое долголетие и работоспособность, победившие старость.

Литература

1. О гражданственности в творчестве М.С. Шагинян - <https://armeniansite-ru.turbopages.org/armeniansite.ru/s/vydayushchiesya-armyane/836-o-grazhdanstvennosti-v-tvorchestve-m-s-shaginyan.html>

2. Нахичевань в жизни и творчестве Мариэтты Шагинян - <https://armeniansite-ru.turbopages.org/armeniansite.ru/s/kultura-armenii-v-litsakh/347-nakhichevan-v-zhizni-i-tvorchestve-marietty-shaginyan.html?lite=1>

3. Феномен, именуемый Мариэттой Шагинян - <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000023/st075.shtml>

Анастасия Врбие

ЖИЗНЬ М.С. ШАГИНЯН В НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ СРЕДИ ДОНСКИХ АРМЯН

Мариэтта Сергеевна Шагинян по образованию и воспитанию принадлежала к русской и армянской культурам. Она писала свои произведения на русском языке, но умела читать и переводить армянские тексты, в том числе на древнеармянском грабаре. В ее творческом наследии проблемы истории, культуры, судеб армянского народа, в том числе и донских армян, занимают большое место.

В г. Нахичевани-на-Дону, на родине своей матери, произошли важные события в личной жизни Мариэтты Сергеевны: свадьба с Яковом Самсоновичем Хачатрянцем (25 мая 1917 г.), рождение единственной ее дочери Мирэль (17 мая 1918 г.). Здесь она написала свою известную повесть «Перемена». Жизнь в г. Нахичевани-на-Дону в годы Февральской и Октябрьской революций, осмысление процессов, происходивших в годы Гражданской войны на Юге России, положили начало мировоззренческому перелому в сознании М.С. Шагинян, переосмыслению ею своего отношения к Октябрьской революции, принятию Советской власти.

О том, как жила Мариэтта Шагинян среди донских армян в городе Нахичевани-на-Дону, свидетельствует также и ее последняя книга «Человек и время. История человеческого становления» (М., 1982), в которой она уже в пожилом возрасте осмысливала опыт и уроки своей долгой жизни (1888–1982). В этой книге воспоминаний значительное место занимают размышления о событиях на Юге России, анализ характерных черт образа жизни, культуры и исторических судеб донских армян.

Обращаясь к своим истокам, к своему происхождению, к «своим генам», которые повлияли на ее судьбу, М.С. Шагинян указала на два семейных рода: матери Пепронэ Яковлевны Хлытчиевой, из армянской «колонии» в Нахичевани-на-Дону, и отца, Сергея (Саркиса) Давыдовича Шагинянца, из армянской «колонии» в Григориополе на Днестре.

Отметим при этом, что ректор РГУ Юрий Андреевич Жданов (1919–2006) в своей статье «Размышления о проблемах диаспоры» обращал внимание на то, что диаспора формируется различными путями и включает в себя мирную миграцию, торговое освоение, военную экспансию, религиозное миссионерство, культурное проникновение. Перед тем как начать свое повествование о себе с огромным интересом М.С. Шагинян прочитала все, что относится к армянским колониям на Руси. Она обратила внимание на огромную разницу в характере и последствиях таких двух типов колонизации, когда могучие государства, колонизируя далекие отсталые страны, используют их отсталость. Но те же могучие государства, приглашая к себе селиться группы иноземцев, используют их культурные навыки, их умение. В первом случае эти государства, как правило, варварски эксплуатируют дешевые рабочие руки, вывозят природные богатства колонии, во втором случае они приглашают группы иноземцев, даруя им большие льготы: денежную помощь, свободу от налогообложения, свое самоуправление и судопроизводство, школы на родном языке. В истории России, – отмечала М.С. Шагинян, – второй способ заселять и поднимать завоеванные земли встречался довольно часто. Причем, Екатерины II даровала армянам, переселявшимся на Дон,

значительные привилегии: освобождение от налогов, воинской повинности, им были отведены значительные земельные участки для обустройства и освоения, разрешено учредить органы самоуправления, собственный суд, полицию на основе сложившихся этнических традиций. Выясняя причины массовой эмиграции армян за пределы своей исторической родины, М.С. Шагинян обращала внимание не только на постоянные кровавые нашествия могущественных соседей: арабов, иранцев, сельджуков, турок, их стремление навязать армянам чужие идеологии – зороастризм, ислам, язычество, – вместе с тем она объяснила их непоседливость и другой причиной: древнейшей способностью быть мастерами, умением строить. Строительная, как и пастушья, профессия связана с вечным передвижением. Ссылаясь на исследование И. Стрижиговского, она отмечала, что еще во времена переселения народов армяне считались в странах Средиземного моря лучшими каменщиками. Вот эта древнейшая способность, живущая как бы в крови народа, подобно строительной способности пчел, муравьев, бобров, делала армян желанными колонистами в пустынных просторах Юга России.

Именно в Нахичевани-на-Дону среди многочисленных родственников – армян рода Хлитчевых – Мариэтта Шагинян прожила более пяти лет (с 1915 по 1920 гг.) в г. Нахичевани-на-Дону. В 1910-1920 гг. она активно сотрудничала в газетах Юга России «Приазовский край», «Баку», «Кавказское слово», в годы Гражданской войны работала лектором в Ростовском музыкальном училище, превратившегося в Донскую консерваторию. Здесь ею встречена Октябрьская революция; на ее глазах разворачивалась Гражданская война.

**М.С. ШАГИНЯН О ДРУЖБЕ РУССКОГО И
АРМЯНСКОГО НАРОДОВ (по страницам книги
«Путешествие по Советской Армении»)**

Мариэтта Сергеевна Шагинян – русская советская писательница армянского происхождения, поэтесса и прозаик, искусствовед, журналист, историограф. Она родилась 21 марта (2 апреля) 1888 г. в Москве в семье врача. М.С. Шагинян получила прекрасное домашнее образование, затем училась в частном пансионе, потом в гимназии Ржевской, одной из лучших гимназий Москвы того времени. Литературной деятельностью она начала заниматься с 1903 года и опубликовала свыше 70 книг романов, повестей, рассказов, очерков, стихов и около 300 печатных листов статей [1, с. 145].

Творчество Мариэтты Сергеевны Шагинян, популярной поэтессы эпохи русского символизма и Серебряного века, известнейшей советской писательницы-романистки, авторитетного историка и одного из лучших и бескомпромиссных журналистов газеты «Правда» с завидным постоянством отражало проблемы дружбы и сотрудничества народов, значимость которых в условиях сегодняшнего глобализующего мира не только историческая, но и остро актуальная, особенно для укрепления и развития современного солидарного российского общества и международного сотрудничества. В стихах и прозе она пророчески показывала и призывала, как надо беречь и приумножать межличностные связи, доверие и дружбу между людьми, большими и малыми народами, странами и континентами во имя мира, цивилизационного благополучия и развития.

В 1950 году вышла в свет книга М.С. Шагинян «Путешествие по Советской Армении» (издано в 1950 и в 1951 гг.). Книга создавалась в результате многолетнего труда по изучению жизни этой республики. В ней «...природа, история, советское строительство» обогатились новыми данными о природных богатствах, развитии промышленности и сельского хозяйства,

культуры и науки республики. Большое место в ней уделено вопросу многовековой дружбы русского и армянского народов.

Во второй части книги (глава «Сталинский район») читатель узнает о крупнейшем промышленном центре Еревана, выросшем в годы пятилеток. Автор познакомила читателя не только с промышленными предприятиями, но и со знатными армянскими людьми: рабочими-скоростниками, многостаночниками, рационализаторами производства. М.С. Шагинян отметила огромный творческий энтузиазм рабочих, выполняющих заказы для великих строек на Волге, Дону, Днепре и Аму-Дарье. Автор радостно повествовала о «тесной многонациональной дружбе строителей и производственников», о той дружбе, которая крепнет в «совместном труде» [2, с. 254].

В первой части книги «Путешествия...» М.С. Шагинян особое внимание уделила многовековой дружбе русского и армянского народов, той решающей роли, которую сыграл русский народ в судьбах Армении. Автор отмечала, что армянскому народу «присуще было постоянное историческое тяготение к великому русскому народу». В книге приведены интересные сведения о сношениях армянского народа с Россией, которые начались еще с IX века. В 1828 году Армения была присоединена к России, армянский народ обрел избавление от азиатского порабощения. М.С. Шагинян писала: «Это был переход от азиатского средневековья в более передовые экономические и культурные условия, и в этих условиях армяне неизмеримо выиграли».

Во второй части книги «Путешествия...» М.С. Шагинян рассказывала о наиболее характерных районах Советской Армении. Центральная идея этой части – возрождение и превращение экономически и культурно отсталой страны в одну из цветущих республик нашего великого Союза.

Основным композиционным приемом, как этой части, так и всей книги в целом, является прием противопоставления жизни армянского народа до революции и после советизации Армении. Этот творческий прием помог писательнице наглядно показать, как за время существования Советской власти, из отсталой, нищей, разоренной окраины Армения превратилась в

республику с высокоразвитой промышленностью, сельским хозяйством, культурой и наукой. Глухой и бездорожный горный район Зангезур превратился за эти исторические годы в один из крупнейших промышленных центров с двумя городами – Капаном и Горисом, которые раньше были глухими деревушками. Их жители перебрались из пещер, служивших им жилищами, в светлые, благоустроенные дома. Стала быстро развиваться медная промышленность Зангезура [см.: 3].

М.С. Шагинян показала, что всеми своими достижениями армянский народ обязан Коммунистической партии. Автор книги «Путешествие по Советской Армении» – человек, страстно любящий свою советскую Родину, свой народ. Горячо и искренне звучат слова, завершающие книгу: «Не жалко прожить жизнь и приблизиться к ее последней грани, если и ты, наравне с другими, поработал вот так, изо дня в день, чтобы возвратить тысячам, десяткам и сотням тысяч людей родного тебе народа их естественный возраст, – их молодость, отнимавшуюся от них сотнями лет нужды и темноты и засиявшую для них в нашем молодом и прекрасном мире!».

В 1925 году писательница встретила уже с новой Арменией, бурно «строящейся и восстающей из нищеты». Настойчиво, жадно вглядываясь в перемены, происходившие на древней армянской земле, Мариэтта Сергеевна Шагинян искала решения узловых проблем времени, столь остро вставших уже на XIV, а затем на XV съездах партии. Журналистская разведка, зоркость газетчика дали писательнице многообразные жизненные впечатления, помогли всесторонне осмыслить происходящее в стране. Именно поэтому во второй половине 1920 гг. главным жанром журналистской деятельности для М.С. Шагинян стал газетный очерк. Работа над ним неизменно оказывалась сопряженной с решением конкретных хозяйственных и политических задач. Оперативность очерка влекла к себе М.С. Шагинян именно тем, что давала «широкую свободу не только самостоятельного исследования темы и суждения о ней, но и срочного вмешательства в жизнь».

Осенью 1927 года М.С. Шагинян уехала в один из глухих тогда районов Армении, в Лорипамбакское ущелье. Здесь, неподалеку от железнодорожной станции Колагеран, на реке

Каменке (по-армянски – Дзорагет) начиналось, согласно первым наброскам пятилетнего плана, строительство крупной гидроэлектростанции. «Самые счастливые периоды моей прожитой жизни...», – скажет писательница позднее, почти через четверть века, и среди них «четыре бурных года в Колагеране (1927–1930) – связаны с землей Лори, с рассказами о Мокрых горах, где создается погода для Армении, с градинами, побивающими посевы, с бурей, идущей от горы Лалвар, с лорийским крестьянством – молчаливым, умным...», жившим в те далекие годы «в великой бедности и непрерывной борьбе за ячменную лепешку...»

Писательница оказалась в сердце древнего и своеобразного края, представлявшего собой возвышенность вулканического происхождения, глубоко изрытую горными речками. «Лори – зеленое море ущелий, – рассказывала М.С. Шагинян, – стоящих вертикально, с обрубленными, плоскими, как столы, вершинами, где почти недоступно одна от другой, как птичьи гнезда, разбросаны крестьянские деревушки». Стройка возникла внизу, на самом дне ущелья, где зимой стаями бродили голодные волки и по ночам слышалось их завывание.

«Вся эта местность, – утверждала М.С. Шагинян, – представляет типичный каньон, т.е. вулканического происхождения возвышенность, прорытую глубоко внизу речками. Крестьянские деревушки расположены на самых верхних точках каньона. Между собою они связаны зачастую даже не дорогами, а еле заметными, очень крутыми, ослиными тропками. Чтобы попасть на стройку, возникшую на самом дне ущелья, у реки, крестьяне спускались по таким тропкам за несколько километров с гор». Но сюда, в вековую глушь Лорипамбакского ущелья, уже врывалось веяние нового.

Советом ВСНХа СССР одобрен эскизный проект Дзорагетской (Каменской) районной гидроэлектростанции-2» и передан на рассмотрение Госплана СССР. Проект был утвержден и Госпланом и Советом Труда и Оборона, которые предложили приступить к работам немедленно в том же хозяйственном 1926/1927 году [4, с. 306].

Творческий путь М.С. Шагинян советского периода – это путь честного служения социалистической Родине, советскому

народу. Лучшие произведения М.С. Шагинян, и, прежде всего, ее книга «Путешествие по Советской Армении», показывают, что писательница ясно представляла роль советского писателя, «инженера человеческих душ», умело связывала свое творчество с теми политическими задачами, которые решали Коммунистическая партия и советский народ.

Литература

1. *Смирнов В.В.* Публицистика М. Шагинян в «Приазовском крае» (1918-1919) // *Армяне юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции.* Ростов-на-Дону, 2012.
2. *Скорино Л.* Мариэтта Шагинян-художник. Жизнь и творчество. Изд. 2. М., 1981.
3. *Шагинян М.С.* Человек и время. М., 1980.
4. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М., 1989.

Ксения Халунина

М.С. ШАГИНЯН – ЯРКИЙ СТОРОННИК ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

«Жить – значит чувствовать, наслаждаться жизнью, чувствовать непрестанно новое, которое бы напоминало, что мы живем...», – именно эти слова Н.И. Лобачевского своим девизом считала Мариэтта Сергеевна Шагинян – одна из выдающихся личностей XX века, незаурядно мыслящая, разносторонне образованная, обладающая кипучей энергией, огромной жадой знаний и стремлением все посмотреть, все узнать и все испытать [6].

Мариэтта Сергеевна с юных лет дружила и общалась с высоко талантливыми людьми своего времени: Дмитрием Мережковским, Андреем Белым, Зинаидой Гиппиус, Павлом Бажовым, Владиславом Ходасевичем, Михаилом Зощенко, Мариной Цветаевой, была близко знакома с Сергеем Васильевичем Рахманиновым. «В нашей семье бывало много народу и за столом шла читка новых, обративших на себя внимание книг и частые разговоры о политике и литературе» [2]. Все это создало благоприятные условия для формирования и

развития личности неординарной, любознательной, стремящейся быть всегда в центре событий, увлекающейся и способной увлечь других.

В 1925 году поэт Владислав Ходасевич написал о ней небольшой мемуарный очерк, в котором были такие строки: «Мне нравилась Мариэтта. Это, можно сказать, была ходячая восемнадцатилетняя путаница из бесчисленных идей, из всевозможных «измов» и «анств», которые она схватывала на лету и усваивала стремительно – чтобы стремительно же отбросить. Кроме того, она писала стихи, изучала теорию музыки и занималась фехтованием, а также, кажется, математикой. В идеях, теориях, школах, науках и направлениях она разбиралась плохо, но всегда была чем-нибудь обуреваема» [цит. по: 2].

Она была человеком высокой культуры, писателем, ученым, публицистом, мыслителем, искусствоведом и переводчиком. Активно занималась общественной и партийной деятельностью. Несмотря на свое гуманитарное образование, Мариэтта Сергеевна всегда стремилась к познанию чего-то нового, ей было интересно буквально все: где и как плавают сталь, добывают газ из сланца, выводят новые породы скота. Многообразие и разносторонность ее интересов поражает. Она цитирует Паскаля и Гёте, свободно разбирается в архитектуре и строительных материалах, ей интересно разобраться в технологии бездымного сжигания сланца и воспитание телят. Она выращивала мичуринские яблоки у себя на даче, интересовалась политической экономией, философией и наукой, заседала в ученом совете Института мировой литературы, писала о математике и языкознании. Она первой из женщин взойшла на Арагац, имела диплом альпиниста [4].

«Почти каждая из моих книг, написанных после революции, возникла в результате очень большой практической работы на том или другом участке социалистического строительства», – замечала Мариэтта Сергеевна в 1934 году [4].

С 1915 по 1920 гг. Мариэтта Сергеевна жила в Ростове-на-Дону. В эти годы она работала в консерватории, преподавала историю искусств и эстетику. В ростовский период М.С. Шагинян сотрудничала в газетах «Приазовский край»,

«Кавказское слово» и «Баку», освещала там события художественной и литературной жизни на Юге страны.

В 1930-х гг. она окончила Плановую академию Госплана. Годы Великой Отечественной войны М.С. Шагинян провела на Урале в качестве корреспондента газеты «Правда».

Удивительно многоплановое и многожанровое творчество Мариэтты Сергеевны охватывает различные области жизни. В своих трудах она выступала и как знаток музыки, и как литературный критик, романист и очеркист, драматург и поэт, историк и литературовед. Все биографы отмечали ее поразительную творческую активность. Ведь она продолжала писать, когда уже не могла прочесть написанного: «буквы набегали на буквы, слова на слова, строчка на строчку. Но писала. Что не нравилось, выбрасывала в корзину и снова писала набело» [3].

Она пережила страшные и сложные события XX века – Первую мировую войну, Великую Октябрьскую социалистическую революцию, Гражданскую войну, эпоху строительства социализма, Великую Отечественную войну, восстановление разрушенной после войны страны. Эти и другие важнейшие события нашли отражение в ее творчестве. В своих произведениях она последовательно и правдиво отражала дух того непростого времени, показывала многогранный образ XX столетия. Ее литературное творчество наполнено светом, добром, стремлением построить мир, где главенствовали бы справедливость и равенство.

Мариэтта Сергеевна всегда была ярким сторонником высокой культуры межнациональных отношений, ратовала за поддержание дружбы между народами. В своем творчестве она уделяла большое внимание межнациональным отношениям, признавая за ними главенствующую роль для успешного развития и формирования созидательной атмосферы в обществе.

Мариэтта Шагинян родилась в Москве, но многие годы жила и творила в Нахичевани-на-Дону. Она очень любила Нахичевань, сюда с сестрой не раз приезжала она в детские годы на «побывку» к бабушке. Во многих своих художественных произведениях и статьях она стремилась передать яркие впечатления о пребывании в этом городе,

талантливо воссоздала в своих произведениях нахичеванскую культуру, образ жизни местных армян, их обычаи и повседневный быт. С большой теплотой и любовью рассказывала она о своей семье. Матери, Пепронэ Яковлевне Хлытчиевой, она посвятила повесть «Перемена», в основе которой – воспоминания о жизни в Нахичевани-на-Дону в годы Гражданской войны.

Постоянное общение с родными, друзьями, близкими дало ей возможность впитать в себя культуру, мудрость армянского народа, сохранить в своей памяти трагические страницы истории и высокие достижения армян. При этом она видела будущее своего народа в тесной связи с народом русским [1]. Мариэтта Сергеевна Шагинян считала себя интернационалисткой, она искренне верила в нерушимую дружбу народов, в светлые идеи коммунизма. Она много путешествовала по Армении, Нагорному Карабаху, Грузии и Азербайджану. В результате этих путешествий появилась замечательная книга «Советское Закавказье», где она с любовью пишет об Армении, Азербайджане и Грузии.

В годы Великой Отечественной войны М.С. Шагинян публиковала статьи о творчестве азербайджанского поэта Низами. А после окончания войны она написала большой труд об этом великом поэте, который назывался «Этюды о Низами». Этот труд заслуживает особого внимания, так как, несмотря на все межнациональные конфликты, она была поклонницей и прекрасным знатоком творчества Низами и перевела многие его поэмы на русский язык. Именно здесь особенно проявляется способность Мариэтты Сергеевны замечать светлое и доброе, ее умение дружить и любить людей. В своих произведениях она с большим уважением и любовью писала о выдающихся людях, представителях разных народов, среди них – Пушкин, Толстой, Гёте, Швеченко, Низами и многие другие.

Мариэтта Сергеевна объездила многие страны, побывала в самых разных уголках своей страны, везде она старалась познакомиться с культурными традициями и обычаями разных народов. Ее произведения пронизаны верой, что только дружба и открытые отношения между людьми различных культур могут стать основой единения и взаимопонимания народов.

Проблема дружбы и сотрудничества народов красной нитью проходит через всю долгую и плодотворную жизнь Мариэтты Сергеевны Шагинян. Вся ее деятельность была направлена на укрепление и развитие доверия и дружбы между людьми разных национальностей и культур. В стихах и прозе она призывала, беречь и приумножать межличностные связи, воспитывать в самих себе, и в последующих поколениях принципы взаимоуважения и понимания.

Данная проблема является актуальной в настоящем и в будущем. Каждый из народов является носителем уникальной материальной и духовной культуры. И очень важно сохранять исторические, социальные и культурные традиции не только своего народа, но и с уважением относиться, сохранять и развивать все богатство и многообразие культур разных народов.

Литература

1. *Авдулов Н.С.* М.С. Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве. Ростов-на-Дону, 2013.
2. *Егоров О.* Мариэтта Шагинян в кругу советских писателей. Дипломная работа. Ростов-на-Дону.
3. *Медведев Ф.Н.* Мои Великие старухи. СПб., 2011.
4. *Осипова Т.О.* Феномен, именуемый Мариэттой Шагинян // Люди земли Донской. Ростов-на-Дону, 1983.
5. *Стопченко Н.И.* Путеводная звезда Мариэтты Шагинян // Культура и цивилизация. 2015. № 3. С. 24-36.
6. http://dugward.ru/library/hodasevich/hodasevich_marieta_shaginyan.html

Рашид Ясмин

КУЛЬТУРА ДОНСКОГО КРАЯ (по материалам литературного наследия М.С. Шагинян)

В предвоенные годы проявилась основная черта М.С. Шагинян – ее стремление соединить мысль с действием: она обратилась в своих творческих исканиях к духовному опыту великих людей человечества, переживала глубокое увлечение

образом Гёте, культ которого родился еще в семье самой М.С. Шагинян, и в семье Метнеров, с которой писательницу связывала большая дружба. «В 1912 году, – вспоминала М.С. Шагинян, – сближаюсь с семейством философа Э.К. Метнера и в его доме, где жил так же брат философа, композитор Н.К. Метнер, провожу недели и месяцы...» Влияние музыки Николая Метнера было серьезным и глубоким; писательница сохранила на всю жизнь эти ранние впечатления, немало сделав впоследствии для пропаганды творчества композитора [1, с. 357-359].

Однако просветительский идеал у М.С. Шагинян осуществляется не только через призыв к личному самосовершенствованию, но и к выполнению высоких творческих функций в обществе. История мира была бы «механична», если бы ограничить в ней «творческую роль людей». Главное – в сознательном усилии человека, в его желании и стремлении «привносить в мир небывалое, и вот этот вечно приводящий небывалый элемент и можно назвать нарастанием качества из количества, интегрированием...»

Мариэтта Сергеевна Шагинян полемизировала с буржуазным психологическим романом начала XX века, который звал углубляться в темные закоулки человеческой души, поэтизировал и объявлял извечной, непостижимой игрою слепых инстинктов. Все развитие событий в романе ведет к идеалистического взгляда на внутренний, духовный мир человека как на сферу, где действуют лишь слепое иррациональное начало. Человек обязан, – считала М.С. Шагинян, – сознательным усилием воли формировать себя самого, направлять свою судьбу, быть ее хозяином.

Творческий взгляд на отдельную личность, восприятие ее как активного звена истории, твердая вера в созидательные способности каждого человека – все это накладывает отчетливый отпечаток на стиль произведений М.С. Шагинян. Отсюда и энергичное развитие повествования, и внутренний динамизм пейзажных зарисовок, и остро полемическая, а одновременно философская наполненность любых, самых прозаических, казалось бы, деталей – портретных, бытовых, социальных [2, с. 456].

В 1925 году писательница встретила уже с новой Арменией, бурно «строящейся, восстающей из нищеты». Журналистская разведка, зоркость газетчика дали писательнице многообразные жизненные впечатления, помогли всесторонне осмыслить происходящее в стране. Именно поэтому во второй половине 1920-х гг. главным жанром журналистки Мариэтты Шагинян стал *газетный очерк*. Работа над ним неизменно оказывалась сопряженной с решением конкретных хозяйственных и политических задач. Оперативность очерка и влекла к себе М.С. Шагинян, ибо давала «широкую свободу не только самостоятельного исследования темы и суждения о ней, но и срочного вмешательства в жизнь».

Важнейшим фактором процесса «налаживания» души, сознательного руководства внутренней жизнью, собственными чувствами, желаниями, а, следовательно, и поступками М.С. Шагинян считала *труд*.

М.С. Шагинян посвятила несколько страниц поэтическому рассказу о работе гравера, о технологии его чудесного мастерства, о рождении рисунка. Это описание – не самоцель, а лишь повод к тому, чтобы раскрыть перерождение души маленького, ничтожного человека, происшедшее под влиянием красоты труда, радости совершения. Вдохновляющая сила труда, творчества облагораживает героя ее произведения, вселяет уважение к своему мастерству, рождает веру в себя.

М.С. Шагинян в своих произведениях раздумывала и над этической стороной труда.

Творческая практика самой писательницы подтверждает ее теоретические положения. Именно потому, что Мариэтта Шагинян всегда и прежде всего художник-исследователь, этим и объясняется ее пристальное внимание к малейшим штрихам, деталям быстротекущего исторического времени, к своеобразию исторических подробностей, которое помогает ей высветить сущность происходящих в жизни процессов. Это налагает свой отпечаток и на стилевую манеру писательницы, усложняет функции художественной детали в ее произведениях.

Своеобразие своей художественной манеры сама Мариэтта Сергеевна Шагинян видит в присущем ее стилю тяготении к строгой «графичности» словесного рисунка. Эту «графичность»

писательница предпочитает «живописной» манере художников другого типа. Однако не совсем так это обстоит на деле. В действительности писательница воспринимала окружающий мир во всей полноте, во всей его многогранности, и в ее повествовании отражается все – краски, звуки, пластичность форм, движение...

Писательница с доброй грустью вглядывается в эту ушедшую уже старую жизнь, даже любит ее картинами, но вместе с тем дает почувствовать неодолимое движение времени, всю невозможность возвращения назад, в прошлое [3, с. 750].

Славный творческий путь пройден советской писательницей. Многолетние новаторские искания Мариэтты Сергеевны Шагинян показали, – велики и неисчерпаемы возможности жанра романа, которому так упорно время от времени предвещают гибель, как якобы изжившей себя литературной форме. Судьба человеческая движет развитием романа, внутренней динамикой его построения, определяет все изменения, им претерпеваемые, – к такому выводу приводит писательницу ее труд художника, ее собственные исследования этого жанра. Новые исторические судьбы людей наполняют роман новым содержанием, раздвигают его рамки, обогащают романную форму.

Литература

1. *Скорино Л.* Мариэтта Шагинян-художник. Жизнь и творчество. Изд. 2. М., 1981.
2. *Шагинян М.С.* Столетие лежит на ладони. Сборник очерков и статей. М., 1981.
3. *Шагинян М.С.* Человек и время. История человеческого становления. М., 1982.

Мария Куц

ОБРАЗЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАРОДОВ ДОНСКОГО КРАЯ В ПОВЕСТИ «ПЕРЕМЕНА» М.С. ШАГИНЯН

Мариэтта Сергеевна Шагинян является не только «культурным достоянием» советской литературы, но и того учебного заведения, в котором я обучаюсь. В 1904-1905

учебном году она училась именно в нашем учебном учреждении, т.е. в Екатерининской женской гимназии в Нахичевани-на-Дону (ныне это «Лицей № 13»).

Переезд из Москвы был связан со скоропостижной смертью отца и отсутствием в семье средств к существованию. Мариэтта и раньше практически каждые школьные каникулы навещала своих нахичеванских родственников, поэтому воспоминания об этой жизни оставили у нее неизгладимые впечатления.

Накануне грозных событий на Дону жизнь, по ее словам, протекала уравновешенно: из года в год в одноэтажных особнячках предместья Ростова, с лепными карнизами и припущенными жалюзи на зеркальных окнах, жизнь текла привычным порядком. По вечерам и до полночи засиживались гости, играя в карты. Прислуга на кухне сквозь сон готовила, смотря по сезону, все тот же одинаковый ужин. Бытовые зарисовки, дневниковые записи, философские и психологические размышления передают локальную текучесть практически неизменной атмосферы тех дней в жизни нахичеванцев.

На Донской земле Мариэтта Сергеевна провела с 1915 по 1921 годы. Это было время Октябрьской революции и Гражданской войны. Да, она временно выезжала в Петербург и Закавказье, но вновь возвращалась сюда. Свои воспоминания и впечатления она выразила в повести «Перемена».

В Ростове-на-Дону «по главной улице – бесконечный ряд небоскребов, домов с новейшей техникой, взлетевших под самое лысое от солнца и засухи небо, – и в огромных сквозных витринах, веялки, молотилки, моторы, паровики, колеса, трубы, а над витринами золотом по черному – имена американских, английских, французских акционерных обществ. Склады, конторы, склады отделения фабрик, банки и опять склады и опять конторы». На окраинах же города грязь, гниль Темерницкой лужи (к слову сказать, она и сейчас не отличается чистотой). Ростов-на-Дону – это центр рабочих. И ростовские рабочие среди пыли и копоти в бреду хохлацко-американской сутолоки давно стали «интернационалистами».

А летом М.С. Шагинян видела Донскую землю, как степной простор без края, выжженный солнцем к середине лета.

В полдень солнце жаростно печет, и воздух напоен ароматом трав. Мало что изменилось в природе с тех пор: мы также чувствуем запах и вкус чебреца, слышим свист цикад и с замиранием сердца наблюдаем за зигзагами ящериц.

Мариэтта Сергеевна указывала на сонные сытые станицы, которых кормила *только* пшеница, и потому жителям лень было еще чем-то заниматься. Заедешь на хутор, – та же сонная лень, хлеб, молоко, помидоры, черешня, – и нет картофеля, нет капусты. Они на Дону дóроги, и потому нет выгоды возиться с ними. «Пшеница убила все!» Деревни без деревьев: лень их сажать. О садиках и полисадников «нет и помину». И стоит с августа над степью, нагретой простором, душная пыль молотящегося хлеба, «густая до того, что чихнуть страшно – заползет в глотку и ноздри». А внизу вьется лентою река Дон, запруженная барками, баржами, плотами, загруженными пшеницей. Пшеница всюду: пшеницу везут по дороге, пшеницу везут по воде.

Итак, вот схема шагиняновской «Перемены»:

1. Место действия – сонная степь под солнцем Донского края; а в ней небольшая точка – город Ростов-на-Дону.

2. Время действия – 1917-1919 годы.

3. Действующие лица – казачество и крестьянство, избалованное излишком пшеницы; в городе достаточно много торгашей, неврастенической интеллигенции и крепкого мещанства. Рядом с ними – муравейник рабочих-горожан, рабочих шахтеров, изглоданных угольной пылью, работающих ежедневно от восьми до шести.

Еще в екатерининские времена Российская Императрица особой грамотой выписала когда-то независимых крымских армян на донскую землю под Ростовом. Она обещала им всякие льготы. И богатые армяне двинулись со своим скотом и скарбом в донские степи. Они осели в них, образовали большие села, а под Ростовом вырос этот уютный городок – Нахичевань (своего рода Шарлоттенбург под Берлином). И вот рядом с шумным Ростовом-на-Дону расположился чинный, чопорный городок Нахичевань-на-Дону «с приглушенным шумом шагов на тротуарах, в два ряда посаженных белыми акациями, с припущенными веками-ставнями изящных особнячков

александровской эпохи, с лепными украшениями и подъездами. Здесь уже вовсе глухая, но зато крепко оседлая провинция с пересудами, родственниками от Адама, чаепитиями, рецептом домашних печений и черноглазыми армянами на руках у важных толстых русских нянь, раздобревших на сдобном».

Не правда ли, из-под пера автора «Перемены» проглядывает не какое-то *«историческое»* (с перспективой), а *чисто локальное, местное* запечатление всего пережитого.

В заключении хотелось бы закончить стихотворением Константина Андреевича Тренева:

Голубое небо, в пояс травостой.
Справа – донник белый, слева – золотой.
Белых гор обрывы тонут в ковыле.
То ли я на небе, то ли на земле.
Золотой и белый, белый, золотой...
Голубое небо, в пояс травостой.

От описания бытовых сцен автор повести переходит к рассказу о тех изменениях в жизни жителей Нахичевани, которые наблюдались с 1917 года: «Тихо в городе. Ходят, постукивая по подмерзшей февральской дорожке, патрули, перекликаются. На базарах стоит запустенье – ни мяса, ни рыбы, ни хлеба. Крестьяне попрытались и не подвозят продуктов».

И вот это *локальное, местное* течение времени с осени 1917 года было нарушено *исторической «переменою»*. И нигде *время перемены* не было таким *«сплошным и беспредельным»*, как на юге России в эту эпоху, – была убеждена Мариэтта Сергеевна Шагинян.

Писательница пережила на Дону несколько переворотов: немецкую оккупацию, деникинщину и врангелевщину, она видела, так называемых «гостей»: англичан и французов в Новороссийске и на Кубани, почувствовала на себе вкус безвластия. И все эти события волна за волной проносились по головам наших жителей, оставляя неизгладимые раны и отметины...

МНОГОГРАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.С. ШАГИНЯН ПО ФОРМИРОВАНИЮ СОЗИДАТЕЛЬНОЙ АТМОСФЕРЫ В ОБЩЕСТВЕ

Писательский век М.С. Шагинян насчитывает более 70 лет. За столь долгий творческий период Мариэтта Сергеевна смогла оставить не только целый ряд трудов, но и определить лицо советской писательской интеллигенции. Как известно, М.С. Шагинян занималась доскональным изучением биографии В.И. Ленина. За свою «Лениниану» Мариэтта Сергеевна Шагинян стала Героем Социалистического труда, членом-корреспондентом АН Армянской ССР, Лауреатом Сталинской и Ленинской премий. Ее произведения («Orientalia», «Гидроцентральный», «Семья Ульяновых» и др. стали входить в школьную программу уроков литературы.

С началом войны М.С. Шагинян полностью отдалась агитационно-пропагандистской работе. В Москве, вместе с другими писателями, она выступала на митингах в Политехническом музее, на заводах, в метро. Пронизан напряженным лиризмом ее рассказ о Москве первых месяцев войны, о том, как мирный город становится несокрушимой крепостью. «Неспокоен, жуток вечерний зеленоватый цвет неба, обостренно ожидание фашистского нападения, когда тишина будет надорвана рокотом моторов. Но бомбежки порождали лишь стремление включиться в борьбу».

Годы Великой Отечественной войны Мариэтта Сергеевна Шагинян провела на Урале, работая в качестве корреспондента газеты «Правда». Итогом стала ее работа «Урал в обороне», в которой описывается героический труд наших соотечественников в тылу. Мариэтта Сергеевна продолжала и агитационные выступления; на ее счету около двухсот выступлений на заводах и в рабочих клубах. За эту деятельность она была награждена орденами «Знак почета» и «Красной звезды».

В 1946 году она получила докторскую степень по филологии за книгу «Тарас Шевченко», написанную в 1944 году.

Литературные интересы Мариэтты Сергеевны нашли отражение в ее трудах «И.А. Крылов» (1944), «Этюды о Низами» (1955), «Гете» (1959). В начале 1980-х гг. М.С. Шагинян выпустила свою последнюю книгу «Человек и время. История человеческого становления».

Ее долгая и яркая жизнь была насыщена различными событиями. Она пережила падение царизма и становление советской эпохи, тяготы войны, некоторые ее произведения были под запретом, но это не уничтожило ее желание жить и творить. Знавшие ее люди относились к ней по-разному. Одни восхищались ею, другие – не переносили, третьи относились к ней, как к великой писательнице и важному общественному деятелю. И не было никого, кто относился бы к ней равнодушно. *Творчество длиною в жизнь* – именно так можно охарактеризовать жизненный путь Мариэтты Сергеевны Шагинян.

В творческой жизни М.С. Шагинян большое место занимает «Ленинская тема». «Ленин проходит через всю мою жизнь», – говорила о себе Мариэтта Сергеевна. Над ленинской тематикой писательница работала много десятилетий, начиная с первых лет Октябрьской революции и до 1970-х годов, когда появились ее работы: «Семья Ульяновых», «Первая Всероссийская», «Билет по истории» и лирико-философские очерки «Четыре урока у Ленина».

Знакомство М.С. Шагинян с коммунистическими идеями связано с поисками ответов на вопрос о смысле бытия; она проделала путь от увлечения идеалистической философией к убежденности в правоте марксизма-ленинизма.

«Пришла Октябрьская революция. Жизнь раскололась надвое, началось нечто невиданное, – вспоминала М.С. Шагинян. – Все прошлое сметено, закладываются камни совершенно неизведанного, незнакомого мира, и участие в его строительстве становится делом каждого человека. Но для того, чтобы правильно строить новое общество, надо знать его чертеж, план, его очертания». Именно тогда М.С. Шагинян обратилась к ленинским работам. Поиски верного пути к участию в новом бытии народа, проверка своего выбора были важным звеном эволюции целого поколения. «Ведь жизнь

человека – это его единственная жизнь, данная ему, – писала М.С. Шагинян, – и, конечно, мы хотели прожить ее правильно, честно, с пользой».

«Первое и главное, что меня захватило, по убеждению М.С. Шагинян, – это умение В.И. Ленина подходить к каждому явлению, как к движущемуся, живому, меняющемуся, а не то, что наклеил ярлык – и стоит навеки вечные». Еще в раннем цикле очерков о ленинградских текстилях определилась ленинская тема. В дальнейших замыслах писательницы появилось стремление исследовать движение его мысли, познать круг волновавших его проблем, над которыми он размышлял. Но как раскрыть своеобразие исторического героя? Как и в чем изменяется жанр исторического романа, каковы его границы и возможности? Этим вопросам посвящены ее статьи на протяжении почти целого двадцатилетия: «Самое дорогое» (1957), «Как я писала «Семью Ульяновых» (1960), «Как я работала над «Семьей Ульяновых» (1963), «Главная тема жизни» (1970) и «Нужен дар любви» (1973).

Первый роман тетралогии – «Семья Ульяновых» – был задуман как «роман-хроника». «Я захотела, чтобы глубже подойти к теме Ленина, обратиться к истокам: откуда, из какой среды он вышел... в каких условиях рос, учился, воспитывался, что на него влияло. И я решила поехать на его родину, пожить там и собрать архивные материалы и свидетельства живых людей о том, каким был Ленин, как жила семья Ульяновых». М.С. Шагинян работала в местных архивах и библиотеках Ульяновска (Симбирска). Она изучала «все то, что стоит на полках кабинета Ильи Николаевича, т.е. в основном педагогическую литературу», прочитала комплекты газет «Симбирских губернских ведомостей». Начало ленинской тетралогии было положено именно в Ульяновске. Этот замысел укрепляли встречи с современниками. Формирование молодого Ленина, по мнению М.С. Шагинян, определялось духом времени, общественным развитием конца XIX века.

Далее появилась книга «Первая Всероссийская», в которой рассказывается, как из народа поднимается волна народной мысли и инициативы. Сама писательница так оценивала романы «Семья Ульяновых» и «Первая Всероссийская»: «...то были

подступы к Ленину через изучение ...его семьи и детства». Время шло, – писала 16 июня 1968 года Мариэтта Шагинян, – а сам «Ленин, мудрый, взрослый, учитель, преобразователь жизни, открывший новую эру не только в социально-политической области, но и в этике, в философии, в теории познания, – оставалась все еще впереди. И я решилась, наконец, приступить к ней. Так родилась, вернее – начала рождаться, самая трудная, самая увлекательная книга в моей жизни. Я назвала ее «Четыре урока у Ленина».

Этот цикл состоит из отдельных очерков: «Воспитание коммуниста», «По следам Ильича». «В библиотеке Британского музея» и «Рождество в Сорренто». Книги М.С. Шагинян, посвященные великой теме, представляют собой важный вклад в Лениниану, создаваемую трудами многих советских художников.

Оглядываясь назад и обдумывая исторический опыт советской литературы, Мариэтта Сергеевна Шагинян пришла к важному выводу: *литература наша обладает великой действенностью, именно поэтому она могла вести и помогать пониманию нового, стать «частью общепролетарского дела».*

По своей натуре Мариэтта Сергеевна Шагинян была неутомимым исследователем жизни. Писательница не искала «легких путей» и стремилась передать не только существующую реальность, но и неповторимую окраску всех происходящих событий, все своеобразие открывающегося перед ней нового дня истории.

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ДОНСКОМ КРАЕ
В РОМАНЕ М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»**

*Я родился на Дону, рос там, учился,
Формировался как человек и писатель...
С гордостью говорю, что являюсь
патриотом своего родного Донского края.*
М.А. Шолохов

Донская земля – это край трудолюбивых и гостеприимных людей, представляющих более ста национальностей, которые живут в мире и согласии, соблюдая традиции своих предков. Здесь всегда ценились взаимное уважение народов, сотрудничество, взаимопонимание. Не случайно представители разных национальностей говорят: «Дон – наш общий дом».

Донской край – это и родина многих талантливых людей, которые получили народное и мировое признание. Среди них Нобелевский лауреат, автор романа-эпопеи «Тихий Дон» Михаил Александрович Шолохов.

Роман М.А. Шолохова «Тихий Дон» можно по праву считать энциклопедией казачьей традиционной повседневности. Картины жизни казаков на страницах романа были бы неполными без обширного и точного отображения типичных понятий, подробностей жизни, традиций и обычаев донцов.

Казачество идентифицировало себя как особый – «другой русский народ», хотя на Дону имелись неправославные казаки, например, калмыки. К 1917 году на Дону проживали представители более 40 наций и народностей, среди которых доминировали русские, украинцы, армяне. Соответственно, здесь существовала конфессиональная свобода, а именно: наряду с постоянным укреплением позиций православия были распространены и другие верования – старообрядчество, ислам, иудаизм и др.

Как же в таком многонациональном, многословном и многоконфессиональном крае сохранить уважение друг к другу?

Как Михаил Александрович Шолохов в своем произведении раскрывал эту тему?

В самом начале романа «Тихий Дон» М.А. Шолохов повествует историю деда Григория Мелехова. «В последнюю турецкую кампанию вернулся в хутор казак Прокофий Мелехов. Из Туретчины привез он жену...» Служба первой очереди у казака проходила в возрасте от 21 до 25 лет, а в этот период жизни любовь бывает, как говорится, очень «зла». Но, тем не менее женитьба на иностранке, да еще представительнице иной веры, была у казаков, видимо, явлением нечастым. И, как мы увидели в произведении, вызывало у односельчан непонимание, неприятие, агрессию и жестокость.

Казаки полагали, что земля эта – Дон с притоками, или Казачий Присуд, – принадлежит им как присужденная Богом в вечное владение, а если и были раньше на ней какие-то племена, то земля у них отвоєвана в честной брани и с Божьей помощью. Возможно, по этой причине происходили стычки с представителями других народов. Такой случай описал в своем романе М.А. Шолохов. Это сцена драки казаков с «хохлами» из-за очередности проезда по мосту. Также в произведении есть несколько моментов, когда герои в разговоре выражают свое негативное отношение к евреям, называя их «жидами».

Вообще, казак казаку, даже если он был другого социального сословия, доверял в большей степени, чем иногороднему, так как их объединяли не только общие интересы, но и своеобразно иное понимание основ организации, смысла, сути, уклада жизни казачества.

М.А. Шолохов прост для чтения, но не для анализа. Текущие шолоховские характеры развиваются как вверх, так и вниз по ступеням человечности.

Сложность художественной философии писателя в том, что, обращаясь к первоэлементам человеческого бытия, он соединяет их так, что они образуют модель смещения смысла, создающую ощущение, что это не мы читаем писателя, а он сам читает наше время. Можно говорить о скользящем основании каждого текстуального ответа, обращенного к читателю. Вот вопрос о национальной идентичности писателя, поднятый в беседе со шведскими студентами. Михаил Александрович отвечал,

ссылаясь на подслушанный ответ ребенка, что он тоже «всешний»: «и украинец, и русский, даже казак, только не швед, к сожалению». Это отнюдь не логика исключения. Напротив, все соединено, «только *не швед*», но и то – *к сожалению*. Исключение с наибольшим присоединением. «Всешность», всечеловеческое особенно ярко проявляется в кризисных ситуациях художественного мира М.А. Шолохова.

Сейчас в Ростовской области проживают представители 150 национальностей и народностей. У каждого народа – свои обычаи, праздники, свои песни и сказки. И мы должны знать и уважать обычаи народа, живущего рядом. Ведь мы земляки: у нас одна родина – наш Донской край.

Русские, татары, адыгейцы и армяне,
Мы черные, и русые, и смуглые, и белые.
В России – на земле родной,
Живем мы все большой и дружной семьей.

Литература

1. *Ермолаев Г.С.* «Тихий Дон» и политическая цензура. 1928-1991. М., 2005.
2. *Кислицын С.А., Дулимов Е.И.* Шолохов и история России. Ростов-на-Дону, 2005.
3. Научно-просветительский журнал «Мир Шолохова». 2014, № 1; 2017. № 1-2.

Карина Хейгетян

НАРОД И РЕВОЛЮЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.С. ШАГИНЯН И М.А. ШОЛОХОВА

Любая революция – это испытание для всего народа, так как является глубоким переворотом в жизни всей страны. Время революции и Гражданской войны начала XX века для России было сложным и противоречивым. Стараясь разобраться в исторических процессах, размышляя о чувствах народа, мы ищем источники информации, которые освещают события давно минувших дней. Возможность изучить и понять эти сложные исторические вопросы дают материалы

документальной хроники, дневниковые записи очевидцев тех давних событий, а также произведения писателей, художников, публицистов.

Одним из таких ресурсов стал сайт «Занимательная Ростовология». В разделе «Потрясения и испытания ростовской истории» размещены художественные произведения, которые описывают непростые исторические времена XX века, которые не обошли стороной и наш Донской край. Жизнь народа, живущего на Дону, во время круто поворотных событий, связанных с Октябрьской революцией 1917 г., Первой мировой войны, братоубийственной Гражданской войной ярко и правдиво представлена многими писателями.

Среди произведений, отражающих этот период (а их на сайте «занимательная Ростовология» – 21) можно считать повесть Мариэтты Сергеевны Шагинян «Перемена» и роман Михаила Александровича Шолохова «Тихий Дон».

На Дону Мариэтта Шагинян оказалась в четырнадцатилетнем возрасте, когда после смерти отца семья переехала в Нахичевань к своим родственникам. Она бывала здесь и раньше, приезжая к бабушке «на побывку», на летние каникулы.

На Дону Мариэтта Сергеевна прожила с 1915 г. до конца 1920 г. Здесь она встретила и Февральскую, и Октябрьскую революции. С 1917 г. по 1922 г. она вела дневниковые записи. В своем дневнике она писала: «Я провела в Донской области около трех с половиною лет революции, с поездками в Петербург и Закавказье. За это время мне пришлось пережить несколько переворотов, немецкую оккупацию, приезд «союзников» в гости (англичане и французы в Новороссийске и на Кубани), полосы междувластия, когда единственной защитницей обывателя была домовая охрана, атаманину, деникинщину, врангелевщину».

События Гражданской войны на Дону были осмыслены и отражены М.С. Шагинян в художественном произведении – в повести «Перемена». А дневниковые записи с описанием того, что происходило в Нахичевани и в Ростове вместе с информацией из местных газет стали частью реалистичной повести «Перемена». В ней М.С. Шагинян ярко и образно

показала столкновение двух сил: страшного в своей обреченности старого мира и героев революционной перемены.

Позицию М.С. Шагинян относительно политической обстановки можно разглядеть и в письмах близким ей людям. Так, в письме к своей подруге по учебе Надежде Газдановой от 02.01.1918 г. М.С. Шагинян писала: *«В политическом отношении здесь жить страшнее, чем где-либо, именно потому, что здесь нет единства власти и настроения. Казаки хозяйничают, но не казаков 60%, по крайней мере, 40% – большевики. Так что мы живем, как на вулкане. Газеты преувеличивают вообще все, что касается мнимого благополучия «Дона». Я страшно страдаю от газет и вообще того, что творится. Это – острее всех личных страданий. В глубине души мне жаль большевизм, жаль только, что всякая социальная идея компрометируется попыткой ее воплощения в жизнь; жаль, что возле крайних полюсов всегда скопляются и отбросы, грязнящие и скрывающие от других ядро своего дела. Люди губят у нас свою веру, вот что получается. А вера, конечно, не виновата. Внутреннее устремление большевизма – грандиозно. Это утопическая мечта внести справедливость, простоту и правду в международные отношения. Разумеется, этого никогда не достичь, и чисто русская мечта превратится в слишком русскую действительность, т.е. в хамство. У нас всегда так... Но все же Россия сейчас велика даже во всех ошибках, и я способна ненавидеть тех, кто нынче «презирает» ее.*

Твоя Мариэтта.

*Мой новый адрес: Нахичевань н/Д, 2-ая Софиевская, 12
Шагинян-Хачатрянц»*

Мариэтта Сергеевна рассматривала повесть «Перемена» как свою первую настоящую, реалистическую вещь о Гражданской войне. В предисловии к ней она писала: «Нигде «перемена» не была такою сплошной и беспорядочной, как на юге России в эпоху Гражданской войны. Я и хочу рассказать о ней, имея в центре внимания не событие только, но человека... В этих записках нет ни одного выдуманного слова, ни одной

непережитой сцены. Кое-где я только изменила имена и сдвинула пространство».

Быль о войне на юге страны – это сплав личных авторских впечатлений. Герои М.С. Шагинян – это обычные люди, наделенные обыкновенными человеческими страстями, страхами и надеждами. Писательница описывала поведение людей в эти смутные времена. «Обыватель, как растение, сопротивлялся этому ветру событий. Он стоял на месте, и волны шли через него, оставляя отмыты». В этой повести многообразие действующих лиц – казачество и крестьянство, мещанство и интеллигенция, рабочие и шахтеры. Противоречивость их мыслей и чувств сплетается в огромный эмоциональный клубок.

Начало повести рисует умиротворенную картину обычной провинциальной жизни горожан. Эта мерная, привычная жизнь прерывается сообщением из Петрограда о том, что с трона сбросили царя... «Так вонзились мы и в февральскую революцию. С величайшей охотой и удовольствием, по самый кончик, вошли в нее люди самые разнообразные: капиталисты, чиновники, губернаторы, полицеймейстеры, думские гласные, нотариусы и даже городовые». Привычный уклад стремительно меняется.

«Начались митинги... Проступили отдельные Иваны Иванычи, избираемые в разных местах разными организациями. Иваны Иванычи вставали рано, «кипели в общественном котле». Проступили и Марьи Ивановны... Каждая из них где-нибудь председательствовала. Они умели звонить в колокольчик и очень громко кричали «тише!». Им досталось целиком женское движение и митинги по женскому вопросу». В этих условиях требовалось определиться в своем отношении к постоянно меняющейся власти.

Интеллигенция города представлена образом Якова Львовича – человека глубоко образованного, бывшего магистра философии, учителя гимназии, ныне же играющего на скрипке в городском симфоническом оркестре. Окружающие воспринимают его как неудачника, он же, напротив, ощущает себя счастливым и любит умственный труд и имеет определенную позицию, которую пытается втолковать своему соседу – механику и большевику товарищу Васильеву: «Я

люблю мысль революции, я за нее умру не поморщившись. Или вы лучше меня видите ложь старого мира? Только я не желаю создавать на место нее новую ложь под другим названием». Люди в этих условиях пытались сохранить свою жизнь, свое имущество, своих близких. Они пытаются жить в условиях непрекращающейся борьбы за власть. «Целый день идет перестрелка по главной улице, целый день верещит, словно ярмарочная суতোлка, пулемет с высокого дома на площади, не попадая. Сыплются пули о стены, залетают в районы, где прячутся беженцы, входят в стекло и расплющиваются в подоконнике... Город в руках Совета, предполагается на завтра выступление... Казаки идут от Черкаска... казаков численно больше».

Повесть М.С. Шагинян рисует время лихолетья, кровавые сцены междоусобицы. «...Город стал – город казачий. Казаки приказывают, казаки хозяйничают, и городская дума с достоинством выступила: «Так же нельзя. Мы очень рады казакам, мы очень им благодарны за доблестное очищение, но город – он город свой собственный, а не казачий. В городе есть думские гласные, есть, наконец, члены управы, письмоводители, городской голова, и что же им делать?».

Но казаки не слушают, каждый казачествует, как ему любо, ссылаясь на атамана, властителя края: быть теперь Дону под атаманом! Кольцом окружили большевиков под Батайском. С каждым днем, словно от взмаха косы над степною травой, ложатся ряды их. Но теснее сжимаются те, что остались, и теснее зубы сжимают: такие недешево стоят! Душу за душу, смерть за смерть, – обессиленными руками сыплют порох, забивают патроны, наводят могучую пушку. Трах – отстреливаются большевики. В Ростове гранатами уничтожены Парамонова верфь, мореходное училище и пострадали дома. Их измором берут, смыкают железною цепью, но, голодные, истощенные, из-за груды убитых, как за стеной баррикады, отстреливаются большевики. Там, под Батайском, лягут они до последнего. «А казаки... кто их поймет! Одни, отстреливаясь, отступали от большевиков, шаг за шагом, покрывая трупами степь. Другие с оружием и со знаменами переходили к большевикам и сдавались».

Мариэтта Сергеевна Шагинян описала изменения в жизни горожан, которые наблюдались с 1917 г., и перед читателями встают картины непостоянства и неразберихи. Идет борьба за власть. Власть завоевывается в боях на улице, порой в рукопашную. При этом «жители, спрятавшись в задние комнаты, затыкая уши руками, держат детей меж коленками, не могут глотка проглотить от тошного страха, – кто за себя, кто за близких, кто за имущество». Казаки отступили и вот уже «Соборная площадь залита рабочими, красноармейцами, городской беднотой. Лица сияют, красное знамя взвилось у дверей комендатуры, перед участками, перед Думой. Мальчишки-газетчики, торговки подсолнухами, подметальщики снега, трамвайные кондуктора, почтальоны и все, кто не носит ни шуб, ни жакеток, ни шляпок безбоязненно ходят по улицам, на их улице праздник, да и все улицы стали ихними!». Простым обывателям сложно было ориентироваться в постоянно меняющейся ситуации.

В «Известиях», – так думали обыватели, – сидел упразднитель. Хватался за все: нынче одно упразднит, а завтра другое. Упразднена уже собственность, право иметь больше столько-то денег наличными, сословный суд, прокуроры, сословье присяжных поверенных». В эти беспокойные дни каждая власть устанавливает свои порядки. «Ходят, постукивая по подмерзшей февральской дорожке, патрули, перекликаются. На базарах стоит запустенье – ни мяса, ни рыбы, ни хлеба. Крестьяне попрятались и не подвозят продуктов». Простому же народу хочется мира, порядка и возможности спокойной жизни. И вопрос интеллигентного Якова Львовича, адресованный товарищу Васильеву, когда большевики вновь отбили у белых Ростов-на-Дону: «Будет ли мир? Довольно уж крови. Взгляните, как сумерки голубеют за окнами, а по карнизу бьют лапками голуби. Взгляните на огонечки на улице, на шар золотистый с кислотами, что засиял там, в аптечном окне. Тесен мир и единственна жизнь, дорогая для каждого. Дайте людям порадоваться, завоевали – и баста!» – отражает ожидания большинства обычных людей. Но мир теперь не просто установить. Все очень сложно. «Фронт передвигался. Войска уходили. Людей не хватало. Постановления не исполнялись.

С Украины шли гайдамаки, под Новочеркасском зашевелились казаки. Был подписан мир в Бресте, а немцы, под предлогом очистки и определения границ, наступали...».

Повесть «Перемена» достаточно документальна. Ее страницы рассказывают читателям не только о борьбе большевиков с меньшевиками, но и о том, как вели себя немцы в Нахичевани и в Ростове, когда они вошли сюда в 1918 году. В повести говорится, что буржуазия ждала их и была рада установившемуся порядку. Та буржуазия, которая ранее «в начале войны, брызгая пеной, кричала о подлости, низости, тупости немцев. Та самая, что помешана на патриотизме, на русском стиле, новгородских церквах и Московском Художественном театре. Та, что требовала войны до победного окончания». Некоторые обыватели сперва утешались немецким порядком порядку, который поддерживался назначенными немецкими комендантами – полковником Фромом для Ростова и лейтенантом фон-Валькером для Нахичевани. Появились новые распоряжения и приказы, порой непривычные и смешные для простого обывателя новых порядков, устанавливаемых на Дону. «Фром и фон-Валькер вывесили объявление: чтоб немедленно, в тот же час, торговки подсолнухами ликвидировали свои предприятия. И чтоб обыватели подсолнухами между зубами не щелкали, их не выплевывали и по улицам не сорили. А кто насорит – оштрафуют.

Вслед за этим Фром и фон-Валькер опять объявили, что по улицам можно ходить лишь до одиннадцати и три четверти, но ни на секунду не позже. А после одиннадцати и три четверти *ходи, сколько хочешь*. В тот год, восемнадцатый...». По разному оценивали порядки немцев и казаки. Одни считали, что «немцы здорово нас выколачивают. Присосались, как пиявки». Другие отмечали, что «они очистили область». Но жизнь простого народа, рабочих по-прежнему тяжела. «Плакали жены рабочих – опять вздорожала мука. С ума сойдешь! Жалования не платят, а хлеб, что ни день, то дороже. Хоть соси свою руку. Плакали даже в станицах – так обесхлебить и раньше не приходилось. Волком смотрели и обыватели, кто победнее. В городе, на базарах, стоит запустение: ни хлеба, ни рыбы, ни мяса. Крестьяне попрятались и не подвозят продуктов».

Но вот «хозяйка-история немцев смахнула со сцены, как после обеда хлебные крошки со скатерти. Немцы надолго выбыли из игры». Революционные события продолжаются. Вышла в Ростове газета «Рабочее слово». «Вычищен город от белых до последнего белогвардейца, буденовцы лихо гарцуют по городу на конях, одно за другим возвращаются учреждения. Уже разместился на месте штат телеграфной команды, автомобиль с политкомами и военные части вернулись...». В буре Гражданской войны выросло и целое поколение молодежи. Яркий образ повести шестнадцатилетней девушки Куси. Она восторженно принимает революцию и готова погрузиться в нее с головой и безоглядно готова идти туда, куда «партия скажет». Но не доведется прожить ей свою жизнь. Выполняя опасную задачу, будет она смертельно ранена и не выживет.

Повесть-быль «Перемена» заканчивается жизнеутверждающим призывом: «...Жить, чтоб взошли на земле семена окрыленной мечты человечества о справедливости. Жить, чтоб своими руками, из камня и стали, строить то, что мерещилось в думах, записано в книгах. ...Скоро, скоро, все страны станут свободными! ...Утреннюю зарю мы играем тебе, Человечество!». Несмотря на такое проникнутое надеждой заключение, мысль о том, как страшно жить в такое непростое время, высказана автором Мариэттой Шагинян в середине повести в главе «Лирическая»: «Страшно видеть тебя лицом к лицу, Перемена! Перемена неотвратима, как смерть: ее, если хочешь, прими, если хочешь, отвергни, – все равно не избежешь».

Отрывок романа «Тихий Дон» Михаила Шолохова, размещенный на сайте «Занимательная Ростовология», посвящен боям за власть в городе Ростове и людям, которые сражаются на стороне красных большевиков. И снова перед нами образы отчаянных людей. Вот молодой пулеметчик Бунчук. Он должен обучить военному пулеметному делу простых рабочих – шестнадцать мужчин и одну девушку – людей «самых разнообразных профессий, возрастов и даже национальностей. Двое грузчиков, полтавский украинец Хвыльчко и обрусевший грек Михалиди, наборщик Степанов, восемь металлистов, забойщик с Парамоновского рудника

Зеленков, тщедушный пекарь-армянин Геворкян, квалифицированный слесарь из русских немцев Иоганн Ребиндер, двое рабочих депо, и семнадцатую путевку принесла женщина в ватной солдатской теплушке, в больших, не по ноге, сапогах». Бунчук должен в ускоренном темпе обучить этих людей, которым придется защищать власть большевиков, т.к. «есть сведения, будто бы Каледин собирается в поход... у нас... как и везде, полагаю, надежда на рабочих». И вот «25 ноября в полдень к Ростову были стянуты из Новочеркаска войска Каледина. Началось наступление. Вдоль линии железной дороги... шли жидкие цепи офицерского алексеевского отряда. На правом фланге погуще двигались серые фигуры юнкеров. Добровольцы отряда генерала Попова обтекали красноглинистый ярк на левом фланге». Так выглядели перед боем белогвардейские силы. «В красногвардейской цепи, рассыпавшейся на окраинах Нахичевани, сказывалось суетливое беспокойство. Рабочие, многие в первый раз взявшие винтовки, испытывали боязнь, переползали, пачкая свои черные пальто осенней грязью; иные поднимали головы, рассматривали далекие, уменьшенные пространством фигуры белых... Шесть дней под Ростовом и в самом Ростове шли бои. Дрались на улицах и перекрестках. Два раза красногвардейцы сдавали Ростовский вокзал и оба раза выбивали оттуда противника. Наконец, отошли калединцы. Жестокие бои завершились, укрепив Бунчука в отношении к своим противникам-белогвардейцам: «Убивать их надо, истреблять без пощады! Они нам пощады не дадут, да мы в ней и не нуждаемся, и их нечего миловать. К черту! Сгребать с земли эту нечисть! И вообще – без сантиментов, раз дело идет об участии революции. Правы они, эти рабочие!»

Автор романа Михаил Александрович Шолохов сам был участником боевых действий на Дону во время Гражданской войны и на себе испытал тяготы фронтовой жизни и ужасы братоубийственной войны. По его мнению, Гражданская война «...помимо всего прочего, тем пакостна, что ни победы, ни победителей в ней не бывает...».

В заключение хотелось бы сказать, что повесть «Перемена» М.С. Шагинян и отрывок из романа «Тихий Дон»

М.А. Шолохова помогают понять, что любая революция – это большое испытание для народа. Время революционных перемен несет страдания, кровопролитие и потери для каждой стороны. И нет бóльшего несчастья, как жить в эпоху таких кровавых событий.

Литература

1. Библиотека Fb2-ePub – Книги – Проза – Советская проза – Мариэтта Шагинян «Перемена».

2. <http://ru.hayazg.info> – Армянская энциклопедия фонда «Хайазг» - Шагинян Мариэтта Сергеевна / Переписка Мариэтты и Лины Шагинян Надежде Газдановой

3. Сайт «Занимательная Ростовология» <http://rostovologia.rodbv.ru/byt-i-bytie-zhiteley-nashego-goroda/fragmenty-romana-m-shaginyan-peremena/> – Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982) «Ростовская осень 1917»: сцены из повести «Перемена»

4. Сайт «Занимательная Ростовология» <http://rostovologia.rodbv.ru/byt-i-bytie-zhiteley-nashego-goroda/fragmenty-romana-m-shaginyan-peremena/> – Шолохов Михаил Александрович/ Фрагмент из романа Михаила Шолохова «Тихий Дон».

Сусанна Чороян

ПОВЕСТЬ «ПЕРЕМЕНА» М.С. ШАГИНЯН И РОМАН «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА» М.А. ШОЛОХОВА

Литература второй четверти XX века – интересный этап в жизни русской литературы, российского общества. Литературный критик И.А. Дедюхова писала: «После социальных потрясений начала XX века в официальном советском искусстве, базировавшемся на идеологических принципах «партийности», стало не принято создавать жизнеспособные образы, реалистически отражавшие человека во всей сложности его двойственной природы». Выбор между Добром и Злом заменился «степенью сознательности» человека. В литературе образ живого человека стал представляться схематично. Недостатки приписывались «врагам революции», положительные качества – героям, которые «встали на новый

путь». С этой точки зрения большой интерес представляют роман М.А. Шолохова «Поднятая целина» и повесть М.С. Шагинян «Перемена».

В романе донского писателя М.А. Шолохова показано, как «находят общий язык» два будущих «врага революции».

Яков Лукич достал кисет и заговорил – вылил то, что годами горько накопало на сердце:

– О чем толковать-то, Александр Анисимович? Жизнь никак не радует. Вот это трошки зачали казачки собираться с хозяйством, богатеть. Налоги в двадцать шестом али в двадцать седьмом году были, ну, сказать, относительные. А теперь опять пошло навыворот. У вас в станице как, про коллективизацию что слышать, ай нет?

– Слышать, – коротко отвечал гость...

– Стало быть, от этой песни везде слезьми плачут? Вот зараз про себя вам скажу: вернулся я в двадцатом году из отступа. У Черного моря осталось две пары коней и все добро. Вернулся к голому куреню. С энтих пор работал день и ночь. Продразверсткой первый раз обидели товарищи: забрали все зерно под гребло. А потом этим обидам и счет я потерял. Хоть счет-то им можно произвести: обидют и квиток выпишут, чтоб не забыл. – Яков Лукич встал, полез рукой за зеркало и вытянул связку бумаг. – Вот они тут, квитки об том, что сдавал в двадцать первом году: а сдавал и хлеб, и мясу, и маслу, и кожи, и шерсть, и птицу, и целыми быками водил в заготконтору. А вот это окладные листы по единому сельскому налогу, по самооблогу и опять же квитки за страховку... И за дым из трубы платил, и за то, что скотина живая на базу стоит... Скоро энтих бумажек мешок насбираю.

Будущий «враг народа» Яков Лукич рассказывает, как он пытался в «поте лица» заработать на достойную жизнь. Он говорил, что поступали с ним несправедливо, постоянно душили налогами, не давали возможности достичь материального благополучия собственным трудом.

Что можно сказать о Якове Лукиче? Обвинить в жадности? Он хочет, чтобы его семья жила хорошо. Но для новой власти будет восприниматься потенциальным врагом: потому что способен прокормить себя сам. Мы чувствуем в нем культуру

земледельца, впитанную с детства. Мятеж Якова Лукича – мятеж человека, который никогда не будет для власти «хорошим», сколько «заготовительных» бумажек не сложит в стопку. Это унижение приводит к трагическому финалу романа.

В 1920-е годы Яков Лукич надеялся на лучшее будущее. Но власть не собиралась с ним «цацкаться». Она всерьез заинтересовалась Яковом Лукичом, не оставляя ему никакого выхода, кроме вынужденного мятежа. Яков Лукич ожидал более уважительного отношения к себе. Он думал, что после всех заготовок власть снизит налоговую нагрузку, что он сможет «встать на ноги» хотя бы к старости.

Он рассчитывал на новую власть, которая оставит возле него некое личное пространство, где он будет чувствовать себя хозяином. Но власть заставляет делать не нравственный, а «идейный» выбор, ничего не предлагая взамен. После тяжелых сцен раскулачивания и высылки односельчан Яков Лукич делает выбор, еще не предполагая, к каким последствиям он его приведет.

Этот отрывок с откровениями врага народа можно сравнить с повестью «Перемена» Мариэтты Шагинян. Повесть была опубликована в 1922 году. Роман написан телеграфно-экспрессивным стилем, сочетанием трудно сочетаемого, дающего явный эффект динамики и напора. Эта проза была реакцией на динамику революции, ее ритмы, эмоции...

Под переменой писательница понимала Революцию, перевернувшую мир. Мариэтта Сергеевна рассматривала этот роман как первую свою настоящую вещь о Гражданской войне (книга имеет подзаголовок – «Быль»), быль о войне на Юге страны, написанную «по свежим следам пережитого, по дневнику и газетам».

«Перемена» стала одной из первых произведений молодой советской литературы, эпохи досоциалистического реализма. Сплав дневников и газетных публикаций стали основой содержательного видения происходящих событий. М.С. Шагинян в этом произведении не столько романтик-поэт, сколько сатирик, наблюдающий за поведением людей в меняющейся ситуации.

Начало повести – картинка обычной провинциальной жизни нахичеванцев, их восприятие Февральской революции как «сюрприза, как снега на голову»:

«Из года в год в одноэтажных особнячках предместья Ростова, с лепными карнизами и приспущенными жалюзи на зеркальных окнах, жизнь текла привычным порядком. По вечерам, за полночь, сидели гости и играли в карты. Прислуга на кухне сквозь сон готовила, смотря по сезону, все тот же одинаковый ужин: осенью резались на закуску помидоры и огурцы, делалась «укра» из вареных баклажан, вынимался из банок плачущий белый, пахнувший остро сыр брынза, вспарывалось текущее жиром бронзовое брюхо шамайки: травки всех наименований и запахов, от укропа до белого испанского лука, клались отдельно, опрыснутые водой, на тарелку; и на печи, посыпанной крупным углем, подогревался бараний соус с бобами, – а босые ноги шелестели уже по красному деревянному полу на террасу, где накрывался стол, ставились свечи в стеклянных колпачках от ветра и падали, ушибаясь о них, крупные, пахучие жужелицы. Зимой и весной граненое стекло поблескивало в трюмо, и чинный столовый стол заставлялся холодной закуской, а из темных буфетных комнат, где пахло мускатным орехом, гвоздикой, ванилью и пробками, выносились цветные графинчики».

Привычная жизнь прерывается сообщением из Петрограда о том, что с трона сбросили царя. События рисуются калейдоскопом смены ситуаций, диалогов, сценок, споров, оценок, и через это монтажное коловращение проступает образ Времени, Перемены, наполненной тревогами и надеждами «крендельковых людей», которые боялись любых перемен: кто ждал конца света, кто конца Советской власти...

Книга действительно документальна – где бы мы еще прочитали о том, как вели себя немцы в Нахичевани и в Ростове, когда они вошли сюда в 1918 году? Как важны для нас картинки именно обычной жизни в этой сумятице умов и душ!

«Меж Ростовом и Нахичеванью дорога идет по степи. Слева скверы, летом пыльные, с киосками лимонада, сладких стручков и липкой паточной карамели в бумажках. Днем и вечером в них толпятся солдаты, шарманщики, франтоватые

люди прилавка. По воскресеньям усердно гудит здесь марш «Шумы, Марица» и вальс «Дунайские волны». На запрещение не глядя, налускано семечек по дорожкам несчетно, и дождь их сыплется, как из крана, из неугомонных ртов днем и ночью, заменяя скучную надобность речи.

Справа лежит дважды сжатая степь, уходя к полотну железной дороги, исчертили ее колеи проезжих дорожек. Пылится она постоянно взметаемой из-под колес белой пылью, трещинами покрывается к осени. Как сосок у небрежной кормилицы, и не дает ни влаги, ни тени.

Нет спасенья от духоты июльской ночью! В Темернике над черной, миазмами полною дужей стиснутые друг к дружке законченные стены домишек задыхаются от жары и от страшных вздохов близкой гостыи: холеры».

М.С. Шагинян упоминала о запрещении лугать семечки на улицах города. Она имела в виду приказ коменданта Нахичевани «стройного и рыжеусого в красноокольшевой фуражке господина лейтенанта фон Вальтера», который гласил: «о немедленной ликвидации торговками подсолнухами своих предприятий. Чтоб отныне они на углах с корзинками свежепожаренных подсолнухов, также и семечек тыквенных и арбузных, стаканчиками не продавали, не сидели. И чтоб обыватели подсолнухами между зубов не щелкали, и не выплевывали и по улицам не сорили. А кто насорит – оштрафуют». Тогда весь город потешался над приказами ростовского градоначальника Грекова.

Мозаичная картина поведения людей, их реакций на происходящее, пронизана поступь Перемены, которая словно распахнула двери в необъятную ширь горизонта...»

Динамичная, бурлящая революционными событиями, кипящая страстями повесть заканчивается апофеозом: «Жить, чтоб делать, чтобы познавать, чтоб бороться. Жить, чтоб взойшли на земле семена окрыленной мечты человечества о справедливости. Жить, чтоб своими руками, из камня и стали, строить то, что мерещилось в думах, записано в книгах. Как в храм бесконечных возможностей стал входить человек, возвращаясь к себе самому, гражданину нового мира.

...Скоро, скоро, все страны станут свободными! И музыка, музыка, музыка пройдет по всем улицам мира, с барабаничками, отбивающими Перемену:

Зорю утреннюю играем тебе, Человечество!»

Интересно сравнить личности двух писателей, повествующих об одних и тех же событиях. Михаил Александрович Шолохов, уроженец станицы Вешенской, знающий с детства, «как достается пшеница», и родившаяся в Москве Мариэтта Сергеевна Шагинян, описывающая выгоревшую от засухи степь. Действительно, в ее изображении картина невзрачная. Но с каким отчаянием ждут дождя в этих местах; как, пытаюсь «поймать погоду», работают без сна во время посевной и сбора урожая.

М.С. Шагинян критиковала роман «Тихий Дон» М.А. Шолохова за обилие «жаргонов» и «неправильную политическую платформу». А в отличие от нее, М.А. Шолохов не называл свои родные края «Донобластью».

В финале своей повести М.С. Шагинян писала о том, как «вычищен город от белых до последнего белогвардейца». В «Перемене» бурно протекает конфликт «между старым и новым», заканчиваясь похоронами «маленькой подруги» Куси, которая «завещала вечную веру в борьбу», «за победу любви на земле».

И недаром муза трагедии пела городу ночью декабрьской. Вычищен город от белых, буденновцы лихо гарцуют по городу на конях, одно за другим возвращаются учреждения.

Все по-прежнему в городе. Нет только Куси!

Повесть «Перемена» прославляет новую власть; на этом фоне герои «Поднятой целины» выглядят более реалистично.

Яков Лукич в сцене ночного убийства переступает в душе за ту грань, откуда обратной дороги уже не будет.

В полусумраке хаты он видит обезумевшие от ужаса, вспухшие от невыплаканных слез глаза. Ему хочется на воздух... Он с отвращением давит пальцами ей за ушами. От чудовищной боли она бьется, на короткое время теряет сознание. Потом, придя в себя, вдруг выталкивает языком мокрый, горячий от слюны кляп, но не кричит, а шепотом просит:

– Родненькие, пожалейте! Все скажу!

Она узнает Якова Лукича. Ведь он же кум ей, с ним она семь лет назад крестила сестрино сына. И трудно шевелит изуродованными, разорванными губами:

– Куманек!.. родимый мой!.. За что?

Половцев испуганно накрывает рот ей своей широкой ладонью. Она еще пытается в припадке надежды на милость целовать эту ладонь своими окровавленными губами. Ей хочется жить! Ей страшно!

– Ходил муж куда или нет?

Она отрицательно качает головой. Яков Лукич хватается за руки Половцева:

– Ваше... Ксан Анисимыч!.. Не трожь ее... Мы ей пригрозим, не скажет!.. Век не скажет!..

Половцев отталкивает его. Он впервые за все эти трудные минуты думает: «Завтра же выдаст! Но она – женщина, казачка, мне, офицеру, стыдно... К черту!.. Закрывать ей глаза, чтобы последнего не видела...»

Заворачивает ей на голову подол холстяной рубашки, секунду останавливает взгляд на ладном теле этой не рожавшей тридцатилетней женщины. Она лежит на боку, поджав ногу, как большая белая подстреленная птица... Половцев в полусумраке вдруг видит: ложбина на груди, смуглый живот женщины начинают лосниться, стремительно покрываясь испариной.

«Поняла, зачем голову накрыл. К черту!..» Половцев, хакнув, опускает лезвие топора на закрывшую лицо рубаху.

Роман «Поднятая целина» – не о «победе нового над старым», а о том, к каким ужасным последствиям приводит навязывание людям новой власти.

В момент написания повести «Перемена» М.С. Шагинян исполнилось 34 года. М.А. Шолохов пишет роман «Поднятая целина» в 27 лет, будучи моложе почти всех своих героев. Максим Горький неоднозначно отозвался о повести «Перемена» и написал Вениамину Каверину: «За ее «Перемену» ей следовало бы скушать бутерброд с английскими булавками». Однако многим эта повесть понравилась за попытку передать эпоху. А роман М.А. Шолохова «Поднятая целина» стал

программным произведением, это «роман о коллективизации в стране», где описываемые события необходимо рассмотреть как ретроспективу «реформ и преобразований в нашей стране после отмены крепостного права в 1861 г.».

Два писателя – два взгляда на происходящие преобразования в стране.

Николай Кравцов, Т.В. Слесаренко

ШОЛОХОВСКАЯ ТЕМА В НАСЛЕДИИ Ю.А. ЖДАНОВА

Тепло и искренне дружили между собой два наших земляка – ученый, ректор РГУ Юрий Андреевич Жданов и великий русский писатель Михаил Александрович Шолохов. Они познакомились в 1953 году, когда еще Ю.А. Жданов был заведующим отделом науки и культуры Ростовского обкома партии. Юрий Андреевич с большой теплотой вспоминал «незабываемые встречи в шолоховском доме, когда за столом собиралась вся его семья, ...звучали старинные песни...» Они были не только современниками, но и единомышленниками. В своих «Воспоминаниях...» Ю.А. Жданов, характеризуя дальнейшее развитие своих отношений с М.А. Шолоховым, утверждал: «Время сближало нас» [1, V, с. 311]. Ю.А. Жданов был инициатором присвоения М.А. Шолохову Ученым советом РГУ звания почетного доктора филологии.

Ю.А. Жданов – автор ряда статей о личности и творчестве великого писателя: «Вектор истории», «Три вершины в судьбе русского романа», «Судьбы народного духа», «М.А. Шолохов и русская национальная идея», «Великий земляк», «В венце тысячелетий» и др.

Размышляя о месте М.А. Шолохова в мировой культуре, он полемизировал с теми отечественными шолоховедами, которые пытались ограничить содержание бессмертной шолоховской эпопеи «Тихий Дон» лишь историей казачества, игнорируя утверждаемые писателем с огромной художественной силой общечеловеческие ценности. В этой связи Ю.А. Жданов в статье

«Вектор истории» писал о том, что книги М.А. Шолохова «перешагнули границы государств и народов, подтвердив слова Гегеля: «...если национальному эпосу по праву суждено приобрести непреходящий интерес и для других времен и народов, то для этого описываемый им мир должен быть не только миром особой нации, но в этом особом народе с его героизмом и подвигами одновременно должна отчетливо запечатлеваться и общечеловеческая сторона» [2, V, с. 321].

В оценке Юрия Андреевича М.А. Шолохов-художник предстает в качестве национального гения советской литературы с философским мироощущением, пронизательно осознающий драматизм и величие сложной эпохи XX столетия.

Свою статью «М.А. Шолохов и русская национальная идея» Ю.А. Жданов начал так: «В наши дни стали животрепещущими и модными поиски русской национальной идеи... Но идеи не героини детективов, они рождаются и формируются в результате процессов естественного развития народного духа, спонтанно и непредсказуемо» [4, V, с. 359-360]. Он полагал, что национальные идеи имеют сложную судьбу, они возникают, живут и умирают, трансформируются и по-разному, своеобразно проявляют себя в различные эпохи, у разных народов. О национальной идее можно говорить как о своеобразном, особенном, исторически конкретном проявлении общечеловеческих, универсальных понятий, ценностей, идеалов. Он аргументировано отмечал, что именно М.А. Шолохову удалось, благодаря мощной струе всечеловеческого начала, пронизать душу своих героев; словом художника утвердить «важнейшую социальную значимость русской национальной идеи». Именно М.А. Шолохову духовно близка русская национальная идея, которую тонко прочувствовал и философски глубоко оценил Ю.А. Жданов. Русская национальная идея убедительно проявилась в освоении одного из ее важнейших аспектов – характерологическом исследовании народной души. Именно такие специфические черты русского характера, как всепонимание, милосердие, сострадание, жалость, способность стать на точку зрения другого, пережить чужую боль как свою, и есть *сердцевина русской идеи*, столь глубоко осмысленная как художником

Михаилом Александровичем Шолоховым, создателем галереи неповторимых лиц с их глубоким духовным миром, так и ученым Юрием Андреевичем Ждановым.

Как грозный пролог к русской национальной идее выступают первые строки великого шолоховского эпоса, – настаивал Ю.А. Жданов, – главной, первой, основной идеей русского народа является интернационализм, всечеловечность.

В творчестве великого сына России, по мысли Ю.А. Жданова, выступает народная идея как непрекращающееся противоборство исторических сил и людских характеров, как стремление к единению в совместном труде неповторимых, многосложных индивидуальностей. Большое внимание он уделил издавна покорившему его сердце шолоховскому гуманизму, основными чертами которого он считал *всецеловечность* и *устремленность в будущее*. Мощная струя всечеловеческого начала, противоборствует со вспышками национальной ограниченности, обособленности конфронтации, пронизывает не только душу шолоховских героев, но и определяет дух самого автора. Вот проникновенные шолоховские строки: «Это чувство волнения, естественно, усиливается у меня еще и потому, что моя мать – украинка Черниговской области – с детства привила мне любовь к украинскому народу, к украинскому искусству, к украинской песне – одной из самых звучных в мире» [цит. по: 5, V, с. 370]. Всецеловеческий гуманизм писателя противостоит двум опасным крайностям: великодержавному шовинизму и национал-сепаратизму. Принципиальный враг шовинизма, М.А. Шолохов осуждал еврейские погромы, в которых учувствовало часть казачества. С каким теплом, с какой любовью «лепит» он образ Осипа Штокмана – большевика, интеллигента, преданного интересам трудового казачества.

Подобно великому русскому мыслителю академику В.И. Вернадскому М.А. Шолохов понимал (а этого как раз «не могут вместить в свои головы многие современные политики и интеллектуалы»), что Россия, Советский Союз являлись «общечеловеческими достижениями» [5, V, с. 371]. Именно об этом размышлял великий писатель в своем проникновенном «Слове о Родине».

Могучей чертой русской национальной идеи, как она выступает в творчестве М.А. Шолохова, является ее обращенность в будущее. Немым вопросом к грядущему завершается трагедия Григория Мелехова. Беспокойным взглядом смотрит М.А. Шолохов в будущее после гибели своих героев «Поднятой целины». Будущее писатель утверждает в детях, в возгорании новой жизни, в новом поколении, например, в Мишатке («Тихий Дон»), в Ванятке («Судьба человека»), в детских образах («Донские рассказы»). Это будущее сплетено у писателя с верой в торжество лучшего жизненного начала в человеке, с верой в единство потока человеческой судьбы и прекрасного мира природы, с верой в идеалы братства, сотрудничества, взаимопомощи людей.

Перу Ю.А. Жданова принадлежит сравнение М.А. Шолохова с образом Прометейя, высоко несущим факел светлой человеческой мысли, согретой сердечным теплом. То, что сделал М.А. Шолохов в своем творчестве, передав единство духовной и художественной сущности своих произведений, как раз и является реализацией вечного движения человеческого духа. Поэтому, «творчество Шолохова остается на гребне передовых общечеловеческих и русских национальных устремлений. Оно остается вечным предупреждением и символом надежды» [6, V, с. 374, 376].

Ю.А. Жданов указывал, что современная западная мысль в конце XX столетия договорилась до мрачных выводов. Американский социолог Фрэнсис Фукуяма вообще провозгласил *конец истории*, которая, дескать, достигла поля всемирного торжества либеральной демократии и рыночной экономики. Всё, больше у человечества ничего не должно быть, главное, чтобы не было никакого коммунизма. Слишком добр был М.А. Шолохов к людям своего времени, когда писал: «А попробуй какой-нибудь писатель в наше время написать произведение с позиций антикоммунизма – имя такого писателя будет немедленно предано презрительному забвению, а книги его нечитанными заплесневеют на полках» [цит. по: 4, V, с. 364]. Размышляя о будущем, М.А. Шолохов справедливо назвал коммунизм величайшей надеждой человечества. А без

надежды жить нельзя, и она входит естественным составным элементом в базис русской национальной идеи.

Художник, как известно, мыслит образами, а отнюдь не логическими абстракциями. И через судьбы ключевых образов, центральных героев шолоховских произведений доносит до нас свое понимание русской идеи. Черное солнце воссияло над трагической судьбой Григория Мелехова, и единственный лучик надежды – сын, Мишатка; в нем непобедимость робкого ростка. Все в огне войны утратил Андрей Соколов, и его вера в жизнь, привязанность к ней – в бесприютном, одиноком Ванятке.

Устремленность в будущее, призыв к нему и вера в него – доминантный аккорд русской художественной мысли от А.С. Пушкина до В.В. Маяковского. «Товарищ, верь, взойдет она...», «Душа в заветной лире мой прах переживет», «Здесь будет город заложен», – оставил один пророческие строки. Другой отвечал: «Здесь будет город-сад», «Отечество славлю, которое есть, но трижды, которое будет». И этот пророческий настрой возвышается над трагедией обоих, над трагедией К.Ф. Рылеева, А.Н. Радищева, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского – провидцев будущего. М.А. Шолохов органически вплетается в эту художественную вязь русской идеи.

Когда-то И.П. Павлов сердито критиковал тех, кто стремился ограничить разум лишь объяснением окружающего мира. Объяснение – не наука, объяснение – «дешевая вещь». Задача науки – предвидение. Устремленность в будущее предполагает его научное предвидение, торжество сознательного начала над стихийностью, случайностью, хаосом. Устремленность в будущее – это и отношение к коренным формам общественного бытия. Важнейшая из них – труд. Он может быть живым, творящим новое, преобразующим мир; но может стать мертвым, овеществленным, прошлым». Например, деньги – это прошлый, умерщвленный труд; «издревле и поныне он правит и помыкает живым трудом, но будущее за последним. И вполне закономерно, что М.А. Шолохов в годы войны отдал свою Сталинскую премию в Фонд обороны, а Ленинскую – на строительство школы. Устремленность в будущее – вот основная черта русской идеи, питающая творческое сознание М.А. Шолохова. Она смыкается с учением философов о

детерминации будущим. В социальном же плане она лелеет древнюю мечту человечества о справедливом устройстве мироздания, в психологическом – гармонию чувства и мысли, сердца и разума.

Передовая мысль России, считал Ю.А. Жданов, всегда ориентировалась на вектор, устремленный в будущее. Вспомним А.Н. Радищева: «... но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие». И разве не перекликаются с радищевским суждением слова песен уже космической эры: «На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы», «И на Марсе будут яблони цвести». План ГОЭЛРО не только рождал новую техническую эпоху, но был призван зажечь энтузиазм миллионов для будущих свершений, поскольку великая энергия рождается только для великой цели. Прав был К. Маркс, когда писал, что «...традиции всех мертвых поколений тяготеют как кошмар над умами живых».

И силу, живучесть, изворотливость этих традиций пророчески показал М.А. Шолохов в «Поднятой целине», в романе, где важнейшей проблемой является диалектика прошлого и будущего. Вот, скажем, образ Якова Лукича Островного, носителя традиций прошлого. Шолоховский герой Аржанов разясняет Давыдову: «Свернулся в клубок, как гадюка перед прыжком, а вы гадюку за пазухой пригрели». Аржанову вторит Шалый: «Он и давние обиды не прощает, не говоря уж про нынешние». «Стукни его в случае чего!» – посоветовал Нагульнов Давыдову в последнюю минуту жизни [цит. по: 4, V, с. 367-368]. Минута оказалась роковой. Сила прошлого, мира собственности, насилия и вражды свалила романтически заостренного на мировую революцию Нагульного, сурового и делового Давыдова. Постигла кара Половцева и Лягевского. А Островнова и след простыл. «Старое начиналось сызнова», – так завершается первая часть «Поднятой целины».

«Все реки истории теряются в болотах мещанства», – предупреждали А.И. Герцен и Г.В. Плеханов. В мещанско-буржуазном болоте гибнут, иссякают, мутнеют, покрываются тиной воды будущего. Увы, пророчески звучит шолоховский

лейтмотив борьбы прошлого с будущим и в наши дни, – сетовал Ю.А. Жданов.

И с Лушкой не всё так просто. Молода она, хороша, привлекательна. Но за этой красотой – цепкость паразита, присасывающегося к носителям будущего.

В конце статьи, подводя итоги своих размышлений о М.А. Шолохове, Юрий Андреевич писал: «И выступает в творчестве великого сына России народная идея как непрекращающееся противоборство исторических сил и людских характеров, как стремление к единству народно-патриотического и братски интернационального настроения, как единство в совместном товарищеском труде неповторимых, многосложных индивидуальностей, как устремленность в будущее, заимствующее лучшие и отвергающие тягостные традиции прошлого, как тяга к познанию и красоте, к неизбывно вечной природе» [4, V, с. 368-369].

Своими работами, посвященными исследованию творчества национального гения, Юрий Андреевич Жданов внес ценный вклад в российское шолоховедение.

В 2020 году наша страна отметила 75-летие Победы советского народа над фашизмом в годы Великой Отечественной войны. Приходится с сожалением констатировать, что все меньше остается людей, принимавших в ней участие. Тем дороже для нас все источники, которые рассказывают нам «сермяжную правду» о событиях тех трагических лет, которые оставили огромный след в истории государства, в истории каждого человека. Одним из важнейших источников правды о Великой Отечественной войне, о подвигах советских солдат, их душевных переживаниях, по убеждению Ю.А. Жданова, является незаконченный шолоховский роман «Они сражались за Родину».

«Война – величайшее испытание в жизни народа, – писал Ю.А. Жданов. – В годину военных бурь становятся явными, очевидными физические и духовные возможности народа; война обнажает все внутренние противоречия и пороки общества, она проверяет готовность народа к борьбе, способность правящих и управляющих элит, их соответствие требованиям времени» [3, V, с. 354]. Автору романа «Они сражались за Родину», по

мнению Ю.А. Жданова, удалось точно проникнуть в психологию русского человека на войне. Наш гениальный писатель не только нарисовал историческую картину военных действий, но и помог понять глубину чувств людей того страшного времени. Персонажи художественных произведений М.А. Шолохова о войне – люди необычайной духовной и практической активности, являющие собою присутствие духа, мужество, силу характера и даже острое словцо. От шолоховских образов Лопахина, Стрельцова, Звягинцева так и веет патриотическим чувством и жаждой жизни, светлым духом исторического оптимизма и жизнерадостностью, а фронтное товарищество, углубленное солдатскими тяготами на войне, делают их дружбу богаче и крепче.

Призывая к патриотизму, М.А. Шолохов, не забывал и об «общечеловеческом интересе». «Каждая нация, большая или малая, имеет свои культурные ценности. Из этих ценностей складывается великое духовное достояние народа», – цитируя эти шолоховские строки, Юрий Андреевич Жданов отмечал, что именно Михаилу Александровичу Шолохову удалось словом художника «вызвать из небытия целый мир пленительных и драматических образов, тревожных и трагических судеб» казачества и всего советского народа, которое «несет в себе традиции артельного труда, соборности, общинного духа, воинского содружества» [3, V, с. 350, 354].

Литература

1. *Жданов Ю.А.* Поумнем ли? / Взгляд в прошлое. Воспоминания очевидца // Ю.А. Жданов Избранное: в 6 т. Т. V. Ростов-на-Дону, 2019.
2. *Жданов Ю.А.* Вектор истории // Там же.
3. *Жданов Ю.А.* Судьбы народного духа // Там же.
4. *Жданов Ю.А.* М.А. Шолохов и русская национальная идея // Там же.
5. *Жданов Ю.А.* Великий земляк // Там же.
6. *Жданов Ю.А.* В венце тысячелетий // Там же.

**ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР
(по произведению «Судьба человека» М.А. Шолохова)**

О характере любого народа можно узнать многое из произведений писателей, художников, публицистов. Испокон веков Дон был богат талантами. Здесь родились и трудились многие люди, внесшие большой вклад в сокровищницу не только российской, но и мировой культуры.

Донская область дала миру великого русского писателя Антона Павловича Чехова. С Доном связана судьба двух лауреатов Нобелевской премии по литературе – Михаила Шолохова и Александра Солженицына. Широко известны российскому читателю имена донских писателей – Виталия Закруткина, Анатолия Калинина, Даниила Корецкого. На донской земле жили и работали Максим Горький, Александр Фадеев, Мариэтта Шагинян.

Писатель, ученый, публицист, мыслитель, искусствовед Мариэтта Сергеевна Шагинян родилась в 1888 году в армянской семье, многие годы жила и творила в Нахичевани-на-Дону; яркие впечатления о пребывании на донской земле воплотила в своих художественных произведениях и статьях. В 1915-1918 гг. преподавала в Ростовской консерватории эстетику и историю искусств. Литературная деятельность Мариэтты Шагинян длилась более 70 лет.

Умерла Мариэтта Сергеевна Шагинян в 1982 году.

Великая Отечественная война, как одно из самых трагических потрясений XX века, также нашла отражение в ее литературном творчестве. В годы Великой Отечественной войны Мариэтта Сергеевна Шагинян вела публицистическую деятельность в качестве корреспондента центральных газет, работала на Урале, в Сибири, писала о труде рабочих в тылу, результатом этого явилась книга очерков «Урал в обороне» (1942-1943 гг.).

Описывая беспримерный трудовой подвиг миллионов людей тыла, М.С. Шагинян так характеризовала наш национальный характер: «...советский человек ни при каких обстоятельствах,

даже в минуту смертельной опасности, не перестает быть творцом» [1].

По данным Союза писателей, 1215 литераторов ушли на фронт, из них более 400 человек погибли. Произведения писателей-фронтовиков – Василия Быкова, Бориса Васильева, Константина Симонова и многих других – бесценные свидетельства очевидцев событий того времени.

Наш земляк и современник Мариэтты Сергеевны Шагинян – Михаил Александрович Шолохов во время Великой Отечественной войны служил военным корреспондентом: писал очерки для газет, участвовал в сражениях под Ростовом и Смоленском. Первый рассказ о войне «Наука ненависти» написан им в 1942 г., тогда же он начал создавать роман «Они сражались за Родину», главы которого публиковались в газетах.

Передать русский национальный характер наиболее точно М.А. Шолохову удалось в рассказе «Судьба человека», который вышел в конце 1956 года. Этот пронзительный рассказ воплотил в литературе образ русского человека, – сильного и честного, умеющего любить и воевать.

В первую послевоенную весну М.А. Шолохов встретил на верхнем Дону мужчину и мальчика у речной переправы. В завязавшейся беседе путник рассказал о своей судьбе, приняв М.А. Шолохова за «своего брата-шофера». Рассказ сильно взволновал писателя. Михаил Александрович был так потрясен, что даже забыл спросить фамилию своего случайного знакомого, о чем позже очень жалел. «Обязательно, обязательно напишу об этом рассказ», – повторял М.А. Шолохов.

В названии не упоминается имя главного героя, тем самым М.А. Шолохов подчеркнул, что этот образ является обобщенным и символическим, выражающим типические черты солдата, на чью долю выпали «все лишения и невзгоды» военного времени. Но, несмотря на нечеловеческие испытания судьбы, герой сумел сохранить в себе самое главное – человека, не утратив веры в справедливость, добро и гуманизм.

В рассказе М.А. Шолохова в полной мере показано, как человек в тяжелейших условиях остается человеком. Донской писатель выявил, что в понятие «русский характер» входят такие качества человека, как сострадание, сопереживание,

сочувствие и широта души, героизм и преданность Родине, бесстрашие, доброта, отзывчивость на чужое горе, способность к самопожертвованию ради общей цели.

Главный герой рассказа – Андрей Соколов в предвоенные годы трудился, создал свою семью, с женою воспитывали детей. Война, жестокая и беспощадная, оторвала его от родного дома, от любимой семьи. На фронте чувство долга заставило А. Соколова воевать честно, забыв о себе, ради спасения Родины и своих фронтовых товарищей. После ранений в бою он попал в плен к фашистам. Но и здесь в чудовищных условиях плена он не перестал быть человеком; рискуя собственной жизнью, он спас от неминуемой смерти незнакомого советского командира. Вырваться из плена, вернуться на фронт, чтобы там сражаться с врагом – вот мысли, которые не давали покоя Андрею Соколову. Он бежал из плена, но был пойман. Фашисты травили его собаками, но он выжил. Два года он провел в концлагере.

В своем рассказе М.А. Шолохов указал на важный эпизод, в котором немецкий комендант дает выпить Андрею Соколову водки за победу фашизма. Отказавшись пить за этот тост, А. Соколов выпил за свою гибель, так как был уверен, что смерти ему не избежать. Русский характер поразил немецкого коменданта. Тот с восхищением назвал Соколова настоящим воином и солдатом. Эта сцена показывает, что изможденный морально и физически Андрей Соколов не изменяет своему характеру, проявляет несгибаемую волю, оставаясь верным Родине. В награду за свою храбрость русский солдат получил от коменданта буханку хлеба и кусок сала. «Всем поровну», – так ответил Андрей Соколов на вопрос о том, как следует делить комендантский подарок [2]. И в этих словах мы видим сострадание к чужому горю, отзывчивость на боль других людей, доброе сердце русского солдата. Такое решение он принял не на показ, а скромно и бескорыстно.

Вторая попытка побега у героя рассказа была удачной, но случилась она уже в самом конце войны. Он сумел прорваться к своим, добыть важнейшие сведения. Но радость омрачило известие о гибели жены и их двух дочерей под бомбежкой в июне 1942 года и о гибели сына, прошедшего всю войну, и

погибшего 9 мая 1945 от пули немецкого снайпера. Казалось бы, мир рухнул, больше незачем жить...

Но судьба преподносит фронтовику-шоферу встречу с маленьким мальчиком, осиротевшим во время войны. Андрей Соколов, видя как ребенок страдает в одиночестве, говорит мальчику, что он его отец. Ванюша поверил солдату.

Описанная М.А. Шолоховым сцена показывает, что, несмотря на тяготы, боль утрат Андрей Соколов вовсе не очерствел, не ожесточился, не сломался, не замкнулся в собственном горе. Наоборот, всю сохранившуюся в сердце теплоту и любовь он отдает осиротевшему мальчику, дарит надежду себе и ребенку на новое будущее.

Испытания, через которые прошел Андрей Соколов – это не просто эпизод, связанный с судьбой одного человека. Боль и страдание пережили тысячи наших соотечественников. Кто-то сломался, а кто-то выдержал все. Эта судьба человека и есть судьба всего народа, всей нашей страны. В этом-то и заключается смысл рассказа «Судьба человека», в котором М.А. Шолохов описал человека, способного не покориться обстоятельствам, выстоять. В битве с врагом, напавшим на нашу Родину, солдат сумел выстоять, показать поистине великую силу русского характера и русского духа.

Как точно и образно сказала об этом произведении Мариэтта Сергеевна Шагинян: «Судьбу человека» нельзя читать без слез... Но какие это облегчающие, обнадеживающие слезы!.. Меня преследовал образ бездомного мальчонки. Тот человек, который спас ему жизнь, пожалел, приютил его, и сам нашел спасение для себя в возникшей привязанности к живому бесприютному комочку жизни» [цит. по: 3].

Этот правдивый, полный скорби, но в то же время жизнеутверждающий рассказ, в память обо всех переживших ужасы войны, потерявших свои семьи, но нашедших в себе силы жить заново, и в настоящее время задает читателей за живое. Судьба человека, олицетворяющего русский характер и любовь к Родине, который смог преодолеть ужасающие испытания, выпавшие на его долю, но сумевшего сохранить человечность, желание жить и помогать другим, навсегда останется одной из важнейших тем в русской литературе.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Письма о советском тыле // Красная звезда. № 294. 1942. 16 декабря.
2. *Шолохов М.А.* Судьба человека. М., 1988.
3. *Бараяев В.В.* Литературная газета. № 2017. 2015. 23 февраля.

Мария Терехова

ТЕМА ЛЮБВИ К ЗЕМЛЕ И НАРОДУ В ТВОРЧЕСТВЕ М.С. ШАГИНЯН И В.А. ЗАКРУТКИНА

Служение своему народу, ответственность перед Родиной, всегда являлись определяющими ценностными ориентирами на протяжении многовековой истории нашего государства. Актуальность этой темы обусловлена большой значимостью ее в современном мире. Многочисленные международные конфликты, сложные межконфессиональные отношения в разных странах и в России, к сожалению, продолжают и по сегодняшний день. Но общие беды только еще больше объединяли многонациональный народ России, делали союз многих народов еще более сплоченнее и крепче. О характере любого народа можно узнать из произведений художников, писателей, публицистов. Подтверждением этому может служить многогранное творчество Мариэтты Сергеевны Шагинян, наполненное глубокими описаниями характера народов России, постижением их национальной самобытности. Выявить и описать национальную особенность чрезвычайно трудно. От исследователя требуется применение разнообразнейшего инструментария: от статистики и фактографии до философских построений, от рассудочной аналитики до художественных образов, привлечение также личных исповедей ученых и своих самонаблюдений... [3].

Творчество Мариэтты Сергеевны было всегда тесно связано с культурой многонационального советского народа, ярким подтверждением этого являются такие произведения как: «Месс-Менд», или «Янки в Петрограде», «Путешествие по

Советской Армении», «Урал в обороне», «Человек и время» и другие.

М.С. Шагинян владела значительным набором инструментов научного и художественного познания реальности. Зоркий глаз и чуткая душа позволяли ей обращать внимание на то важное, значимое, что было в современной ей жизни. Общение со многими людьми, доверие к ним, умение слушать и слышать помогали ей накапливать, осмысливать колоссальный объем сведений. Читая книги Мариэтты Шагинян – от ее повести «Перемена» до воспоминаний «Человек и время», – можно получить достаточно объемное представление о жизни нахичеванских армян во время тяжелейших событий, связанных с Октябрьской революцией 1917 г. Постоянное общение с родными, друзьями, близкими дало ей возможность впитать в себя культуру, мудрость армянского народа, сохранить их в своей памяти и в течение всей своей творческой жизни их воспроизводить. Ее интерес к армянской культуре, литературе, искусству был неподдельным и глубоко проникающим. Так, в книге «Об армянской литературе и искусстве» она писала: «Эта маленькая книга писалась сорок с лишним лет». Основные ее статьи – о Хачатуре Абовяне, Микаэле Налбандяне и Александре Ширванидзе – были плодом долгой работы и представляют собой как бы эскизы больших, задуманных мною фотографий [3]. Остальное в книге – ряд непосредственных откликов на яркие события армянской культуры, с которыми пришлось за эти годы соприкоснуться. Таких откликов было, разумеется, гораздо больше, чем помещено в книге.

В книге воспоминаний «Человек и время» по памяти и дневниковым записям М.С. Шагинян от постоянных наездов в Нахичевань-на-Дону многократно обращалась к самым разным жизненным эпизодам, характерным для нахичеванских армян: «Жизнь казалась там узкообособленной, монотонной, мелконациональной и, как масло с водой, совсем не сливавшейся с жизнью большого русского мира в Ростове по соседству, а тем более не похожей и на нашу московскую, русскую жизнь» [2]. С нескрываемым восхищением она рассказывала о строительном таланте, о кулинарном искусстве, о трудолюбии армян. Древнейшая способность, живущая как бы

в крови армянского народа, подобная строительной способности пчел, муравьев, бобров, делала армян желанными «колонистами» в пустынных просторах юга России. «Строить, лепить, цементировать, связывать, созидать», – так М.С. Шагинян воспринимала армян, живущих в Нахичевани-на-Дону.

М.С. Шагинян была активным и последовательным участником движения за мир, помогала людям «чувствовать бессмысленную чудовищность войны, ее дикость», «осознать всю антинародность войны» и тем самым укрепляла «в сознании основные человеческие истины» [4]. Наша Родина Дон хранит крупнейшую историю, здесь родились и выросли многие авторы с мировым именем, оставившие неизгладимый отпечаток в литературе и культуре нашей страны как и М.С. Шагинян: М.А. Шолохов, А.В. Калинин, В.А. Закруткин.

Творческая жизнь писателя-фронтовика Виталия Александровича Закруткина связана с Донским краем, со станицей Кочетовской, которая до конца его дней стала ему пристанищем. Любовью к своей земле, гордостью за нее, готовностью отдать свою жизнь за счастье Отчизны овеяны лучшие страницы книг писателя. В 1933 году В.А. Закруткин принял в аспирантуру Ленинградского пединститута им. Герцена. После защиты диссертации ему предложили заведовать кафедрой русского языка и литературы в Ростовском пединституте, где он и работал, готовясь к защите докторской диссертации по творчеству Льва Николаевича Толстого. Но началась Великая Отечественная война, нарушившая все планы.

Осенью 1941 года добровольцем он ушел на фронт. Как военный корреспондент участвовал в битве за Кавказ, освобождении Праги, в штурме Берлина. На протяжении всей войны писал очерки о прожитых впечатлениях в жестоких кровопролитных боях, о стойкости и мужестве советских солдат, о тяжелой доле, выпавшей жителям оккупированных фашистами территорий. Вернувшись с победой, продолжил научно-педагогическую деятельность в Ростове, но нелегкое бремя войны давало о себе знать, память возвращала его к записям фронтовых дневников.

Виталия Александровича Закруткина всегда волновали две темы: «Человек на войне» и «Человек на земле». И отношение человека к земле-кормилице, ко всему, что рачительный хозяин бережет для потомков, забота о будущем всегда были главными в творчестве Лауреата Государственной премии, человека и гражданина В.А. Закруткина.

В Кочетовской В.А. Закруткиным были написаны такие известные произведения, как повесть «За высоким плетнем», роман о донских рыбаках «Плавучая станица», роман-эпопея «Сотворение мира», повесть «Матерь человеческая». А еще в станице получили свое рождение сценарии к художественным фильмам «Без вести пропавший», «Млечный путь», «Подсолнух». Все эти произведения пропитаны любовью к земле и людям на ней живущим, работающим, защищающим ее от врагов; верой в самые лучшие качества, заложенные природой в человека. Повесть-назидание потомкам, о горькой цене Победы, оплаченной людьми всех стран за прошедшие войны – «На золотых Песках», так и осталась писателем незавершенной. Над ней он работал до конца своих дней. 10 октября 1984 года мы навсегда простились с Виталием Александровичем Закруткиным. Писатель похоронен во дворе собственного дома, который в настоящее время является музеем его памяти [1].

Творчество Мариэтты Шагинян наполнено поучительным опытом поиска света, правды, добра, сохраняет достоверные эпизоды из жизни в первую очередь нахичеванских армян, наших Ростовских земляков и других народов, уклад жизни которых она исследовала. Ее художественные заслуги, так же как и творческие достижения, свободолюбие и устремленность в будущее В.А. Закруткина навсегда вошли в сокровищницу мировой культуры.

Литература

1. Закруткин Виталий Александрович - русский писатель - Литературный форум - <https://soyuz-pisatelei.ru/forum/51-542-1>

2. Мариэтта Шагинян: Мысль и образ - <http://ростовгород.рф/14-rajonu-goroda/5433-marietta-shaginyan-mysl-i-obraz>

3. Нахичевань в жизни и творчестве Мариэтты Шагинян - <https://armeniansite-ru.turbopages.org/armeniansite.ru/s/kultura-armenii-v-litsakh/347-nakhichevan-v-zhizni-i-tvorchestve-marietty-shaginyan.html>

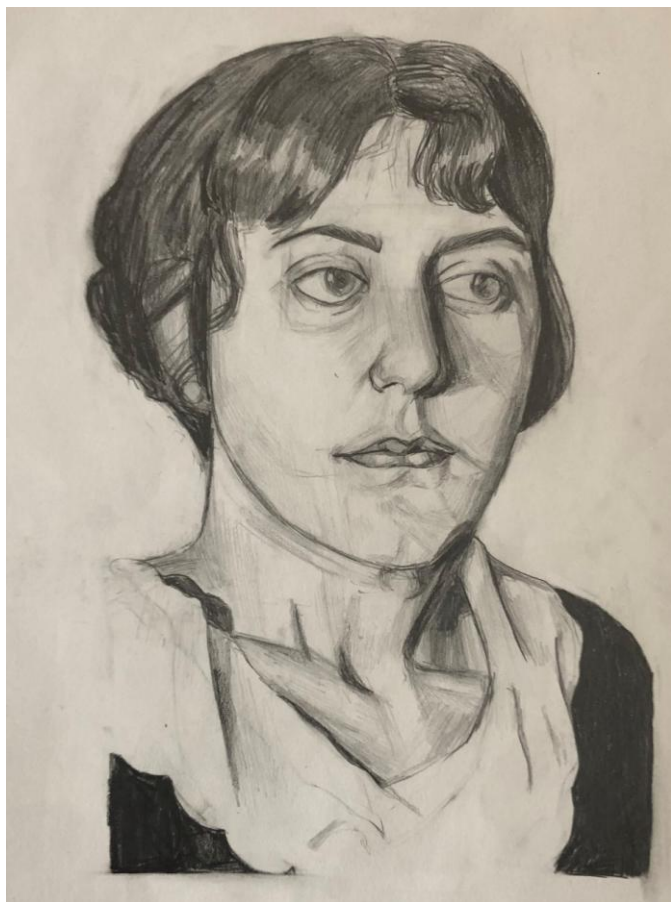
4. О гражданственности в творчестве М.С. Шагинян - <https://armeniansite-ru.turbopages.org/armeniansite.ru/s/vydayushchiesya-armyane/836-o-grazhdanstvennosti-v-tvorchestve-m-s-shaginyan.html>

**ФОТОГРАФИИ УЧАСТНИКОВ
VIII «ШАГИНЯНОВСКИХ ЧТЕНИЙ»
11 мая 2021 года**





**РИСУНКИ ШКОЛЬНИКОВ, ПОСВЯЩЕННЫЕ
ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВУ М.С. ШАГИНЯН**



ПОРТРЕТ М.С. ШАГИНЯН

Рисунок Джульетты Асатрян
ученицы МБОУ СОШ № 3
с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области
(руководитель – П.А. Мошиян)

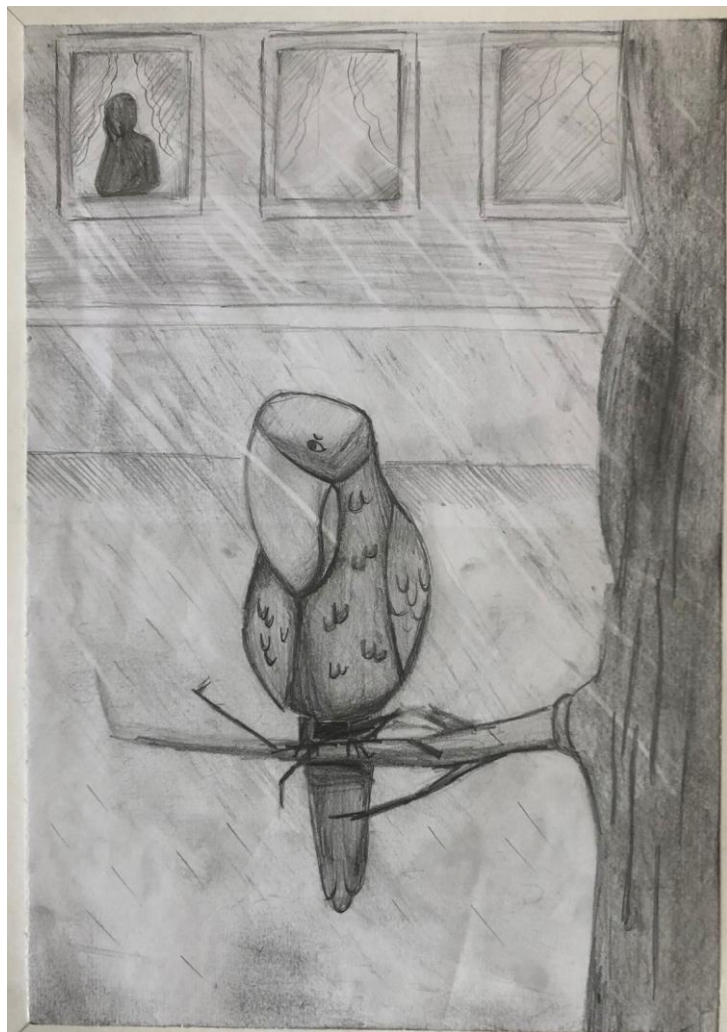


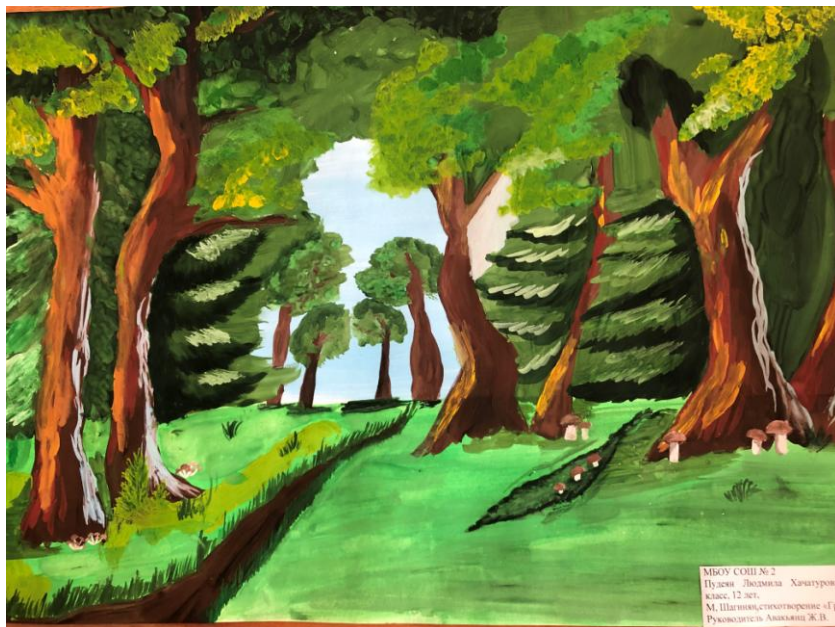
Иллюстрация к стихотворению М.С. Шагинян «ГАЛКА»

Рисунок Андрея Сорочкина
ученика МБОУ СОШ № 3
с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области
(руководитель – М.А. Додонова)



**Иллюстрация к стихотворению М.С. Шагинян
«К АРМЕНИИ»**

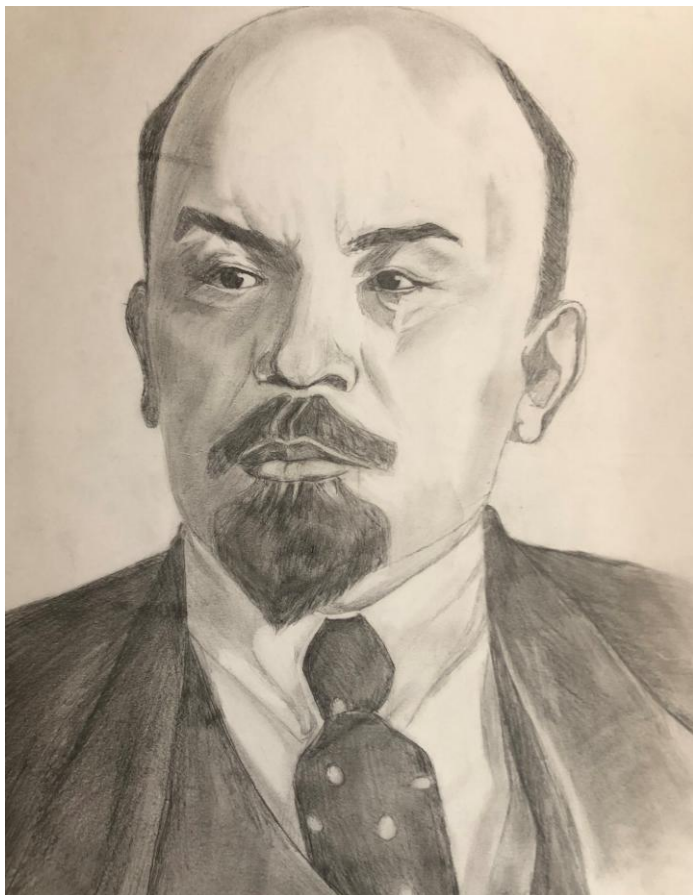
Рисунок Риты Гаспарян
ученицы МБОУ СОШ № 2
с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области
(руководитель – Ж.В. Авакьянц)



МБОУ СОШ № 2
Пудея Людмила Хачатуровна
класс, 12 лет,
М. Шагин, стихотворение «Грибы»
Руководитель – Авакьянц Ж.В.

Иллюстрация к стихотворению М.С. Шагинян «ГРИБЫ»

Рисунок Людмилы Пудеян
ученицы МБОУ СОШ № 2
с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области
(руководитель – Ж.В. Авакьянц)



ПОРТРЕТ В.И. ЛЕНИНА

Рисунок Анны Гаджоглуян
ученицы МБОУ СОШ № 11
с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области
(руководитель – С.В. Тяпина)



ПОРТРЕТ М.С. ШАГИНЯН

Рисунок Сони Петросян
ученицы МБОУ СОШ № 11
с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области
(руководитель – С.В. Тяпина)



Иллюстрация к стихотворению М.С. Шагинян «ФЛЕЙТА»

Рисунок Ольги Рыжовой
ученицы МБОУ СОШ № 3
с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области
(руководитель – П.А. Мошнян)



«КОМЕТА»

Рисунок Дарьи Сахаровой
ученицы МБОУ СОШ № 3
с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области
(руководитель – П.А. Мошиян)



ДВЕ СЕСТРЫ

Рисунок Нонна Петросян
ученицы МБОУ СОШ № 11
с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области
(руководитель – С.В. Тяпина)



**Иллюстрация к повести М.С. Шагинян
«О двух сестрах и о волшебной стране Мерце»**

Рисунок Эдиты Хечоян
ученицы МБОУ СОШ № 11
с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области
(руководитель – С.В. Тяпина)



**Иллюстрация к повести М.С. Шагинян
«О двух сестрах и о волшебной стране Мерце»**

Рисунок Анны Халатмаджиян
ученицы МБОУ СОШ № 2
с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области
(руководитель – Ж.В. Авакьянц).

НАШИ АВТОРЫ

Артеменко Виталий Валерьевич, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 13. х. Ленинанаван Мясниковского района Ростовской области.

Белов Анатолий Викторович, доктор философских наук, профессор Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Журавлева Мария Евгеньевна, академик Международной славянской академии наук, образования искусств и культуры, г. Москва.

Иванова Екатерина Романовна, студентка Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону.

Карнаухова Вера Николаевна, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 27. г. Шахты Ростовской области.

Кибалова Галина Александровна, учитель истории и обществознания МБОУ СОШ № 80, г. Ростов-на-Дону.

Килафян Елена Антраниковна, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 1, с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области.

Козлов Сергей Сергеевич, старший научный сотрудник отдела «Музей русско-армянской дружбы» ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения», г. Ростов-на-Дону.

Матвеев Герман Аронович, кандидат исторических наук, Председатель оргкомитета Шагиняновских чтений, г. Ростов-на-Дону.

Осипова Татьяна Осиповна, кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной литературы Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Паламарчук Евгений Александрович, доцент Ростовского Института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону.

Попова Антонина Анатольевна, член Союза писателей России, публицист, г. Ростов-на-Дону.

Попова Сусанна Суреновна, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 1, с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области.

Савчук Инна Васильевна, историк, краевед, член Российского военно-исторического общества, г. Старая Русса Новгородской области.

Самарина Наталья Васильевна, кандидат исторических наук, г. Ростов-на-Дону.

Слесаренко Татьяна Викторовна, руководитель школьного литературно-краеведческого музея им. М.А. Шолохова, ст. Ладожская Усть-Лабинского района Краснодарского края.

Соколова Маргарита Юрьевна, заведующая отделом «Музей русско-армянской дружбы» ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения», г. Ростов-на-Дону.

Тикиджьян Руслан Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону.

Шолохова Татьяна Анатольевна, начальник отдела РР филиала АО «Россельхозбанк», внучка писателя Г.Ф. Шолохова-Синявского, г. Ростов-на-Дону.

Щукина Елена Львовна, кандидат исторических наук, доцент Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Чаплыгин Дмитрий Олегович, учитель истории и обществознания МБОУ СОШ № 113, г. Ростов-на-Дону.

Янков Кирилл Вадимович, кандидат экономических наук, заведующий лабораторией Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (ИНП РАН).

СЕКЦИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Абрамова Виктория, ученица 8 класса МБОУ СОШ № 80, (руководитель – Г.А. Кибалова), г. Ростов-на-Дону.

Асатрян Джульетта, ученица 5 класса МБОУ СОШ № 3, (руководитель – П.А. Мошиян), с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области.

Беликова Александра, ученица 8 класса МБОУ СОШ № 80, (руководитель – Г.А. Кибалова), г. Ростов-на-Дону.

Волегова Анна, ученица 11 класса МБОУ СОШ № 27. г. Шахты Ростовской области.

Врабие Анастасия, ученица 6 класса МБОУ СОШ № 113, (руководитель – Д.О. Чаплыгин), г. Ростов-на-Дону.

Гаджоглуян Анна, ученица 10 класса МБОУ СОШ № 11, (руководитель – С.В. Тяпина), с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области.

Гаспарян Рита, ученица 7 класса МБОУ СОШ № 2, (руководитель – Ж.В. Авакьянц), с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области.

Дазгдиян Диана, ученица 8 класса МБОУ СОШ № 11 (руководитель – А.Г. Кузмин), с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области.

Данишурка София, ученица 9 класса МБОУ СОШ № 8 (руководитель О.С. Шеряева), с. Большие Салы Мясниковского района Ростовской области.

Кравцов Николай, ученик 10 класса МБОУ СОШ № 19 (руководитель – Т.В. Слесаренко), ст. Ладожская Усть-Лабинского района Краснодарского края.

Куц Мария, ученица 8 класса МБОУ СОШ «Лицей» № 13) (руководитель – И.Г. Шкриль), г. Ростов-на-Дону.

Петросян Софья, ученица 10 класса МБОУ СОШ № 11, (руководитель – С.В. Тяпина), с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области.

Петросян Нонна, ученица 7 класса МБОУ СОШ № 11, (руководитель – С.В. Тяпина), с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области.

Пудеян Людмила, ученица 5 класса МБОУ СОШ № 2, (руководитель – Ж.В. Авакьянц), с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области.

Рыбченко Екатерина, ученица 8 класса МБОУ СОШ № 80, (руководитель – Г.А. Кибалова), г. Ростов-на-Дону.

Рыжова Ольга, ученица 5 класса МБОУ СОШ № 3, (руководитель – П.А. Мошиян), с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области.

Саркисян Лиана, ученица 8 класса МБОУ СОШ № 1, (руководитель – С.Ф. Мелохаян), с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области.

Сахарова Дарья, ученица 5 класса МБОУ СОШ № 3, (руководитель – П.А. Мошиян), с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области

Сорочкин Андрей, ученик 5 класса МБОУ СОШ № 3, (руководитель – М.А. Додонова), с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области.

Терехова Мария, ученица 8 класса МБОУ СОШ № 80, (руководитель – Г.А. Кибалова), г. Ростов-на-Дону.

Терехова София, ученица 8 класса МБОУ СОШ № 80, (руководитель – Г.А. Кибалова), г. Ростов-на-Дону.

Трус Ирина, ученица 11 класса МБОУ СОШ № 8, (руководитель – Н.А. Бацова), с. Большие Салы Мясниковского района Ростовской области.

Халатмаджиян Анна, ученица 5 класса МБОУ СОШ № 2, (руководитель – Ж.В. Авакьянц), с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области.

Халунина Ксения, ученица 8 класса МБОУ СОШ № 80, (руководитель – Г.А. Кибалова), г. Ростов-на-Дону.

Хейгетян Карина, ученица 10 класса МБОУ СОШ № 1, (руководитель – А.Г. Хаспекян), с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области.

Хечоян Эдита, ученица 7 класса МБОУ СОШ № 11, (руководитель – С.В. Тяпина), с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области.

Чороян Сусанна, ученица 9 класса МБОУ СОШ № 3, (руководитель – О.Г. Тухикян), с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области.

Ясмин Рашид, ученица 8 класса МБОУ СОШ № 1, (руководитель – С.Ф. Мелохаян), с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г.А. Матвеев</i> , Председатель Оргкомитета «Шагиняновских чтений» Памяти Минаса Георгиевича Багдыкова (1936-2020)	3
<i>С.М. Саядов</i> , исполнительный директор РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община» Приветствие	7
ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	8
<i>А.В. Белов</i> М.С. Шагинян о своей родословной	8
<i>Г.А. Матвеев</i> Мир межнациональных отношений в воспоминаниях М.С. Шагинян «Человек и время. История человеческого становления»	19
<i>В.В. Артеменко</i> Нахичеванский локус и образы донских армян в творческом наследии Н.Н. Берберовой...	26
<i>Р.Г. Тикиджьян, Екатерина Иванова</i> Межнациональные отношения на Дону и в Приазовье в произведениях М.С. Шагинян и Ф.Д. Крюкова	36
<i>Е.А. Паламарчук</i> Интернационализм – фундаментальный принцип мировоззрения М.С. Шагинян (по материалам книги «Путешествие по Советской Армении»)	43
<i>Т.О. Осипова</i> Уроки великого мастера: донские писатели о Михаиле Шолохове	49
<i>Н.В. Самарина</i> Этнический состав населения Области войска Донского (по Всероссийской переписи 1897 года)	58
<i>С.С. Попова</i> Образ донских армян в творческом наследии поэта и переводчика Кнарик Саркисовны Хартавакян	68
<i>Г.А. Кибалова</i> Ценности межнациональных отношений в творческом наследии поэта, писателя и фронтовика Н.М. Егорова	76
<i>В.Н. Карнаухова, Анна Волегова</i> Проблемы межнациональных отношений в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»	79
<i>М.Ю. Соколова</i> М.С. Шагинян о художнике Г. Шилтяне	83
<i>К.В. Янков</i> (г. Москва) Связи М.С. Шагинян с Ростовом в 1970-е гг.: из семейного архива	87
<i>Т.А. Шолохова</i> Мой дед – писатель и воин (воспоминания внучки Г.Ф. Шолохова-Синявского)	90

<i>А.А. Попова, Т.А. Шолохова</i> Победившие фашизм. Сплоченность людей различных национальностей в годы Великой отечественной войны (по произведениям Г.Ф. Шолохова-Синявского)	94
<i>С.С. Козлов</i> Благоустройство Нахичевани-на-Дону во второй половине XIX – начале XX вв.	104
<i>Е.Л. Щукина</i> Театральная жизнь в Нахичевани-на-Дону	114
<i>Д.О. Чаплыгин</i> Из истории армянского театра Нахичевани- на-Дону	123
<i>А.А. Попова</i> Недопетые песни, летящие в небыль... (Стихи современных поэтов Северного Кавказа в переводах ростовской поэтессы Розы Агоевой)	131
<i>Е.А. Килафян</i> Родная природа в творческом наследии донских писателей	137
<i>М.Е. Журавлева</i> (г. Москва) «Мой труд – труд собирателя» (Творческое наследие и вклад в культуру многонационального Донского края выдающегося фольклориста, музыканта, ученого А.М. Листопадава)	142
<i>И.В. Савчук</i> (г. Старая Русса) Творческое наследие М.С. Шагинян и ее многогранная деятельность на соединение дружбы народов	149
СЕКЦИЯ ШКОЛЬНИКОВ	
<i>Екатерина Рыбченко</i> М.С. Шагинян о ценностях укрепления дружбы и сотрудничества русского и армянского народов	156
<i>София Терехова</i> Тема укрепления дружбы и сотрудничества между народами в творчестве М.С. Шагинян	158
<i>София Данишурка</i> Влияние творчества М.С. Шагинян на укрепление дружбы, сотрудничества и взаимопонимания народов	161
<i>Виктория Абрамова</i> Вклад М.С. Шагинян в укрепление дружбы и сотрудничества русского и армянского народов	165
<i>Анастасия Врание</i> Жизнь М.С. Шагинян в Нахичевани-на- Дону среди донских армян	168
<i>Лиана Саркисян</i> М.С. Шагинян о дружбе русского и армянского народов (по страницам книги «Путешествие по Советской Армении»)	171

Ксения Халунина М.С. Шагинян – яркий сторонник высокой культуры межнациональных отношений	175
Рашид Ясмин Культура Донского края (по материалам литературного наследия М.С. Шагинян)	179
Мария Куц Образы представителей народов Донского края в повести «Перемена» М.С. Шагинян	182
Диана Дагдзиян Многогранная деятельность М.С. Шагинян по формированию созидательной атмосферы в обществе	186
Ирина Трус Проблемы межнациональных отношений в Донском крае в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»	190
Карина Хейгетян Народ и революция в произведениях М.С. Шагинян и М.А. Шолохова	192
Суссана Чороян Повесть «Перемена» М.С. Шагинян и роман «Поднятая целина» М.А. Шолохова	201
Николай Кравцов, Т.В. Слесаренко Шолоховская тема в наследии Ю.А. Жданова	208
Александра Беликова Человек и война. Национальный характер (по произведению «Судьба человека» М.А. Шолохова)	216
Мария Терехова Тема любви к земле и народу в творчестве М.С. Шагинян и В.А. Закруткина	220
РИСУНКИ ШКОЛЬНИКОВ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВУ М.С. ШАГИНЯН	226
Рисунок Джюльетты Асатрян	226
Портрет М.С. Шагинян	
Рисунок Андрея Сорочкина Иллюстрация к стихотворению М.С. Шагинян «Галка»	227
Рисунок Риты Гаспарян Иллюстрация к стихотворению М.С. Шагинян «К Армении»	228
Рисунок Людмилы Пудеян Иллюстрация к стихотворению М.С. Шагинян «Грибы»	229
Рисунок Анны Гаджоглуян Портрет В.И. Ленина	230
Рисунок Сони Петросян Портрет М.С. Шагинян	231
Рисунок Ольги Рыжовой Иллюстрация к стихотворению М.С. Шагинян «Флейта»	232
Рисунок Дарьи Сахаровой «Комета»	233
Рисунок Нонна Петросян Две сестры	234

Рисунок <i>Эдиты Хечоян</i> Иллюстрация к повести М.С. Шагинян «О двух сестрах и о волшебной стране Мерце»	235
Рисунок <i>Анны Халатмаджиян</i> Иллюстрация к повести М.С. Шагинян «О двух сестрах и о волшебной стране Мерце»	236